

12

1993

ВОКРУГ СВЕТА

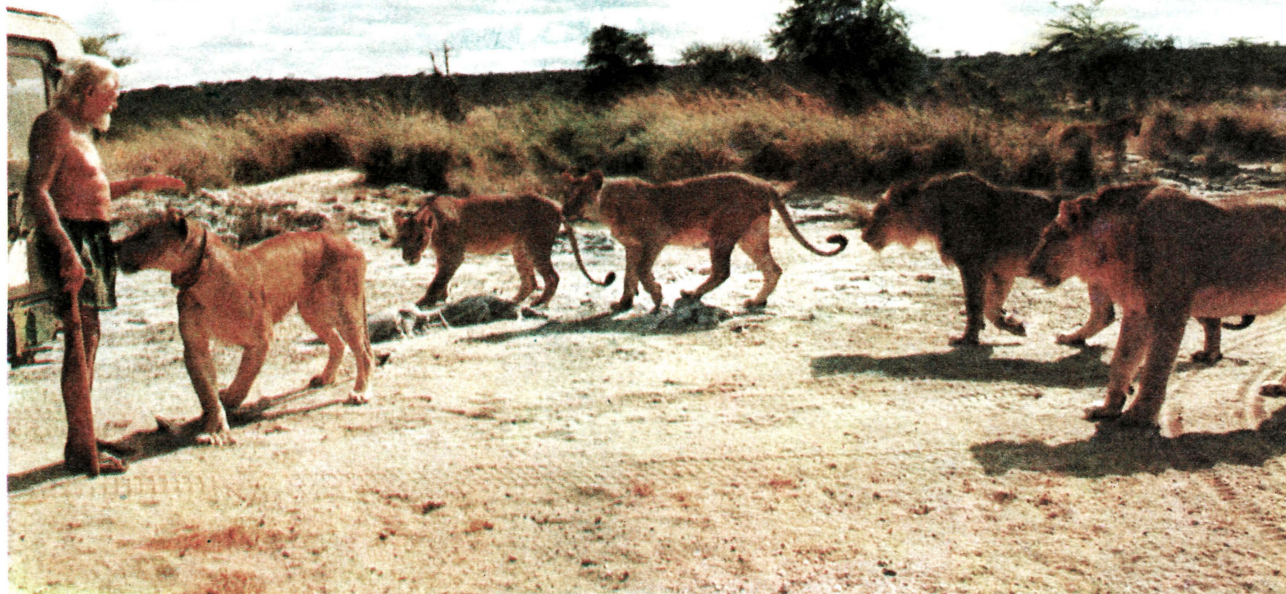
ОСТРОВ
МНОЖЕСТВА
РЕЛИГИЙ

КОНКИСТАДОР
СКАЛИСТЫХ ГОР

ДИСК
ИЗ ФЕСТА —
ПОСЛАНИЕ
АТЛАНТОВ?

О встрече с легендарным Джорджем
Адамсом – хозяином «Кемпи я симба» –
«Лагеря львов» рассказывает Виктор
Тарасов (см. с. 38).

Неутомимый итальянский
путешественник Яцен Палневич
на этот раз прислал свой
фоторепортаж из Гайаны
(см. с. 22).

© «Вокруг света», 1993 г.

**12/1993
ДЕКАБРЬ**

О СТРАНАХ И НАРОДАХ

- Юрий СУПРУНЕНКО**
Призрак Сиволы 2
- С. ВАРШАВЧИК**
Старик и море 8
- К. МЫШКИНА**
Остров неспешного успеха 10
- Яцек ПАЛКЕВИЧ**
В Омаи, на реке Эссекибо 22
- Виктор ТАРАСОВ**
Хозяин «Лагеря львов» 38
- Тарас ДОЛГОВ**
Найт-ижорские пирги 44

ИСТОРИЧЕСКИЙ РОЗЫСК

- Ален ДЕКО**
Анастасия 24

ГЕРАЛЬДИЧЕСКИЙ АЛЬБОМ 31

На первой странице
обложки:

ГАИТИ.

Тайные обряды вудуистов, поклонников сложного, пришедшего из глубины веков культа, перестали быть секретом для специалистов, занимающихся историей религий, и этнографов. Главное в этих обрядах — произвести сильное, запоминающееся впечатление на простых обывателей, — окропить себя кровью только что зарезанного на глазах толпы петуха, или вымазаться глиной и тут же вымыться под струями водопада, или украсить волосы разноцветными стеклами. Во всем этом видны отголоски анимистических верований племен Западной Африки, перемешавшиеся с индейскими культами, элементами христианства, буддизма, ислама и других религий.
Фото из журнала
«National geographic»

VIA EST VITA

- Станислав ЗИГУНЕНКО**
«Ноев Ковчег» в Аризонской пустыне 46
- Владимир СИДОРЕНКО**
После торпедной атаки 52

САМ СЕБЕ РОБИНЗОН 54

ТЕОРИЯ НЕВЕРОЯТНОСТИ

- Мачей КУЧИНЬСКИЙ**
Диск из Атлантиды? 14

АНТОЛОГИЯ ФАНТАСТИКИ

- Пьер БУЛЬ**
Энергия отчаяния
Главы из романа 56

ПЕСТРЫЙ МИР 50

Издатель журнала: акционерное общество «Редакция журнала «Вокруг света»
Совет директоров:
В.В.ШИЛОВ — секретарь
Союза журналистов России
(председатель)
А.А.ПОЛЕЩУК — генеральный директор АО «Вокруг света», главный редактор журнала
Н.А.ТУРОК — зам. генерального директора АО «Молодая гвардия»

Редакция:
О.И.БОЙКО,
Л.В.БОБРОВА,
Л.В.КОСТЮКОВА,
Н.В.КРИВЦОВ,
Е.Ф.КУЗЬМИН, отв. редактор приложения «Искатель»
В.И.КУХАРУК
В.А.ЛЕБЕДЕВ, первый зам. генерального директора, зам. главного редактора журнала

Н.Г.МАЛИНИЧЕВА
Л.М.МИНЦ
Н.Н.НЕПОМНЯЩИЙ,
ответственный секретарь
журнала
В.К. ОРЛОВ
Н.А.САФИЕВ
В.В.СЕМЕНОВА
В.Ю.СПАСЕННЫХ
А.П.СТРЕЛЕЦКИЙ

Б.Е.ТАТУРА,
зам. генерального директора
Л.А.ЧЕШКОВА,
ведущий редактор
Г.П.ШТУЛЬ
К.В.ЯНСИТОВ,
главный художник журнала
Операторы компьютерного набора
М.В.ГРЯЗНОВА
Г.П.ПОЖИДАЕВА

Учредитель журнала: коллегия редакции.
Перепечатка материалов допускается только с разрешения редакции.
Редакция не всегда разделяет точку зрения авторов публикуемых в журнале материалов.
За содержание рекламы отвечают рекламодатели.

125015, Москва, А-15,
Новодмитровская ул., 5а. 16-й этаж.
Телефоны: для справок — 285-88-83,
отдел писем и рекламы — 285-88-68,
редакторы — 285-89-83. «Искатель» —
285-80-10. Телефакс /095/972-05-82

Редакция знакомится с
письмами читателей, не вступаю,
как правило, в переписку.
Рукописи не рецензируются,
редакция лишь сообщает авторам
свое решение.

5*А» Novodmitrovskaya str.
Moscow, 125015
Fones: 285-88-83
285-88-68
Fax /095/ 972-05-82

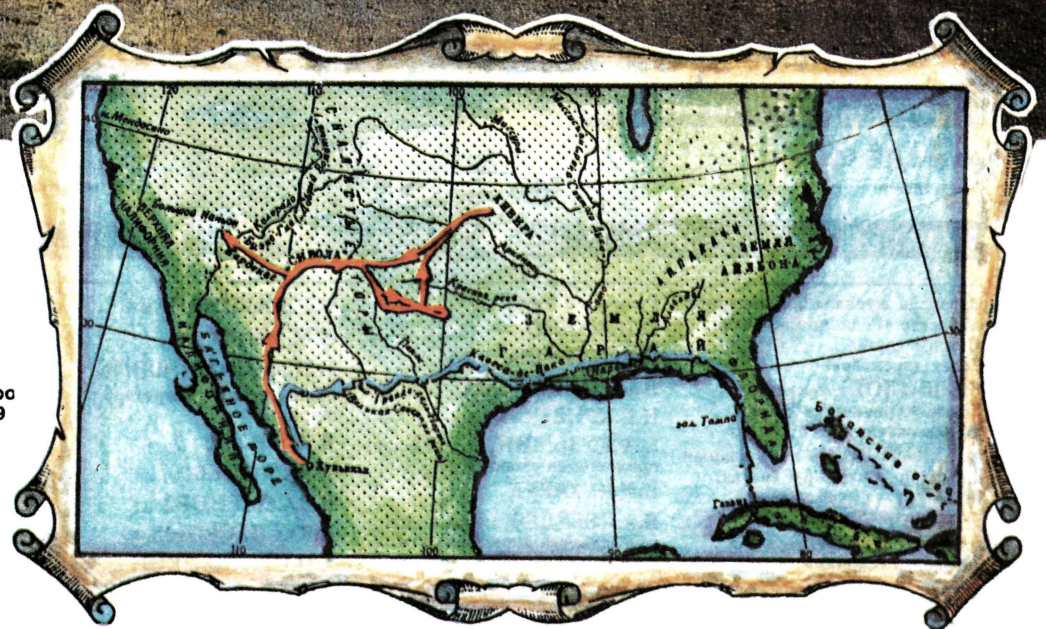
Юрий СУПРУНЕНКО,
кандидат географических наук

ПРИЗРАК СИВОЛЫ

По пути Франсиско Коронадо -
450 лет спустя

Красным цветом на карте показан маршрут экспедиции Франсиско Коронадо, отправившегося на поиски легендарной Сиволы в 1540—1542 годах из Нью-Мехико, а синим — вероятный путь Альваро Навеса де Вани, который в 1529 году двинулся в глубь Североамериканского континента с запада, вдоль южного побережья Мексиканского залива.

Несколько лет назад два американца, писатель Дуглас Престон и фотограф Уолтер Нельсон, решили повторить маршрут Франсиско Васкеса де Коронадо — испанского конкистадора, отправившегося в 1540 году по землям Северной Америки на поиски сказочно богатой страны Сиволы.

Непривычным к верховой езде, им предстояло на лошадях пересечь страну без дорог и железнодорожных путей, разбивать лагерь прямо в пустыне, как это делали их далекие предшественники. Пищу несли с собой —

муку, бобы, рис. Воду находили где могли. Единственной уступкой современности были карты Геологической службы США, по которым прокладывался маршрут длиной в 950 миль. Экспедицию планировали начать с того места, где Коронадо пересек границу будущих Соединенных Штатов, и дойти до резервации Пуэбло, теперь превращенной в национальный парк «Пекос-Пуэбло». То был край пустынь и гор, и, пожалуй, такой же девственный, как и во времена Коронадо. Не будучи сторонниками жестоких методов испанского конкистадора, кото-

рые он применял в общении с аборигенами, путешественники тем не менее надеялись своими глазами увидеть и представить, как же в то время открывались новые земли на юго-западе их континента.

ПЕРВОЕ ЭЛЬДОРАДО НА ЗЕМЛЯХ АМЕРИКИ

Легенды о богатых и таинственных странах Сиволы и Кивиры значительно старше, чем легенда о «позолоченном человеке» — Эльдorado и стране, которой он владел. Если ле-

Дуглас Престон и Уолтер Нельсон в пути.

Поход Франсиско Коронадо. Полотно американского художника Фредерика Ремингтона, 1898 год.

генду об Эльдorado первые конкистадоры слышали от южноамериканских индейцев, то загадочная страна Сивола не давала покоя многим еще в Европе. До открытия Нового Света полагали, что страна эта расположена где-то на островах Атлантики. Когда римляне разрушили Карфаген, многим его жителям удалось не только спастись самим, но и вывезти огромные сокровища. По одной из версий, спасшиеся карфагеняне ушли за Геркулесовы столбы от ненавистных римлян и на одном из островов основали богатое поселение...

Другая гипотеза возникновения Сиволы ведет начало с более поздних времен — от знаменитого плавания ирландского монаха в IV веке нашей эры. Райский остров, якобы открытый им, впоследствии долго и безуспешно искали; легенда о нем уступала место другим не менее удивительным рассказам — и самым притягательным из них был рассказ об Острове семи городов.

...Один архиепископ и шесть епископов после завоевания Пиренейского полуострова маврами бежали на отдаленный остров, где и основали семь городов. Поселение быстро достигло невиданного расцвета, там были шести-, семизэтажные постройки и народ жил в достатке, ни в чем не зная нужды. Когда была обследована Атлантика, в Новом Свете стали искать не Остров семи городов, а Страну семи городов. Причем претендовали на это легендарное звание две земли — Сивола, располагавшаяся, по рассказам первопроходцев, между реками Колорадо и Рио-Гранде, и Кивира, лежавшая в междуречье Миссури и Арканзаса.

Первым, кто услышал легенду о Стране семи городов, был знаменитый Эрнан Кортес. Но в пылу отчаянных схваток с ацтеками ему было не до этих рассказов. Единственно, что удалось испанскому завоевателю, — это посеять зависть у своего сподвижника Нуньо Гусмана. Этот жестокий конкистадор вписал, пожалуй, самые мрачные страницы в историю конквисты. После того как Гусману не удалось ни интригами, ни наветами поссорить испанского короля с Кортесом, он решил действовать иначе — завоевать страну богаче Мексики и затмить славу своего соперника.

Нуньо Гусман настойчиво расспрашивал индейцев: что же лежит севернее жарких, безводных пустынных земель? Во время «расспросов» нередко применялись и пытки. Алчный испанец думал, что местные жители знают, где лежит эта таинственная богатая страна, но хранят ее местоположение в глубокой тайне. В конце концов он решил, что нигде, кроме как на севере, ее и не может быть: все прилегающие к Мексике территории к тому времени уже были разведаны. Индейцы же сообщали лишь неясные сведения о Стране семи городов. Однако один из них, которого Гусман отпустил без пы-

ток, все же сказал, что богатством эта страна превосходит-де Мехико, там, мол, много золотых и серебряных изделий, и гостеприимные жители щедро одаривают ими любого, кто к ним приходит... Может, индеец этот попросту хотел сохранить свою жизнь и приукрасил слухи, передаваемые из уст в уста, от племени к племени? И, зная страсть испанцев к золоту, повелел, что им хотелось услышать? Как бы там ни было, а рассказ его совпадал с тем, о чем уже знали европейцы. И тут Гусмана осенила догадка: скорее всего архиепископ, спасшийся от мавров, высадился не на острове, а здесь, на Североамериканском материке, и где-то тут основал семь городов. У Кортеса была Мехика, у Гусмана будет нечто большее — богатая Сивола!

В 1530 году Гусман снарядил экспедицию и отправился на поиски Сиволы. У его солдат было достаточно и вооружения, и провианта, к тому же их сопровождала тысяча индейцев. Смутно представляя себе конечную цель, отряд двинулся на северо-запад вдоль западных отрогов Мексиканского нагорья. Вскоре жаркий климат и пустыня дали о себе знать. От нестерпимой жажды страдали даже бывалые индейцы. В отчаянии люди резали лошадей и пили их кровь. Какие райские страны могут быть в этом раскаленном аду? Солдаты отказались идти дальше — от Калифорнийского залива пришлось повернуть назад.

После первой неудачной попытки все разговоры о далекой стране на время прекращаются. Однако в 1536 году, когда после восьмилетних скитаний по Новому Свету вернулись трое испанцев со слугой мавром в Мехико, интерес к Стране семи островов пробудился вновь. Маршрут отважных путешественников проходил как раз по северным землям; одним из вернувшихся был Кабес де Вака.

А Гусман к этому времени попадает в опалу, лишается всех титулов и званий, и его имя предается забвению...

Одиссея Альваро Нуньеса Кабеса де Ваки началась со шторма — он и четверо его спутников оказались на берегу в одних лохмотьях, без пищи и огня. Случилось это у побережья Флориды, но несчастные даже не представляли, где находятся, куда идти, где искать спасения. Все восемь лет они так и прожили, кочуя от одного индейского поселения к другому. То было не простое путешествие, а своего рода испытание, проверка на выживание среди индейцев. И в этом нелегком странствии испанцам приходилось многому учиться у аборигенов — охотиться, врачевать, вести торговлю. Во многом преуспел сам Кабес де Вака: он до точности овладел знахарским искусством туземцев, чем снискал себе их уважение, а чтобы прокормить себя и своих товарищей, ему даже пришлось стать бродячим торговцем — навдываясь в глубь материка к племенам, которые никогда не видели моря, он обменивал диковинные морские камни на съестное. Позже ученые

восстановили маршрут де Ваки. Он проходил от Флориды по территории современных штатов Техас, Нью-Мексико и Аризона и дальше неоднократно пересекал реки Западной Сьерра-Мадре...

По возвращении в Мехико путешественников ожидал восторженный прием. Еще бы: столько лет о них не было ни слуху ни духу, и все считали, что их уже давно нет в живых. И не было конца расспросам: не встречали ли они загадочные земли Сиволы или Кивиры и семь сказочных городов? Однако ничего определенного путешественники рассказать не могли. Единственно — они поведали соотечественникам, что в одном племени им подарили пять изумрудных наконечников для стрел. По словам индейцев, изумруды им якобы принесли с «высоких гор на севере», где в крупных селениях с большими домами живут зажиточные племена...

АВАНТЮРА ИЛИ ЭКСПЕДИЦИЯ?

После возвращения Кабеса де Ваки тут же началась подготовка к новой экспедиции — одной из самых крупных, какие когда-либо предпринимали испанцы в Новом Свете. Отправляясь на поиски загадочных земель, ее участники поневоле стали первооткрывателями огромной, неизвестной ранее территории Северной Америки.

Нетерпение испанцев подогрело и рассказами другого путешественника — монаха Марко де Ниса. Он вернулся в Мехико в 1539 году. По его словам, далеко на севере он открыл «величайший город мира, столицу некоего богатого королевства, с десятиэтажными зданиями, много больше Мехико. Город окружали бескрайние земли, самые прекрасные на всем белом свете». В королевство входило семь городов, по красоте не уступающих друг другу. По некоторым предположениям, они-то и были основаны христианским архиепископом и его шестью спутниками. В рассказе де Нисы речь, конечно, шла о Сиволе. Но монах не решился войти в главный город, а лишь внимательно осмотрел его с вершины холма. Красные скалы, среди которых располагались дома, в лучах заходящего солнца, казалось, отливали золотом. Монах Марко отдал приказ сопровождающим его индейцам насыпать груду камней и водрузить на ней деревянный крест. Так в соответствии с буквой закона Испания помечала свои владения в Новом Свете.

А если это еще одна империя, ждущая, как и инкская или ацтекская, своего завоевателя? Вице-губернатор Новой Испании отдал этот лакомый кусок для покорения молодому, подающему надежды офицеру из знатного рода — Франсиско Васкесу де Коронадо! Тот быстро снарядил большой отряд, состоящий почти из полтора тысяч воинов и рабов, тысячи лошадей, нескольких стад овец и крупного рогатого скота. Вдобавок у него было три корабля с запасами продо-

вольствия и снаряжения для пешего отряда, который продвигался на север вдоль восточного берега Калифорнийского залива. Большинству участников экспедиции не было и двадцати лет, а самому Коронадо едва исполнилось тридцать.

Его армия вышла из Компостеллы в феврале 1540 года. Затем испанцы добрались до Кульяканы. А оттуда Коронадо пошел вперед с сотней легко снаряженных воинов, взяв себе в проводники монаха Марко. В конце мая передовой отряд достиг земли, которая ныне входит в США и составляет юго-восточную часть Аризоны. Так началось географическое открытие юго-западной области Североамериканского континента.

Дорога оказалась нелегкой, но отряд все ближе подходил к городу, о котором сообщал монах-путешественник. А с его приближением росла и алчность конкистадоров.

Но их ждало горькое разочарование. Город, построенный из камня и глины, стоял на уступах скал. Хижины лепились, как пчелиные соты, одна над другой — оттого и пошли слухи о многоэтажных домах. Удивлялись испанцы еще и тому, как индейцы легко бегали вверх-вниз да еще ухитрялись нести на себе всякую поклажу. У пришельцев создавалось впечатление, что эти верхолазы вовсе не касались стен руками. Из своих жилищ индейцы бежали от непрошенных гостей в горную крепость Зуни...

Так уж получалось, что ожидания конкистадоров часто не оправдывались: добыча всегда оказывалась меньше, чем они надеялись. У индейцев пуэбло и вовсе не приходилось рассчитывать на золото. Дома были бедными, а земля — пустынной и неприветливой.

Но, как и в других завоевательных походах, разочарование еще больше распаляет воображение. И солдаты Коронадо вновь с надеждой устремили взор за горизонт — в сторону северо-западных гор. Благословенная и богатая Сивола лишила их покоя! Много пришлось повидать искателям, прошедшим впервые берегами огромных рек Колорадо и Рио-Гранде, — необъятные прерии, глубокие каньоны и неприступные скалистые горы. Впервые европейцы увидели и главное местное чудо природы — Большой каньон. Но Сивола, словно мираж, отступала все дальше и дальше. Современные историки утверждают, что ни один другой поход в поисках Эльдorado не давал столь обширного географического материала. И конкистадор Коронадо оказался первооткрывателем, проложившим дорогу людям в ранее неизвестные земли.

ПУСТЫННЫМИ ЗЕМЛЯМИ АРИЗОНЫ

В середине апреля Дуглас Престон и Уолтер Нельсон двинулись в путь с границы штата Аризона и Мексики, где река Сан-Педро протекает по тер-

ритории США, огражденная пятью рядами колючей проволоки. Уровень воды был низким, и река разветвлялась на несколько рукавов, скользящих по песчаному руслу. В Аризоне стояла засуха, случаются здесь раз в столетия. Как сообщают хроники, испанцы тоже натерпелись от иссушающего зноя пустыни.

Экспедиция началась удачно. Пройдя с полмили от границы, разбили лагерь у ранчо с прохладным источником. Засыпали под скрипучие и воющие звуки ветряной мельницы. Но уже около пяти часов утра проснулись от холода — спальные даже покрылись инеем. Вскоре взошло солнце, но потеплело только к десяти часам. Вокруг кружились хлопковые волокна, поднятые ветром с соседней плантации. Картина напоминала снегопад.

Путешественники пали духом. Немалых хлопот доставляло им продираться вдоль реки сквозь заросли кустарника. Дуглас умудрился свалиться с седла посередине реки. В надежде, что ехать по равнине будет легче, они, стиснув зубы, преодолели крутой берег, пробились сквозь тучи москитов и наконец выбрались на огромную пойму, заросшую желтой травой высотой почти до лошадиных глаз. Но тут же одно из животных провалилось в глубокую яму... После этого случая путники предпочли идти пешком, рядом с лошадьми, давая им возможность самим избегать коварных нор, вырытых грызунами. Под слепящим солнцем и в густой траве ямы и рытвины не так-то просто было заметить.

В течение примерно часа путешественникам дважды пришлось останавливаться и перевьючивать лошадей. Но для этого требовались умение и сноровка. Прошла не одна неделя, прежде чем Дуглас и Уолтер понастоящему обучились этому искусству. Как известно, испанские первоходцы заботились о лошадях больше, чем о себе.

В дальнейшем за целый день удавалось преодолеть свыше трех с половиной миль. Но чтобы уложиться в поставленные сроки, нужно было проходить ежедневно по двенадцать миль. А при ходьбе с такой скоростью путники могли поглотить все свои запасы раньше и тем самым нарушить идею эксперимента. Ведь испанцы все свое несли с собой. Первые 35 миль Сан-Педро протекала по дикой местности — то среди подвижных дюн с одиноко растущими кактусами, то среди обрывистых берегов. На сорокаградусной жаре приходилось прикрывать щеки и надевать плотную одежду. А по вечерам ноги лошадей и лица путников кровоточили от укусов мошкар и москитов, трескались после дневного зноя.

Спустя несколько дней двое приятелей уже выглядели бывальными путешественниками: загоревшие, в солнцезащитных очках, покрытые пылью и с возбужденными, горящими глазами. Окружающая местность отличалась неземной, нереальной красотой. Од-

нажды, остановившись перекусить среди песков, путешественники были удивлены, увидев колонию цапель. Птицы кричали и кружились над их головами. От далеких голубых гор, казалось, веяло прохладой, и от этого пустынный зной становился еще более нестерпимым. Изредка в траве мелькала белая тень антилопы. Но, в отличие от испанцев, наши современники были плохими охотниками.

К вечеру выбирали более или менее раскидистое дерево и под его сенью располагались на отдых. Смыв с себя грязь и пот в мелкой речушке, вдоволь наплевкавшись и освежившись, приступали к приготовлению ужина. Вечерние часы у костра, после сытной еды, были самыми благословенными за все время путешествия. А темным морозным утром, едва продав глаза, принимались разводить костер и варили бодрящий «ковбойский» кофе: пригоршня зерен на котелок мутной воды; полученная смесь кипятится на сильном огне, пока не станет темной и тягучей; ее нужно пить или хлебать ложками.

Путь был нелегкий. Как ни странно, но все тело у седоков, кроме ягодиц, было в ссадинах. В первый день одна лошадь наступила Дугласу на ногу и отдала палец. Он распух и стал похож на венскую сосиску — пришлось разуться и устроить незапланированный привал. А потом снова надевать сморщившиеся на солнце ботинки и, превозмогая боль, идти дальше.

Иной раз почти весь день уходил на то, чтобы поправить лошадиную упряжь, связанную крепкими, чуть ли не морскими узлами, — все это было нужно, чтобы животные чувствовали себя свободно. Да уж, лошади действительно требовали постоянного внимания. А тут еще ладони изнутри и снаружи потрескались, и с непривычки почти все ногти на руках были поломаны. К счастью, в походной аптечке оказалось антисептическое средство для лошадей, скота и домашних животных. Оно как нельзя кстати пришлось для садин на руках. Наверное, люди, привычные к физическому труду, не испытывали бы таких лишений и обошлись бы без лекарств...

На восьмой день путники увидели на другом берегу реки пыльную дорожку, ведущую в небольшой городок Сент-Дэвид. Они едва не зарыдали от радости. Годами ученые спорили, какой же путь выбрал Коронадо в Аризону — в записях об этом нигде не упоминается. Было предложено два возможных направления: западное — через восточную часть центральной Аризоны и восточное — прямо на север, вдоль границы между штатами Аризона и Нью-Мексико. И то, и другое было равно приемлемо для Коронадо. Дуглас и Уолтер выбрали западный маршрут и повторили, пускай частично, два его возможных ответвления.

В 15 милях выше по реке от Сент-Дэвида они углубились в пустыню, следуя по наиболее вероятному пути Коронадо. И спустя несколько дней оказались на холмистой, безлюдной

местности под названием Меса (в переводе с испанского это означает «плоский стол», у американцев оно стало общепринятым обозначением плоского холма-останца), лежащей между двумя древними горными цепями. Деревья и кактусы исчезли — вместо них появились зеленые холмы, словно покрытые бархатом. То тут, то там видны были огромные стада чернохвостых оленей; они двигались по склонам плавными волнами, подобно водному потоку.

Дальше путь пролегал на северо-запад, к берегам реки Хила. И сразу же за ней потянулись горы, хребет за хребтом, до самого уступа Моғгол. К тому времени, когда передовой отряд Коронадо достиг этих мест, его люди начали подозревать, что рассказы монаха — чистая ложь, подвох. Действительно, вместо обещанных сочных пастбищ, прохладных рек и пологих троп приходилось преодолевать крутые горные склоны, равнины, сплошь поросшие кактусами, высокие каменные русла.

Вскоре путешественники пошли по местам, которые в экспедиционных хрониках Коронадо именовались как «безлюдная территория». Это была гористая местность, включающая и горную цепь Моғгол, которая охватывает западную часть штата Нью-Мексико и почти половину Аризоны. В местечке Глоуб, штат Аризона, почастивилось встретить ковбоя, который приютил путников на ночь и указал более легкий путь по выбранному маршруту. Предстояло отклониться на 50 миль от намеченного направления.

Поднимаясь на хребет Моғгол, примерно через месяц пути, 9 мая, подошли к реке Солт-ривер, протекающей в глубоком ущелье. За розовыми горами вздымались голубые, но то был еще не уступ Моғгол, а лишь седловина на подступах к нему. Глядя на это беспорядочное море гор, один из путешественников, по его собственному признанию, почувствовал, как по спине у него побежали мурашки — столько еще предстояло пройти.

Сразу за рекой разбили лагерь. Купаясь, Дуглас с удивлением заметил худого длинноносового и чернобородого оборванца. Тот поинтересовался, какого черта путешественник оказался в его пруду. И добавил: «А попадались ли тебе здесь гремучки?» Получив отрицательный ответ, он потыкал палкой в старые корни и водоросли вокруг пруда и, не обнаружив там гремучих змей, полез в воду.

Его звали Род, он поведал Дугласу и Уолтеру свою историю. Он был ранен во Вьетнаме и теперь жил в палатке в четверти мили выше по реке. По его словам, он ничего не хочет иметь общего с цивилизацией и промышленяет охотой на гремучих змей, делая из их кожи ленты на шляпы и пояса. Вряд ли можно было найти человека, так боящегося гремучих змей, как Род. «Когда-нибудь они отомстят мне, — признался он. — Ведь я убил их уму». В тот вечер к обеду Род принес блюдо из полосатой зубатки. До этого зав-

траки, ленчи и обеды путников состояли из так называемого «меню Коронадо»: утром — блюдо из отварного овса, днем — орехи и сухофрукты, к вечеру — горшок бобов, рис и злаковые, богатые протеином, которые употребляли еще древние индейцы. Дуглас и Уолтер с такой жадностью стали уплетать жирную жареную зубатку, что Род с опаской спросил, все ли с ними в порядке.

На следующий день Род показал им брод. Солт-ривер, даже при низкой воде и при стоявшей тогда засухе, имела множество глубоких проток и донных расщелин, куда могли провалиться навьюченные лошади.

Подъем на хребет стал серьезным испытанием. Встречались отвесные скалы и засыпанные каменными обломками уступы. На склоне росли кактусы и юкка. Но, как оказалось, все усилия были напрасны. На гребне шедший впереди Уолтер остановился и неестественно спокойным голосом сказал, что нужно поворачивать обратно. Тропа исчезла, и две его лошади очутились на узком уступе. Это была западня: ни развернуться, ни спешиться, лошади вот-вот сорвутся в пропасть. Дуглас повернул на склоне вниз, и холодок пробежал по его спине при мысли об Уолтере. Но то, как говорят американцы, была «работа на одного» — помочь себе Уолтер мог только сам. После долгого молчания, когда были слышны лишь звуки осыпающихся камней, наконец раздался его голос: «О'кей, лошадки, но-о-о!» Он ехал и с усмешкой приговаривал, похлопывая лошадь: «Она еще слушается меня».

Наверху сделали остановку, чтобы снять пережитое напряжение. Лошади тоже еще дрожали от страха. К тому же все ноги у них были в кактусовых иголках. Пришлось заниматься микрохирургией. Отсюда была видна река Солт-ривер, она текла по ущелью на 300 метров ниже, зажатая со всех сторон отвесными скалами. Уолтер и Дуглас заключили, что Коронадо вряд ли мог пойти этим маршрутом. Отсюда до слияния рек Малая Колорадо и Зуни, где начинался уже документально зафиксированный маршрут Коронадо, оставалось еще 250 миль.

По горам шли медленно. По мере подъема пустынное нагорье сменялось сосновым лесом с зарослями влажных папоротников. Однажды утром Дуглас поднялся к вершине в поисках пропавшей лошади. Облачная пелена вдруг прорвалась, и он увидел уступ Моғгол, покрытый сверкающим снегом, восходящий трехсотметровой стеной.

Хребет Моғгол обозначает южную оконечность обширного Колорадского плато. Путешественники медленно продвигались на северо-восток, сосны и сочные травы сменялись кедрами, а потом под голубым небом потянулась огромная безлесная территория, покрытая кустарниками и красными скальными обломками. До хребта едва ли преодолевали в день с десяток миль, а перевалив его, удава-

лось проходить по 20, а то и 25 миль.

В конце мая достигли слияния рек Малая Колорадо и Зуни, в 60 милях от Семи золотых городов, и стали лагерем. Дров не хватало — и готовить пришлось на лепешках из коровьего навоза. К этому времени главной заботой путешественников стали лошади: люди понимали, что без них не добраться до цели. А животные теряли в весе с каждым днем — надо было постоянно искать сочные пастбища. Приходилось стреноживать лошадей и отпускать далеко от места стоянки в поисках травы. За ночь они могли пройти две-три мили, и наутро путешественники не один час тратили на то, чтобы их найти. Тогда Дуглас и Уолтер возвращались в лагерь верхом, распевая от радости во всю силу своих легких.

Трудности с прокормом лошадей заставили обоих друзей задуматься: а как же выходили из положения солдаты Коронадо? Ведь по этим местам они точно проходили. Но где же здесь можно было выпастить целый табун?! Видимо, в наше время климат стал более засушливым.

НА КРАЮ ГИБЕЛИ

Где-то в этих местах испанцы впервые повстречали индейцев зуни — те появились на плоской возвышенности-месе и тут же исчезли. На следующий день над испанским лагерем собрались еще больше индейцев. Их крики и вопли так напугали людей, что те в панике вновь оседлали лошадей. День спустя измученный отряд Коронадо поднялся на небольшое плоскогорье, и перед ним открылся вид на один из семи легендарных Золотых городов. Однако... Вместо сказочного города-крепости, к своему разочарованию, люди увидели лишь «небольшую, переполненную индейцами деревушку, которая выглядела полуразрушенной — так, будто здесь хозяйничали злые силы».

Это было поселение индейцев зуни — деревня Хоакух.

Индейцы оказались вооруженными, и испанцы обратились к ним с речью: если они без сопротивления отдадут себя под «защиту» испанского короля и примут Христа как своего спасителя, тогда им не причинят зла. Осталось неясным, поняли ли все это индейцы, но ответили они градом стрел. Имея преимущество в вооружении в виде аркебуз и арбалетов, одетые в доспехи испанцы быстро сломили сопротивление индейцев.

Американские путешественники также не встречали индейцев, пока не добрались до нынешней границы штата Нью-Мексико. Первым, кого они увидели из местных жителей, был Линкольн Хакер, он стоял у своего овечьего стада с поднятой в приветствии рукой. Равнина с расположенной на ней когда-то деревушкой Хоакух была пустынной — так называемый Золотой город, вскруживший голову испанцам, лежал в руинах. К вечеру Дуглас и Уолтер уже сидели на

пластмассовых стульях перед пастушьей хижиной и при свете керосиновой лампы пили кофе. Пастух в доме крутил приемник, проезд случайных гостей был для него радостным событием. А для путешественников музыка за дверью, казалось, звучала не здесь, рядом, а где-то далеко-далеко. Они смотрели на восток, на голую выжженную равнину и думали о тех, по чьим следам они шли. Легкий ветерок нес пыль, отдающую порохо-

Путешествие началось шесть недель назад, и было уже пройдено около 600 миль. 23 мая, добравшись до деревушки Хоакух, Дуглас и Уолтер решили прервать маршрут и продолжить его в августе, после того как начнутся летние дожди и поспеет трава. И вот они снова в пути.

Это были пустынные земли, без каких-либо признаков человеческого жилья. Лишь пастух, его стадо да следующая по пятам черная собака... Издалека доносились звон колокольчиков и блеянье овец, то громкое, то тихое, в зависимости от того, откуда дул ветер. Но американские путешественники ощущали здесь незримое присутствие героев прошлых столетий.

...После падения Хоакуха Коронадо поселился в Зуни и выслал разведывательные отряды на восток и запад. К этому времени из большого поселения Пекос уже прибыла делегация индейцев пуэбло с подарками для «смелых чужеземцев». Вместе с индейцами обратно в Пекос Коронадо послал одного из своих капитанов — Альварато.

Прежде чем отправиться по старой индейской торговой тропе из Зуни в Пекос, американским последователям Коронадо (правда, этим путем прошел лишь Альварато, сам Коронадо выбрал другую дорогу) предстояло еще купить трех новых лошадей. Прежние совсем сдали и для путешествия в условиях пустынного климата, да еще при скудном корме, не годились. Решено было достать лошадей местной породы, тех самых, которых, по всей вероятности, использовали и конкистадоры.

К счастью, в Санта-Фе нашелся конный завод, и друзьям предложили чудесную племенную кобылу пегой масти. Но так как она оказалась последней из этой породы, цена ее превышала все расходы на экспедицию — 10 тысяч долларов. И все же ее отдали путешественникам бесплатно. Коневодам, занимающимся восстановлением этой древней породы, самим было интересно, как их питомцы выдержат тяготы пути.

Из Зуни выехали 7 августа и почти тут же попали в беду. На ночь встали лагерем на священной земле индейцев зуни, на небольшом лугу, окруженном глубокими сухими руслами и бедлендами (дословно: «плохие земли») — вполне научный термин для обозначения ландшафта, сильно по-

страдавшего от эрозии). Вблизи не было воды, но надежда найти утром хоть немного влаги все же оставалась. Лошадей отпустили на волю попасться — думали, новая компания далеко не уйдет. И тут на тебе: племенная кобыла исчезла! Отправляясь утром за ней, Уолтер уже на ходу весело бросил своему товарищу: «Я скоро, а ты приготовь пока завтрак».

Но Уолтер не вернулся ни к завтраку, ни к полудню. Жара становилась нестерпимой, и Дуглас изнывал от жажды, не говоря уже о лошадях. Ничего не оставалось, как отправиться с ними за водой к источнику, находившемуся милях в четырех от лагеря. Канистры были прикреплены к седлам лошадей. И тут Дуглас допустил промаху: на какой-то миг он оставил без привязи двух лошадей, и те, почувствовав свободу, пустились прочь из лагеря. Пришлось гнаться за ними, то выкрикивая проклятия и угрозы, то приманивая ласковыми словами. Но на животных ничего не действовало. Оглянувшись, они припустили галопом дальше. Дуглас пришел в отчаяние. Он взобрался на спину третьей лошади, прямо без седла, свесил ноги на одну сторону и поехал за теми двумя, превратившимися в две маленькие точки на горизонте.

Лошадь Дугласа спускалась с крутых обрывов, преодолевала сухие русла, продиралась сквозь кустарник; напрасно Дуглас пытался привязаться веревкой к лошадиной шее. Ему не удалось удержаться на голом крупе, и он, соскользнув с него, угодил в липкую грязь. К счастью, все обошлось. Встав на ноги, он попытался трезво оценить свое положение: лошади ускакали, унеся с собой остатки воды, — казалось, не было никакой надежды их вернуть, они могли беспрепятственно дойти до самой Аризоны — в том направлении не было никаких ограждений.

Испытывая нестерпимую жажду, Дуглас пошел дальше пешком. Через четыре или пять миль он вдруг заметил, как в зарослях мелькнуло что-то белое — это были лошади. Он подкрался на двести метров, свистом и голосом успокаивая их, протягивая руки, будто полные овса. Но они к себе не подпускали. На изнуряющей жаре Дуглас шел за лошадьми еще целый час, пока не загнал их на бедленд — землю, изрытую ложбинами, ямами, рытвинами, — по которой человеку все же легче было передвигаться, чем коню. Тут и удалось их настичь, когда они склонились попить мутной жижи.

Уолтер прибыл в лагерь с племенной кобылой только к вечеру. Ему пришлось обратиться к пуэбло за помощью — они знали повадки этой породы. Американец прошел по следам лошади около 16 миль, с мешком овса за спиной, когда неожиданно, видимо проголодавшись, она подошла сзади и ткнулась в него мордой.

Через неделю путешественники перевалили через горы Зуни и оказались у западных отрогов Эль-Мальпаисо, в

краю отвердевшей, искореженной черной лавы. Многие исследователи экспедиции Коронадо сходятся во мнении, что Альварато и его спутники из селения Пекос обошли кругом эту местность. По их мнению, никакая лошадь или мул не могли бы пересечь ее; а кроме того, тут не было воды — пористые лавовые породы ее не удерживали.

Но Дуглас Престон, тоже занимавшийся архивными изысканиями, пришел к другому выводу. Он считал маловероятным, что индейцы и Альварато сделали 30-мильный крюк. И пытался доказать, что для лошадей они не могли быть непреодолимым препятствием.

Путешественники вступили на лавовые земли 13 августа. Они выбрали семимильный прямой путь, обозначенный службой национальных парков как старая испанская дорога. Через полмили пошли, пожалуй, самые причудливые ландшафты Северной Америки — огромные массивы черной лавы. Решено было вначале разведать путь пешком. Уолтер вызвался идти первым и, поблудневший, вернулся через час. «Я никогда не думал, что могу оказаться почти в аду», — признался он, еще не отдышавшись. Подошвы и края его ботинок были исцарапаны острыми краями лавы, руки все в порезах. Стало ясно — здесь не пройти.

Объезжая по краю горный массив, к вечеру путники наткнулись на ранчо. Хозяин, выслушав историю их мытарств и, рассмеявшись, ответил: «Да ведь это совсем другой проход! Это то, что сделали люди из национального парка. Настоящая индейская тропа начинается как раз на моей земле. Служба парка хотела ее разметить, но я послал их к черту».

Путешественники сели в пикап хозяина ранчо и проехали по прерии, почти задевая бампером за черную стену лавы. И он показал им начало тропы, которое можно было увидеть, лишь приблизившись на несколько метров. Видно было, что ее проложил человек и по ней вполне могла проехать лошадь.

Без каких-либо дополнительных расследований стало очевидно, что индейцы могли скрываться по этой тропе от кавалерии, а при необходимости — убить преследователей. Что же касается воды, то, как объяснил хозяин ранчо, ее здесь больше, чем где бы то ни было, нужно просто знать, где искать. Он показал еще одну тропу через лавовый массив, по которой мог проехать даже джип. Ее-то и выбрали на следующий день путешественники.

Акомо-Пуэбло в лучах заходящего солнца казался городом, созданным из золота. Возможно, из-за неприступного вида этого поселения Коронадо даже не пытался покорять его. Расстояние от Акомы до Альбукерке составляло 75 миль, но самое главное — на всем протяжении этого отрезка

было лишь два водных источника: шоколадно-молочная лужа в глинистой грязи и пеннистая вода в загоне для овец. На третий день, когда запасы у путешественников подходили к концу, они заметили вдали ветряную мельницу и чуть в стороне — какой-то резервуар. Вокруг пасты скот — значит, там была вода.

Дуглас с Уолтером наполнили все имеющиеся емкости. Эту воду им пришлось пить на всем пути до Альбукерке. Каждую ночь зарево от города становилось сильнее. На четвертый день с края откоса открылся вид на широкую долину реки Рио-Гранде. Альбукерке угадывался за пеленой коричневого смога. Путь прокладывали мимо гор городских отбросов и хлама, сгоревших матрасов, выброшенных холодильников, трупов животных и наконец въехали прямо на переполненную транспортном авеню в центре города.

Альваро со спутниками скорее всего спустились к Рио-Гранде неподалеку от этого места. Их взорам открылись огромные просторы заливных лугов, целые ряды жилищ индейцев пуэбло, протянувшихся по террасе над рекой, — индейское «королевство» под названием Тигуэкс (нынешний Кересан). И Альваро послал донесение Коронадо, что эта богатая долина была бы хорошим местом для зимовки всей армии, а сам продолжил путь вверх по реке и затем повернул на восток.

Дуглас и Уолтер проследовали этим же маршрутом, проехав вдоль Рио-Гранде около 70 миль до Санто-Доминго-Пуэбло. Здесь им был оказан теплый прием вождем пуэбло, маленьким человеком с мощной грудью, говорящим скороговоркой. Путников угостили традиционным блюдом из тушеной баранины с индейским хлебом. «Много столетий тому назад, — пояснил вождь, — мы так же принимали Коронадо. У людей Санто-Доминго гостеприимство в крови. И я надеюсь, — продолжал он с усмешкой, — вы не отплатите нам, как Коронадо».

Альваро прибыл в Пекос в самом конце сентября. Крепкие пуэбло приветствовали его, сидя на скальном останце посредине зеленой долины на фоне возвышающихся гор Сангре-де-Кристо. Индейцы выступили вперед под барабанный бой и разложили перед Альваро ковры из овечьей шерсти, мягкие звериные шкуры, индеек, ломти говядины и другие угощения. Испанцы нагнали страху на индейцев, которые до этого хвастались, что никто не сможет их покорить.

СЕРЕБРЯНАЯ ПОСУДА, ЗОЛОТЫЕ КУБКИ

Здесь, в Пекос-Пуэбло, можно сказать, завершилась экспедиция Коронадо. Само окончание было коротким и драматичным. Альваро, постоянно собирающий сведения о золоте, встретил у пуэбло раба из пле-

мени равнинных индейцев, которому дал прозвище Индюк. Тот поведал ему историю о королевстве Кивира. Там, по его словам, все едят из золотых тарелок и пьют из золотых кубков.

И вновь испанцев охватила «золотая лихорадка» — наступающей весной они решили отправиться на поиски Кивира. А пока Коронадо со своей армией прибыл на зимовку к Рио-Гранде. В ответ на гостеприимство индейцев, встретивших чужеземцев подарками и снедью, испанцы захватили в плен многих пуэбло и разбегали по всей округе, забирая одежду и одеяла. Некоторые племена восставали. Но когда индейцы сдались, поверив обещанию, что к ним будет проявлено милосердие, испанцы все равно сожгли их на кострах. К весне зеленая долина Рио-Гранде была опустошена и выжжена дотла.

В апреле испанская армия двинулась дальше на поиски Кивира, пройдя в глубь техасских земель около тысячи миль. Неумолимый Коронадо с горсткой людей добрался даже до центрального Канзаса, где они и обнаружили легендарное королевство. Но это было лишь жалкое поселение из нескольких дюжин соломенных хижин в долине реки Арканзас. Индюк был тут же обезглавлен, а Коронадо с армией вернулся в Мексику. Экспедиция его провалилась, а репутация первопроходца оказалась подорванной. Он умер в безвестности в возрасте 44 лет.

К тому времени, когда американские путешественники прибыли в Пекос-Пуэбло, они потеряли счет дням и не могли точно назвать число. Стоял сентябрь, ночи стали заметно холоднее. Было понятно, почему конкистадоры, прибывшие с юга, отбирали у индейцев одеяла и накидки. Когда Дуглас и Уолтер въехали на территорию национального памятника «Пекос», над горами Сангре-де-Кристо собрались грозовые тучи и хлынул дождь. Большое селение пуэбло, где Альваро приветствовали под звуки флейт и барабана, лежало в руинах. Оно было заброшено в 1838 году, а теперь стало популярной туристской достопримечательностью.

Путники сняли с лошадей поклажу и поехали по асфальтовой дороге к брошенным жилищам индейцев. Встречавшиеся по дороге туристы в шортах и соломенных шляпах глядели на них с любопытством, пускались в расспросы, щелкали фотоаппаратами. Порыв ветра с пылью и первыми каплями дождя разогнал толпу зевак по машинам.

Дуглас и Уолтер, сидя на лошадях, смотрели на серые стены построек древних пуэбло. Когда-то это было крупнейшее поселение Америки к северу от Мексики.

— Кажется, приехали, — в раздумье произнес Дуглас.

— Да, пора домой, — ответил Уолтер.

Грегорио Фуэнтесу девяносто пять лет, он по-прежнему живет в захолустном городке Коймар, расположенном в десяти километрах восточнее Гаваны.

О Хемингуэе здесь напоминает памятник, воздвигнутый прямо на набережной. Именно здесь он написал знаменитую повесть «Старик и море», по которой в этих же местах был снят фильм — причем весьма достоверный — со Спенсером Трейси в главной роли.

Печать лениности и безмятежности лежит над белыми домиками. Мужчины сидят в тени и латают сети. В «Ла-Терраза», местном кабаке, куда часто заходил писатель, вам подадут креветки и лангусты с рисом и ароматной подливкой, вареных омаров и каракатиц под чудесное пиво.

В Коймаре все осталось таким, каким было сорок лет назад, когда здесь работал Хемингуэй. Ничего не прибавилось, кроме разве что военной полиции, патрулирующей побережье, чтобы ни один кубинец не подался во Флориду.

Каждый коймарец знает, где живет боцман Хемингуэя — так в Коймаре называют Фуэнтеса. От памятника писателя — к центру города, потом — вторая улица налево. После смерти жены Грегорио живет один в домике на холме.

Высокого роста старик с убеленной сединами головой идет навстречу гостю, немецкому журналисту Уши Энтерману, медленной, но твердой поступью. Он приглашает в свое жилище и усаживает в мягкое кресло рядом с телевизором. С опаской поглядывает на дверь. Нет, дочка навещает его редко: ведь живет она неблизко, но все равно надо быть начеку. Старик ловко извлекает из укромного места, под кроватью, сигару и, закуривая, наливает всем виски.

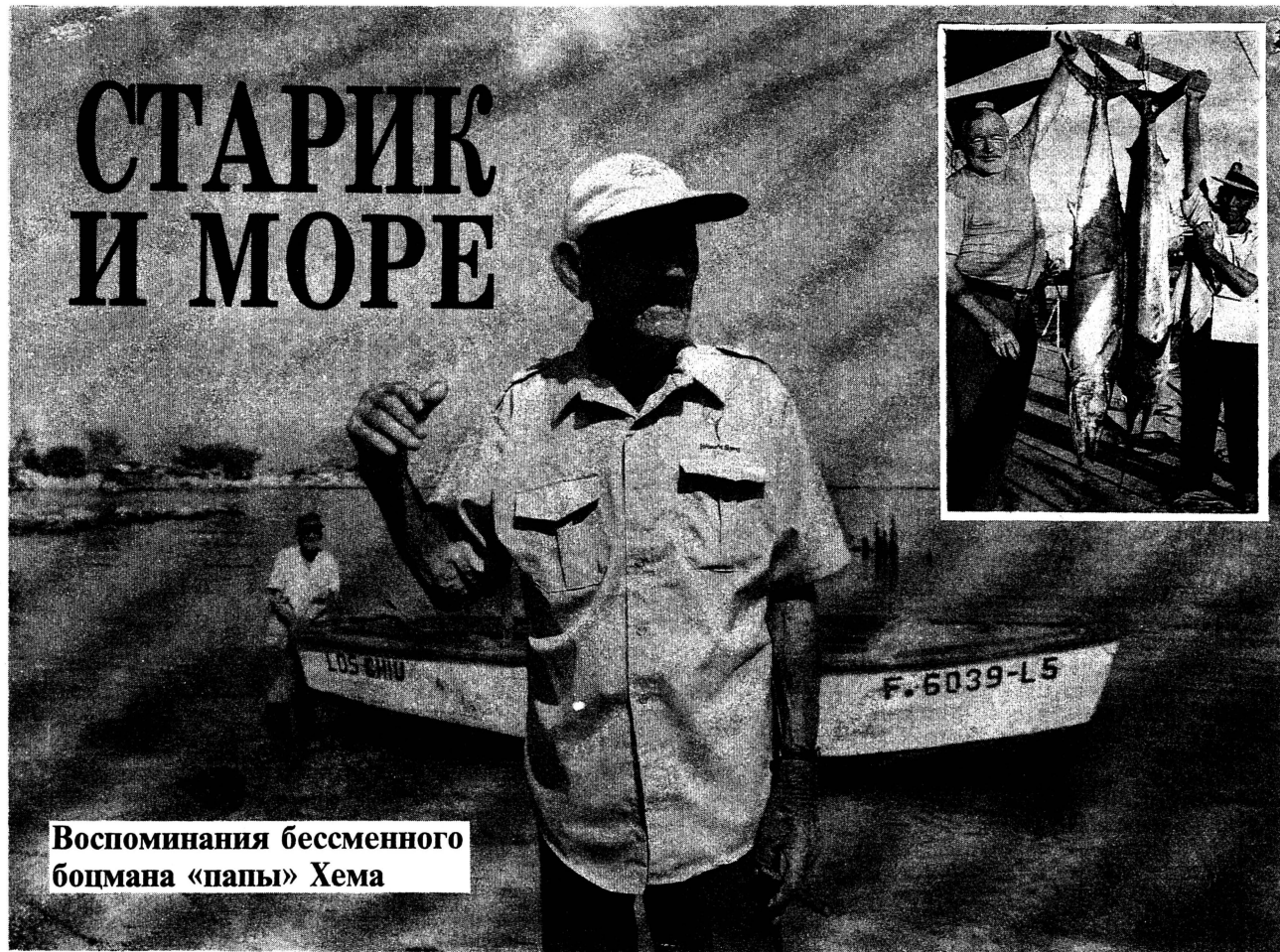
На стене висит фотография Фуэнтеса с Хемингуэем на яхте «Пилар».

Яхта принадлежала Хемингуэю, и Грегорио с восторгом вспоминает: «42 фута от носа до кормы, два мотора, проходила 500 миль без заправки». Сейчас ее можно увидеть в саду виллы Хемингуэя в Сан-Франциско — после смерти писателя судно отреставрировали и по решению кубинских властей передали американцам.

Грегорио Фуэнтес рассказывает много и охотно. Да и на недостаток слушателей ему грех жаловаться. В иные дни от автобусов, паркующихся возле его домика, яблоку негде упасть и от туристов просто нет спасения: еще бы, ведь они хорошо знают, где расположено место, описанное в знаменитом произведении. Но действительно ли все было так, как рассказывал Хемингуэй в «Старик и море»?

«Да, все так и было», — говорит Грегорио. Образ старика возник у писателя в тот день, когда они повстречались с одним местным рыбаком, который всю свою жизнь провел в море. Многие черты взяты и у са-

СТАРИК И МОРЕ

Воспоминания бессменного боцмана «папы» Хема

мого Григорио. Кроме того, в повести доподлинно воссозданы сцены из будничной жизни Коймара. Однажды, когда Григорио вместе с Хемингуэем грузили на яхту снаряжение, писатель рассказал ему замысел будущего произведения: старик выходит последний раз в море, надеясь на большой улов, который он силой вырвет у стихии...

Но особенно Фуэнтес любит вспоминать о том, как сердился его «сеньор». Частенько это случалось, когда они, избородив море между Кубой и Флоридой в поисках рыбы, возвращались домой ни с чем. Под вечер Хемингуэя охватывала ярость. «Это ты во всем виноват», — заявлял он своему приятелю Арчибальду Маклею, вспоминая боцмана Григорио Фуэнтес. И с гневной усмешкой Эрнест вел судно к маленькому острову около Флориды и высаживал своего друга, после чего поворачивал назад. И Маклею в «наказание» приходилось долгие часы бродить туда-сюда по берегу острова. Сколько бы они ни пробыли в море, жена Хемингуэя Паулина была обязана терпеливо и безропотно ожидать возвращения мужа.

«Да, Хемингуэй был еще тот человек», — говорит Фуэнтес. Двадцать пять лет он выходил с ним в море, управлял яхтой «Пилар», готовил

пищу и смешивал ему коктейли. Григорио был с ним и в Африке, когда они охотились с самолета, и везде терпел его вспыльчивый характер, становясь невольным участником семейных драм писателя.

На борту яхты Хемингуэй поддерживал тонус с помощью внушительных запасов выпивки. Для «папы», как его называли кубинские друзья, боцман регулярно смешивал «двойного папу» — коктейль из двойной порции рома, лимона и кусочков льда.

«Двойного папу» можно попробовать и сегодня — в гаванской «Эль-Флоридите».

Какой-то миг Григорио Фуэнтес медлит, прежде чем войти в любимый бар Хемингуэя, расположенный в старом, обветшалом центре Гаваны. Здесь писатель любил делить компанию с Гарднером, Гарри Купером, Ингрид Бергман и Спенсером Трейси. Сегодня в «Эль-Флоридите» можно встретить только туристов, расплачивающихся долларами. Кубинцам же вход сюда заказан.

Фуэнтес сдвигает кепку на затылок и, дав чаевые швейцару у дверей, направляется к знаменитой стойке бара десятиметровой длины. Ловко взобравшись на высокий табурет у стойки, он заказывает виски. Антонио, старый бармен, в восторге восклицает:

— Григорио опять с нами, как в старые добрые времена! Сюда бы еще Эрнеста — тогда посидели бы и поговорили о рыбах, женщинах и охоте!

Но Эрнеста, увы, нет, и старый Фуэнтес рассказывает немецкому гостю, как они, еще молодыми людьми, познакомились в море, где-то между Майами и Гаваной. А также о том, что в конце тридцатых, когда писатель поехал в Испанию, чтобы узнать правду об этой стране, Григорио долгое время ничего о нем не слышал. Полный тревоги, он отправился за ним в Европу. Кубинцу довелось быть в Испании и сражаться. Гражданская война подошла к концу, но Хемингуэй был неуловим. Каково же было удивление Фуэнтеса, когда по возвращении на Кубу его встречал старый друг! Хемингуэй тогда сказал, стиснув зубы: «Мы проиграли, потому что нас никто не поддержал».

Минуло больше тридцати лет с тех пор, как Хемингуэя не стало. Однако дважды в году: 11 и 21 июля, в свой и его день рождения, — идет старик с бутылкой виски к морю и делает два глотка. За себя и за него. И еще долго стоит одиноко возле памятника другу.

По материалам журнала «Stern»
подготовил С.ВАРШАВЧИК

В чем секрет сегодняшнего процветания Маврикия, этой маленькой островной перенаселенной страны, не имеющей природных ресурсов? Этим вопросом задался американский журналист Джон Мак-Карри и, кажется, нашел ответ, путешествуя по стране и знакомясь с ее людьми.

КАМНИ ОДНОЙ СТЕНЫ

«**М**ы сидели на террасе дома. Предки хозяина прибыли на Маврикий более двух веков назад из Нормандии, так что семья его одна из старейших на острове. Семья богатая, состояние сделала на сахаре. Ведь Маврикий и заселили для того, чтобы разводить сахар, сахарный тростник.

— Как-то, прогуливаясь,— рассказывает хозяин,— я шел возле каменной стены. Я с самого детства хожу там чуть не каждый день. И впервые в тот день остановился перед ней. Остановился и стал разглядывать. И понял — Маврикий, как эта стена... Каждый камень в ней нужен, чтобы выстояла сама стена. Вынешь один, рухнет вся. Смотрите сами: вот камни этой стены. 750 тысяч индийцев, 300 тысяч креолов — так здесь называют потомков белых хозяев и рабынь с Мадагаскара, из Восточной Африки и Азии; еще здесь живут 30 тысяч китайцев и 20 тысяч белых. И все живут в согласии. Полиция оружия не носит.

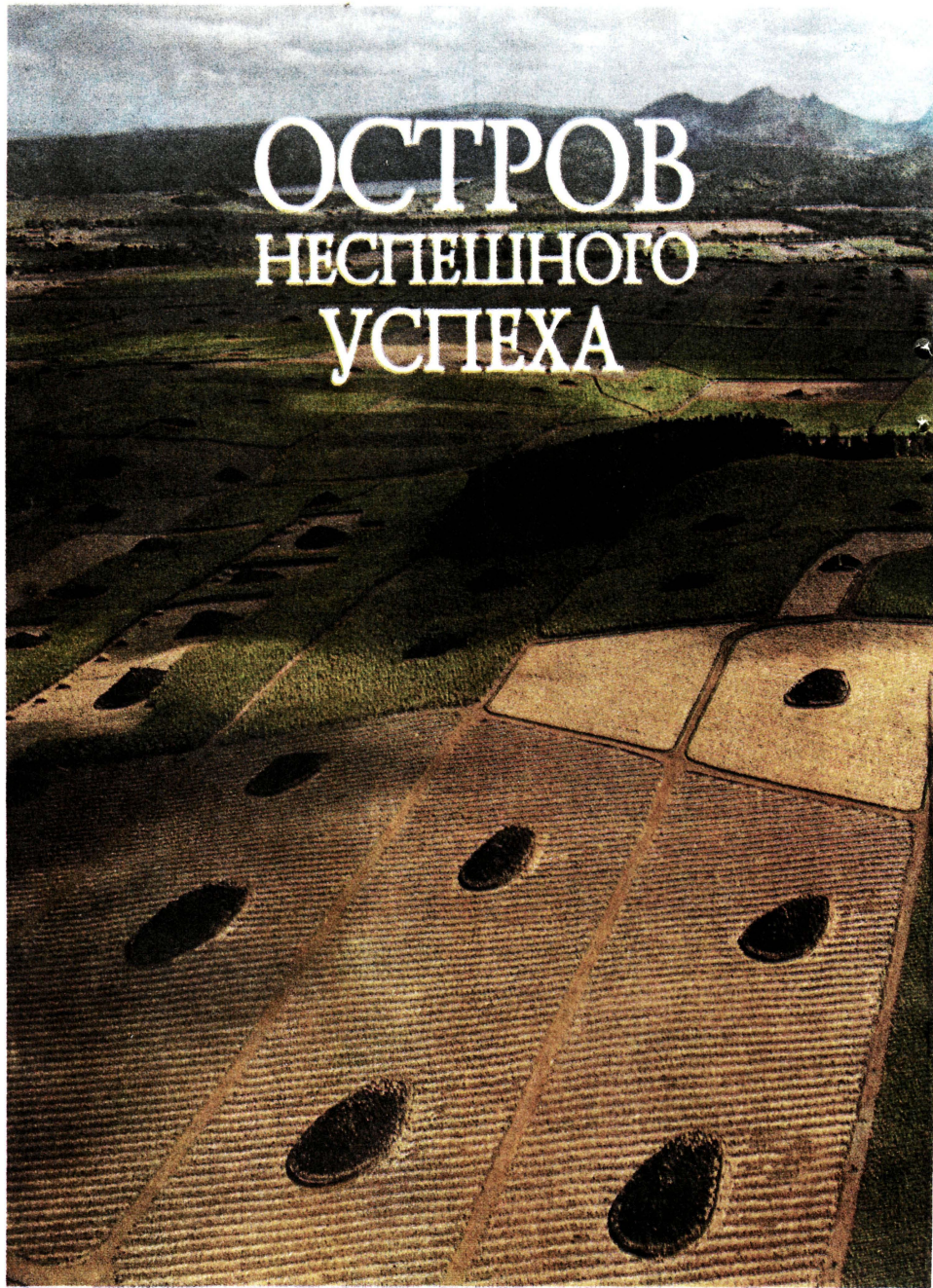
Здесь мусульмане празднуют индусский праздник Дивали, а индусы мусульманский Ид-аль-Фитр. И все — индусы, креолы, китайцы — вместе отмечают Рождество...»

При этих словах Мак-Карри вспомнил, как благочестивые мусульмане брели по улицам Порт-Луи, столицы Маврикия,— то был праздник в честь Хуссейна, внука пророка Магомета. Брели медленно, и мерно покачивались ритуальные крючки и иглы, воткнутые в их тела. Множество зрителей — индусты, христиане, буддисты — созерцали эту церемонию. Неудивительно, что на Маврикии можно встретить Новый год не один раз в году...

Двадцать пять лет назад, когда Маврикий получил независимость от Великобритании, на острове жило более миллиона человек. Была хроническая безработица и неудержимый, самый быстрый в мире прирост населения. Тогда всем казалось, что новоиспеченное государство неудержимо несет к катастрофе. Но за последнее десятилетие остров переживает экономический бум. Безработица упала с более чем 20 до 3 процентов, а доход на душу населения удвоился. Валовой доход продолжает расти ежегодно на 6 процентов. К этому стоит еще добавить, замечает Мак-Карри, что Маврикий — одно из немногих действительно демократических государств в Африке.

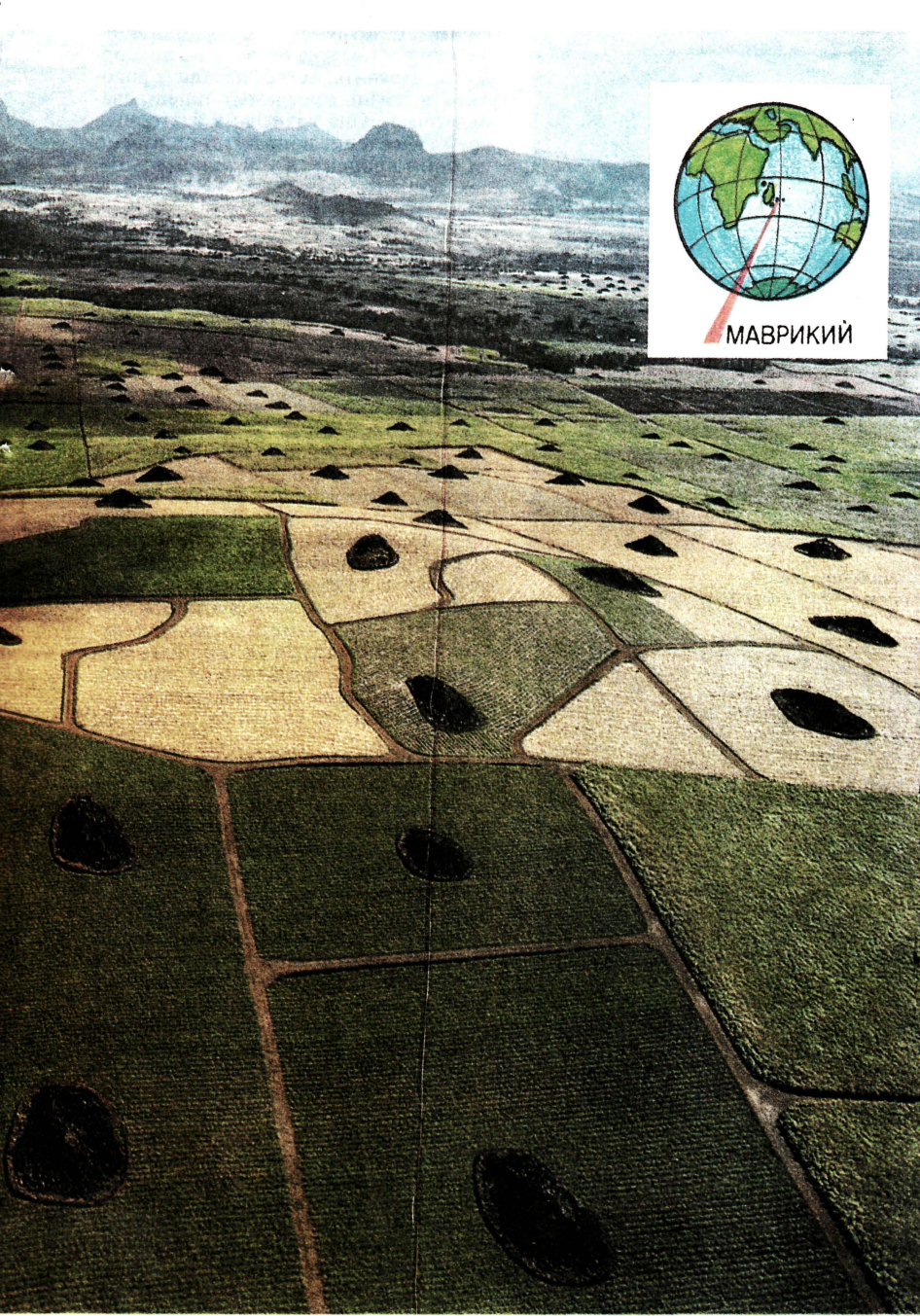
Но можно ли его назвать Африкой?

ОСТРОВ НЕСПЕШНОГО УСПЕХА

Цифры статистики отличают Маврикий от любой африканской страны. Все его население — потомки иммигрантов. Говорят здесь по-французски или на креольском диалекте французского же языка. Но цены обозначены в рупиях, а землю меряют арпентами. (Эту старофранцузскую единицу в самой Франции забыли с наполеоновских времен.) Остров настолько невелик, что полиция патрулирует его на мотоциклах, зато ландшафты его весьма разнообразны. Очертания вулканических холмов в центре острова похожи на альпийские пики, только невысокие. Микроклиматов на коротком пути насчитаешь с полдюжины, а уж погода и вовсе меняется каждые

пять минут. Только что над дорогой сияло солнце, и тут же набежал туман, посыпала морось. И снова сияет солнце. Вдоль побережья высятся пальмы, но и сосны — неременная деталь пейзажа, как и сахарный тростник. Девяносто процентов обрабатываемой земли занято под сахарным тростником, арпент за арпентом тянется его заросли, прерываемые лишь пирамидами вулканических глыб, терпеливо изъятых поколениями африканских рабов и индийских кули, очистивших эту землю. Правда, землевладельцы, взволнованные мировыми ценами на сахар, подстраховывают ныне свой экспорт другими культурами — чаем, табаком, луком и цветами.

Более трех с половиной веков назад голландцы и французы завезли на Маврикий сахарный тростник. Под натиском новой культуры отступили не только збеновые леса, но и черные валуны, свидетели далекой вулканической деятельности, которые собраны рунами земледельцев в гигантские груды. Долгие годы сахар был главным предметом экспорта этой страны.

Одна из них вытаращила глаза и ответила на ломаном французском:

— Я не знаю. Я здесь только полгода.

— А вы что — не местная?

Она что-то прошептала, и обе захихикали, стыдливо, как школьницы, прикрывая рты ладошками.

— Мы из Китая, — сказала подружка. — Мы приглашенные рабочие.

А первая, заметив мое удивление, пояснила:

— Сегодня много работы. Мало маврикийцев».

Десять лет назад было наоборот: работы мало, а маврикийцев многовато. Каждому пятому работы не хватало. Теперь перед страной иная проблема: недостаток рабочих рук. Эти китайки, как и десятки тысяч маврикийцев, работают на текстильном предприятии. Вообще развитие текстильной промышленности с прицелом на экспорт — это основа плана экономического развития страны. Текстиль вытесняет с первого места сахар, главную до сей поры статью экспорта.

Две трети работающих на стройках и фабриках — женщины. Как-то на рынке в Сент-Луисе, в очаровательном квартале города с мощеными улочками и замысловатыми зарешеченными оконцами, Мак-Карри встретил женщину в сари. Придерживая на бедре малыша, она двигалась меж груд нежных маврикийских помидоров — их здесь называют «помм д'амур» — «яблоки любви». Лет двенадцать назад она начала работать на фабрике по изготовлению свитеров, которую построили бизнесмены из Гонконга недалеко от их деревни.

«Я спросил:

— Нравится работа?

Она взглянула на меня бездонными черными очами:

— Конечно. Ведь для маврикийки работа — это свобода. Прежде девушка не покидала родительского дома, пока родители не подыскивали ей мужа. Она переходила в дом мужа и на всю жизнь погружалась в домашние хлопоты и рожала, рожала, рожала.

Она повела бедром, устраивая половчее малыша. Тот забавлялся цветами в ее волосах.

— На работе я познакомилась с парнем, сама выбрала его в мужья. Мы теперь живем в собственном доме».

Как и у большинства здешних женщин, занятых на производстве, у нее нет времени на большую семью. Когда провозглашали независимость, боялись, что население возрастет к

Все люди острова — маврикийцы, но это отнюдь не значит, что все они сливаются в однородную массу. Неписанное здешнее правило можно было бы назвать «гармоничным сепаратизмом». Креолы заняты где угодно, но находятся обычно внизу социальной пирамиды, китайцы главенствуют в торговле, индусы — в политике. В руках белых — чаще всего французского происхождения — до сих пор шестнадцать из девятнадцати крупнейших сахарных плантаций.

В отеле «Кафе де ла пляж», на курортном севере острова, номер стоит до полутысячи долларов. Сюда обычно приезжают полюбоваться закатом индийцы, креолы, китайцы и белые.

Правда, сидят они за отдельными столиками, зато работают бок о бок...

В промышленный комплекс на окраине Порт-Луи Мак-Карри попал во время обеденного перерыва. Облака клубились над безликими корпусами, гася краски индустриального ландшафта тусклой акварелью. Несколько китайцев только что открыли лавочки и стали продавать рабочим кока-колу и тарелочки с карри.

«Две молоденькие китайки склонились над котелком супа. Обе скуластенькие, в мешковатых комбинезонах. Меня интересовало, как изменилась жизнь на Маврикий в последнее десятилетие, и я спросил их об этом без лишних разговоров.

Почтенный потомок китайских иммигрантов, владелец лавки, подтвердил мнение одного дипломата о Мавринии: «Это — чудо, но это — не Африна».

Смешанные браки на Мавринии — явление редкое.

концу столетия до трех миллионов. Такого количества острову не прокормить. Правительство начало проводить в жизнь программу планирования семьи. Она удалась: в настоящее время население прирастает примерно на один процент, в три раза меньше, чем в шестидесятые.

«ЗДЕСЬ НЕТ ОКРЕСТНОСТЕЙ»

И все же Маврикий перенаселен — 1390 жителей на квадратную милю, примерно такая же плотность населения, как в Бангладеш. И Порт-Луи перенаселен — совсем как азиатские столицы.

Как-то жарким днем Мак-Карри бред в толпе мимо безликих правительственных зданий и неряшливых витрин. Взгляд его отметил занятую вывеску: «Магазин Ли Вон Ай Чунга. Предметы роскоши». Внутри оказались керамические банки, пластиковые корзинки для белья, пузырьки, коробочки с детской присыпкой. Морщинистый старик — не сам ли Ли Вон Ай Чунг? — притулился за кассой. Мак-Карри купил какой-то предмет роскоши, кажется, мельницу, и спросил, где тут наиболее красивые места.

После долгой паузы господин Ли ответил:

— Здесь нет красивых мест.

А ведь когда-то здесь были чуть ли не самые красивые пейзажи на Земле. «Благоуханная страна, ласкаемая солнцем», — писал французский поэт Шарль Бодлер об этом острове. Увы, поэтические ландшафты не вдохновили новых архитекторов. Прелестные домики со ставнями, построенные французскими поселенцами, снесли и построили фабрики — незатейливые глыбы цемента, окруженные асфальтом. Даже в курортной зоне на северном побережье, о которой уже упоминалось, нелегко найти нетронутый уголок.

В 90-е годы маврикийское правительство учредило Министерство окружающей среды, чтобы остановить нагрянувшее разорение природы. Но как, скажем, остановить гибель коралловых рифов и морской живности на северном побережье, если вызвано оно в основном отходами больших отелей вокруг Гранд Байе...

РАЙ?

«Бродя по рынку в Кюрпипе, я разговаривал с молодым человеком, который предложил мне купить дозу наркотика. Я отказался, но уломал его поговорить со мной о его бизнесе, — продолжает свой рассказ американский журналист. — Юноша в джинсах и темных очках оказался мусульманином.

— А кто же клиенты?

— Продаю любому желающему. Но больше всего молодым, — сказал он и, бросив окурок, раздавил его каблуком черного ковбойского сапожка.

В некоторых европейских семьях всем другим домашним любимцам предпочитают гигантскую черепаху.

— Такова новая жизнь на Маврикии, парень. «Си т'а дю поньон, т'а дю пувар.— Есть деньги, есть власть».

Это был первый маврикийец, который не заверял меня в том, что его страна — рай.

Маврикийцы умеют работать и зарабатывать деньги, но не всегда умеют их тратить. Главный бич — азартные игры. Казино повсюду, но самое азартное место — в Порт-Луи, в солидном «Шам де Марс». Толпы людей, поедая на ходу чечевицу, завернутую в лепешки-чапати, осаждают стойки букмекеров. Каждый размахивает билетиками, и каждый утверждает, что знает тайны и интриги бегов. В тот вечер официант в ресторане моего отеля рассказал, что он потерял две тысячи рупий, поставив на неверную цифру.

— Не стоит грустить, — сказал я.

Он усмехнулся.

— В конце концов, у меня есть на что играть, — сказал он и, кивнув на игроков у стоек, добавил: — У них — тоже.

Наверху, отдельно, играли французы. Все на Маврикии стали жить лучше, а французы-островитяне и всегда жили лучше, чем остальные. У одного из сахарных баронов я побывал в гостях.

Накануне сыновья хозяев охотились на оленей и теперь рассказывали, как преследовали дичь верхом на лошадях, как продирались сквозь заросли тростника. Один из них, подтянутый, загорелый, только что вернулся из Англии, где готовился к защите диплома финансиста. Я спросил, не собирается ли он осесть в Европе, получив образование. Он удивился:

— Конечно, нет. Я вернусь домой.

— Потому что Маврикий — рай? — спросил я.

— Точно, — ответил он серьезно. И пояснил: — Во всем мире экономический спад. Всюду, кроме Маврикия. Только здесь можно делать деньги...

Белые подтверждают, что в их раю тесновато. Здесь просто физически затруднительно чувствовать себя независимым, и потому выработался особый — я бы сказал — соседский этикет. Спросишь полицейского, как куда пройти, прежде пожми ему руку. Зайдешь в аптеку купить аспирина, но прежде пожмешь ладнь фармацевту-китайцу».

ИНДИЙСКАЯ СВАДЬБА

Как-то Мак-Карри пригласили на индийскую свадьбу. Это было ему особенно интересно: он побывал на множестве традиционных свадеб в Индии и мог сравнить. Но то, что Мак-Карри увидел на Маврикии, было нечто особенное.

Индийский жрец, присев на сцене, начал церемонию. Жених, в подобающем случаю сюртуке (как у Неру), в тюрбане, и невеста, в алом сари, трижды обошли священника.

Потом приглашенные молча ждали в огромном зале, когда виновники торжества переоденутся. И они появились — она в пышном белом платье, он — в бледно-голубом смокинге. «Как дева», — распевала Мадонна из громкоговорителей, пока не улыбочные кувшины невесты

разносили пластиковые стаканчики с мороженым. Потом они же подали ром. Все это называлось «ля-коктейль-парти». Свадьба пела и плясала до полуночи под английские и французские мелодии. Индийская культура, конечно, была налицо, но под густым европейским соусом.

Большой Водоём — озеро среди южных холмов, священное для маврикийских индуистов место. Они свято верят, что Шива, направляясь в Индию, чтобы сотворить мир, обронил здесь капли вод Ганга. Ежегодно истовые индуисты приходят к священному озеру на поклонение. Даже в тот сырой ветреный день, когда Мак-Карри приехал сюда, он увидел на берегу женщин. Стоя на коленях у воды, они укладывали на листья цветы, свечи, благовония и пускали их по волнам.

«Здесь я встретил Раджу, молодого рабочего с текстильной фабрики. Во время разговора я обронил, что бывал в Индии.

— А у вас есть там друг? — загорелся Раджу.

— Много, — отвечал я.

Он нерешительно спросил:

— Не могли бы вы дать мне хоть какой-то адресок. Я бы хотел переписываться с ним. Сам я вряд ли попаду в Индию. Но очень хочется написать кому-нибудь, чтобы мне рассказали, какая она, наша Индия.

— А когда ваша семья поселилась на Маврикии?

Он смутился:

— Не знаю. Семья здесь давно живет. Наверно, лет сто».

Как и Раджу, большинство маврикийских индийцев знать не знают, откуда и

Образ Франции по-прежнему живет в душе каждого островитянина. Для хозяина ресторана «Гурман», что в городке Норпип, этот образ воплощен в виде миниатюрной Эйфелевой башни, символа Парима, которую он выставил на обозрение в саду ресторана.

как попали сюда их предки. Их завербовали сразу после отмены рабства в 1835 году, когда негры и мулаты (нынешние креолы) дружно ушли с плантаций.

Жизнь индийцев мало чем отличалась от рабской негритянской. Им выплачивали по пять рупий в месяц, причем плантаторы нещадно штрафовали за каждый прогул.

СЕГА

Светлый песок пляжа возле городка Мон Шуази, что на северном побережье острова, воскресным днем стал местом пикника креолов. Ребяташки затеяли бадминтон без сетки, молодежь тусовалась под сенью пальм, наигрывая на барабанах, флейтах-дудочках и гитарах «сега» — маврикийские ритмы в стиле калипсо.

Дальше по берегу сооружен был помост, где расположились музыканты, они тоже исполняли «сега», но на более профессиональном уровне — с электрогитарами и танцовщицами в платицах с блестками. Рядом тоже отплясывали «сега» — под проигрыватель.

«Гольный по пояс мужчина добродушно предложил мне, — рассказывает Мак-Карри, — глотнуть пивка из его бутылки. Пиво было теплым, а бутылка без этикетки.

— Нравится «сега»?

Я кивнул.

Улыбаясь щербатым ртом, он изрек:

— Так вам надо бы послушать старика, он поет по-старому, как во времена рабства. Тогда «сега» была песней протеста, а не забавой для туристов.

Старик пел на креольском, столь далеком от французского, что я с трудом разобрал несколько слов. Мой случайный попутчик был весьма растроган. Прикрыв глаза, откинув голову, он словно в полусне топтался по песку.

— «Сега» не только музыка. Это наша африканская культура. А мы теряем нашу настоящую музыку. И это печально. Культура человека — в душе, а без души как человеку идти дальше? Самое важное для страны — сохранить культуру».

Филипп Ай Чун, преуспевающий маврикийский предприниматель, много рассказывал Мак-Карри о проектах процветания страны, когда тот зашел к нему в контору.

Они говорили и о Сингапуре, обсуждали цифры, и Ай Чун сказал:

— Я вам кое-что покажу.

Он подвел гостя к картине в углу комнаты. На ней изображена была уличная лавка, каких много в Порт-Луи.

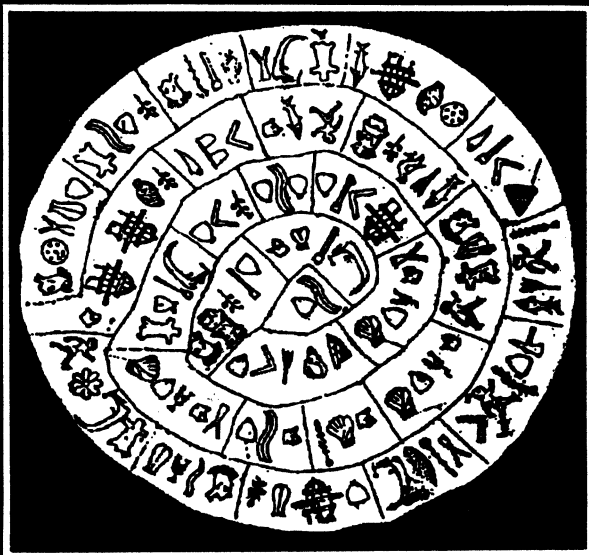
— Я смотрю на нее, чтобы помнить. Это магазинчик моего деда. Он был кули, приплыл из Китая. Он работал, копил и наконец-то открыл лавку. Я там вырос, — он положил руку на плечо Мак-Карри. — Хотелось бы, чтобы вы запомнили тоже. Каждый маврикийец — и не только китаец — добрался сюда, на крошечный кусочек суши в океане, и выжил.

Уметь выжить — в наших генах.

По материалам журнала
«National geographic»
подготовила К.МЫШКИНА

Мачей КУЧИНЬСКИЙ,
польский исследователь

ДИСК ИЗ АТЛАНТИДЫ?

Имя польского исследователя Мачей Кучиньского знакомо нашему читателю по публикации «Почитатели змей» (№9/93). И известна его гипотеза о знании древними биологической тайны жизни. Сегодня мы предлагаем главы из новой книги исследователя, в которых он развивает свою гипотезу.

Диск из Феста, что на Крите, маленький глиняный кружок диаметром всего 14 сантиметров с оттиснутыми на обеих его сторонах пиктограммами, как и рисованные кодексы мексиканских индейцев, относится к наиболее интригующим из всех, когда-либо обнаруженных достопримечательностей прошлого. Он изготовлен не из золота или драгоценных камней, а из простой глины. Точно так же как индейские книги изготовлены из обычной растительной бумаги либо выделанной оленьей кожи. Но их значение — и диска и кодексов — похоже, гораздо существенней для нашего понимания мира и прошлого человека, нежели сто гробниц Тутанхамона.

Почему? Потому что исторические экспонаты, заполняющие музеи, помогли нам лишь построить временную шкалу для цивилизации человека и воспроизвести детали его быта, войн, завоеваний, имена и последовательность правителей. Неизмеримо большее приоткрывают нам диск из Феста и кодексы Мексики. За сотни лет до возникновения науки и изобретения в Европе микроскопа они объясняли истинное происхождение жизни и ее клеточную природу, а также механизм наследования при помощи генетической записи.

Из различных частей света и глубин времени доходили до нас, словно далекое эхо, вести из Урарту и Халдеи о шарообразности Земли, из Содома и Индии о ядерных взрывах и реактивном приводе летающих машин, из Британии о каменных астрономических калькуляторах, а с Юкатана о календарях, не менее точных, чем наши, или из Турции о свободной ото льдов Антарктиде и снова из Индии о физическом вакууме, который, как мы теперь обнаруживаем, является сущностью материального бытия.

И вот появляется еще одно, до сих пор не замеченное, уже не отрывочное, а действительно связанное и комплектное сообщение о древних знаниях. На сей раз биологических. Их квинтэссенция записана на диске из Феста и в кодексах Мексики. Их фрагменты и отдельные детали обнаружены на камнях и в пещерах, на коже и керамике, на стенах и металлопластике всего древнего мира. От Кали-

Maciej Kuczyński. «Dysk z Atlantyd». «Aries», Warszawa, 1992

На русском языке книга М. Хаммонда «Цивилизация майя» и М. Кучиньского «Диск из Атлантиды» выходит в издательстве «Прогресс-Пангея».

форнии, Мексики и Перу, через Скандинавию до островов Средиземного моря, Египта, Месопотамии, зеленой Сахары.

Мы убеждаемся, что в канувшем, возможно, свыше одиннадцати тысяч лет назад в Лету мире существовал источник знаний, имеющих научный характер и распространившихся на обширные пространства.

Биологическая запись на диске из Феста (в дальнейшем краткости ради я буду называть его просто Диск), в кодексах и на тысячах памятников древности оказалась своеобразным доводом в пользу существования Атлантиды, обширной островной страны, которая одиннадцать тысяч лет тому назад выполняла роль моста между двумя мирами: Старым и Новым Светом. Страны цветущей культуры, развитой цивилизации, которая высылала свои флотилии на Восток и Запад, колонизировала побережья, одарила заселяющие их народы, стоящие на более низкой ступени развития, своими знаниями, идеалами, искусством.

Диск можно считать первым и пока что единственным известным предметом, который спасся с этого погрузившегося в море острова.

В 1908 году итальянские археологи, проводившие раскопки в Фесте на Крите, нашли в одной из боковых пристроек разрушенного дворца глиняную плитку, покрытую с обеих сторон знаками. Что интересно, хотя знаки были оттиснуты в глине чем-то вроде печаток, но ни тогда, ни потом другого образца такого письма найти не удалось. Руины дворца датированы примерно 1700 годом до нашей эры, сам же Диск мог быть гораздо старше. Совершенно определенно установили, что глина, из которой его вылепили, на Крите не встречается.

Предпринимались и до сих пор предпринимаются многочисленные попытки прочесть «надпись», однако ни одно прочтение не было принято научным миром. Поэтому считается, что содержание записи на Диске по-прежнему остается загадкой за семью печатями. Я убежден, что исследователи выбрали неверный путь, приняв, что имеют дело с текстом в прямом значении этого слова, и пытаются связать со знаками конкретное звучание букв либо слогов. В результате десятков попыток прочтения на древних языках, которых никто из ныне живущих не слышал, получено столько же текстов якобы молитв и гимнов, причем один фантастичнее другого.

А что, если предположить, что это не было письмо в собственном значении этого слова, а некий символический язык, совершенно понятный посвященным мудрецам и жрецам древности, независимо от того, где они жили, каким богам поклонялись и на каком языке общались повседневно?

Что, если Диск был записью их знаний? Но о чем? Ответ — на Диске.

Солнце — в его центре, и раскручивающаяся от него спираль, в витках которой размещена запись. Спираль — значит жизнь! Надпись повествует о тайне жизни. Язык же, которым это записано, естественно, не пригоден ни для каких текстов — исторических, генеалогических либо астрологических.

Позволит ли предлагаемое мною толкование прочесть «надпись» на Диске из Феста? Посмотрим. Наступила минута испытания...

Спираль — мотив, знакомый с незапамятных времен практически всем культурам от амазонских джунглей до Китая, от Гренландии и Скандинавии до Огненной Земли. Навязчиво повторяющаяся на рельефах, рисунках, гравюрах, керамике, она была символом творения вселенной, праначала, но также и постоянного действия единой высвобождающей силы, природной энергии («действий» природы).

В этой энергетической роли спираль всеприсутствовала в странах Средиземноморского бассейна. Недавно я натолкнулся на орнамент, выполненный на глиняном горшке, выкопанном из засыпанного пеплом города на острове Санторин. Это розетка, дающая в середине начало спирали, то есть почти точное повторение композиции, помещенной на Диске.

Таким образом, мы можем сказать, что в какой-то степени и здесь и в Мексике изображение волн на воде обозначало небесный океан, божественную субстанцию, основу всех явлений вселенной, а спираль символизировала творческое действие этой силы. Именно поэтому ее и приняли в качестве элемента, организующего на Диске запись об акте творения.

Прямые черточки разделяют знаки «надписи» на группы. Я принял, что группы образуют отдельные смысловые ячейки, и назвал их Истинами, пронумеровав в порядке прочтения. Часть Истин я опускаю, поскольку они содержат символы, которые я не сумел идентифицировать с достаточной достоверностью, другие же — потому что они оказались вторым либо третьим повторением ранее помещенных Истин.

ПЕРВАЯ СТОРОНА ДИСКА

ИСТИНА 1. Первый знак, я думаю, грудь, заполненная молоком. По аналогии с эгейской Богиней-Матерью, демонстрирующей открытыми грудями свою материнскую природу, я читаю этот символ как «материнство», равнозначное «созданию жизни».

Второй знак — волнистые линии, символ праокееана Неба, небесной воды, источника и основы всех явлений вселенной — от возникновения богов, через появление Земли до сотворения людей. Древнейшее и, пожалуй, самое рафинированное сообщение об этой первичной силе сохранили народы Тихого океана, называя ее «мана» и также обозначая символами воды.

«В самом начале был Нун... безгра-

ничный, вечный, аморфный водный простор. Нун содержал в себе зародыши всех элементов, из которых предстояло возникнуть и состоять миру... Таким образом, это была как бы извечная праматерия, содержащая в себе потенциальную творческую энергию, либо — воспользовавшись другими определениями — имманентного духа, демидурга, или Великого Бога... В иконографии его изображали как мужчину... с телом, покрытым волнистыми линиями, символизирующими воду».

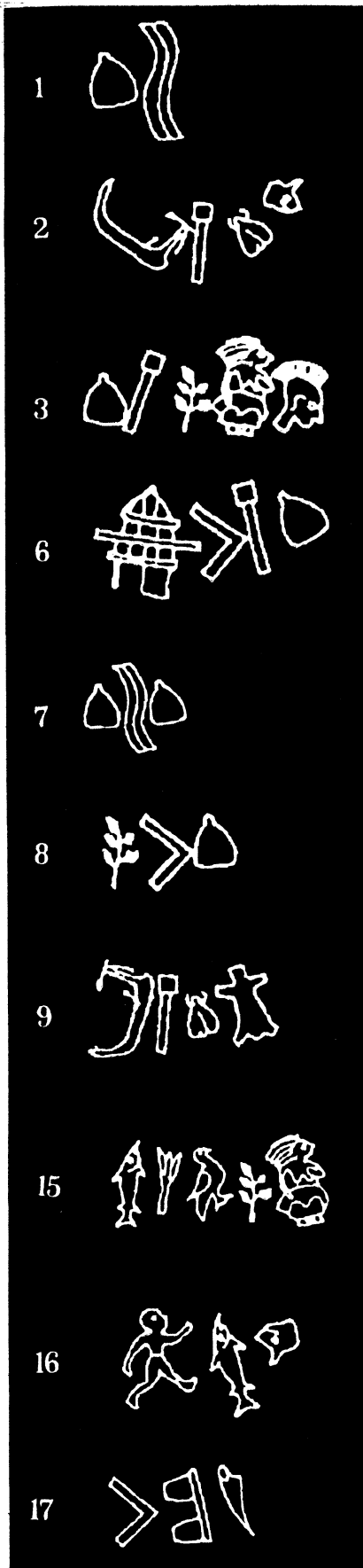
Так пишет о Нуне Анджей Нивинский в книге «Мифы и религиозные символы древнего Египта». Чем-то подобным были эти линии и в Мексике. Нетрудно показать, что это понятие было знакомо многочисленным народам мира. Поэтому я считаю возможным прочесть знак воды как «празнергию вселенной», а всю Истину 1 так: «Вначале была материнская празнергия вселенной».

ИСТИНА 2. Первый знак — лодка, также один из распространеннейших в мире символов, логически связанный с понятием праокееана Неба. То есть души усопших уплывали на лодках в мир иной; а в Юго-Восточной Азии лодки служили духам-покровителям для связи с живыми. В Египте Солнце тоже плыло по небу на лодке, и это позволяет мне зачислить лодку с Диска в тот же класс «небесных плавсредств», которые обеспечивали связь между двумя мирами. Поэтому знак лодки я объясняю как «переплывание», этакое своеобразное неземное путешествие.

Второй знак — колонна с капителем. На минойском Крите колонна, соединяющая Небо, Землю и подземный мир, была одним из воплощений Богини-Матери. По Египту мы знаем столб Юну, а также столб Джд — изображение центра мира и места сотворения. Это материнское сочетание, похоже, говорит об оплодотворении Земли Небом и о дальнейшем поддержании жизни — в дословном ли, панспермическом, значении, или в смысле снабжения ее энергией, идущей от Солнца, из пространства, или же, наконец, путем эзотерического импульса, посылаемого богами. В результате каждого из таких действий, либо всех одновременно, возникает и поддерживается жизнь на земной юдоли. В Мексике известна «колонна Неба», полоска с пояском, связывающая символы Неба с символами Земли.

Исходя из сказанного, я интерпретирую этот знак как порождающую жизнь «связь Неба с Землей», понимая под нею импульс, поступающий от высшего и разумного начала. Третий и четвертый знаки — «насекомое» и «животное». Таким образом, мы уже можем прочесть Истину 2, которая представляет собою развитие Истин 1, поэтому я повторяю здесь обе вместе:

«Материнская празнергия вселенной, сплывающая с Неба, породила на Земле насекомое и других животных».

ИСТИНА 3. Третий знак этой Истины — ветка с листьями, представляющая собою, как я считаю, побег мексиканского Древа жизни и критского священного дерева — воплощения Богини-Матери. В таком случае, как и у мексиканцев, она означает единичный организм, составляющий единое целое со всем миром живого, но выделенный и смертный. В данном случае — человека, поскольку именно на это указывают два следующих знака. Стало быть, ветвь означает «живое существо, образующее единое целое со всем миром живого».

Четвертый знак — женщина, пятый же изображает голову взрослого мужчины с султаном либо своеобразной прической. Я читаю его здесь просто как «мужчина», хотя в последующих Истинах этот символ примет значение «человека» вообще. Все вместе звучит так: «Материнская связь Неба и Земли создала человеческое существо, частицу живого, рождающееся в виде женщины либо мужчины».

ИСТИНА 6. Ее открывает изображение постройки с балками, выдвинутыми, словно раскинутые руки. Думается, здесь мы имеем дело с изображением человеческого существа, понимаемого как храм, в котором протекают священные процессы жизни. О такой роли тела говорят гимны-молитвы народов Тихого океана. Таким «домом богов» был и человек Древней Мексики. Поэтому я прочел: «Тело как дом жизни».

Второй знак напоминает наконец стрелы. Из-за сходства со стрелами, выпускаемыми богами древней Мексики и несущими либо побуждающими жизнь, я считаю, что речь идет о «движении жизни», или прохождении жизненного процесса. Прочтем все: «Тело, являющееся домом, в котором жизнь протекает благодаря связи с Небом, служит акту творения».

ИСТИНА 7. «Материнская — праэнергия вселенной — есть мать всякой жизни».

ИСТИНА 8. «Живое существо, образующее единое целое со всем миром живого, поддерживающее своим существованием протекание жизни, служит акту творения».

ИСТИНА 9. Последний знак — шкура животного. Объяснение подсказал мне мексиканский бог Шипе-Тотек, то есть именно «Господин Кожи», «ответственный» за внешний вид людей, за то, чтобы образующая нас масса клеток не выстраивалась в форме собаки или кактуса. Я объясняю знак шкуры как «форму живого существа». Теперь можно прочесть Истину 9, относя ее начало к Истине 7:

«Приплыв с Неба на Землю, создал насекомое — одну из форм жизни».

ИСТИНА 15. Первый знак — рыба — был связан в древней Мексике с символикой рождений, праначал жизни. Поскольку там, как и в Старом Свете, небесный океан заселяли исключи-

тельно змеи и птицы, рыба же была однозначно связана с Землей, я читаю этот знак просто как «рыба», увязывая ее с эволюционным прошлым людей и сухопутных животных.

Второй знак — как бы распускающийся цветок лотоса. В Египте его связывали с рождением Солнца из праокеана, а также с ростком жизни. Здесь я принимаю значение: «выход из воды».

Третий знак — сидящая на земле птица. Уверен, что речь тут идет о небесной птице, которая на распростертых крыльях спускается с даром энергии из космоса. Здесь же она уже прибыла и олицетворяет собою ту частицу энергии, которая оживляет земные существа. Посему она — «нисполненная на Землю солнечная энергия». Вся же Истина 15 звучит следующим образом:

«Рыба — вышла из воды и как питаемое солнечной энергией существо, образующее единое целое со всем миром живого, преобразовалась в женщину, прародительницу людей».

ИСТИНА 16. Первый знак — это фигурка шагающего человека, означающая, как мне кажется, именно само это действие, то есть «переход», «путешествие», «хождение». Отсюда следует: «Переход наступил от рыбы к сухопутному животному».

ИСТИНА 17. Второй знак — это изображение, чрезвычайно близкое египетскому иероглифу ахат, означающему «горизонт», из-за которого всходило и за который пряталось Солнце, что было равнозначно погружению Светила в праокеан. Каждое его появление над горизонтом было как бы повторением момента первого творения. Поэтому я принимаю, что речь здесь идет о символе «рождения».

Последний знак, похоже, представляет собою зуб либо нож, которые выражают понятие «смерть». Истина 17 звучит так: «Жизнь движется — от рождения к смерти».

ИСТИНА 18. Второй знак с наклонной штриховкой вроде бы изображает моток пряжи. Если это действительно так, то он ассоциируется с греческими Мойрами, прядущими человеческие судьбы. Лахесис с веретеном в руке начинала прядь нить жизни, Клото со стилем или табличкой в руке пряла ее дальше, Атропос с Клепсидрой перерезала пряжу. В скандинавской мифологии за людские судьбы отвечали норны (интересно, случайно ли это фонетическое подобие с мойрами?), которые «прядли нити судьбы героя», как говорит Станислав Пекарчик в своей «Германской мифологии». В Мексике шнуры, скрученные из двух нитей, обозначали процессы биогенеза человека. Знаменательно, что все эти пряжи ассоциировались с «записью», то есть исполняли роль, подобную нити ДНК как носителя генной информации.

Истина 18 звучит: «Существо, образующее единое целое со всем миром живого, которое, в соответствии с за-

писанной на лентах формой своего тела, дома жизни, рождает потомственное тело, дом жизни, есть животное».

ИСТИНА 19. Второй знак — розетка, несомненно родственная символике Солнца и цветка. Одним из иероглифов этого светила в древней Мексике был цветок с четырьмя лепестками. В Японии или африканском Бенине, а также в Вавилоне Солнце тоже изображали в виде цветка. В Египте жила идея лотоса с Солнцем в чашечке. На самом же Крите многочисленные настенные картины и вазы содержали такие солнечные розетки. Саркофаг в критской Ая Триаде примерно из XIV века до нашей эры явно свидетельствует о том, что Диск, хоть он и не возник на Крите, тем не менее создан наверняка в кругу того же самого знания. Солнца, как центры развертывающейся спирали, — это отражение концепции, помещенной на другой стороне Диска. Таким образом, перед нами Солнце, которое благодаря своей энергии расцветает цветком жизни. Собирая воедино все, что об этих знаках известно, я читаю: «Источником жизни на Земле является Солнце, сосуд излучающей энергии, преобразующейся в живые организмы». А вот содержание Истины 19:

«Двигающееся (по небу) — Солнце, источник жизни, является сосудом лучистой энергии — котлая, сплывающая на Землю, принимает форму живых существ».

ИСТИНА 20. Первый знак — объект обтекаемой формы, разделенный на симметричные половинки. В этом, считаю я, и содержится ключ к его пониманию. Здесь необходимо учитывать двойственность символов, связанных с биогеогенезом. Наш знак изображает не только деление целого надвое, но и зеркальное удвоение эталона, то есть результат удвоения клетки. Нижнюю часть знака оформили как постамент, вероятно, для того, чтобы отразить значение и устойчивость явлений «деления». Прежде всего деления клеток, а также удвоения генетических образцов. Поэтому я читаю знак как «явление удвоения». Такой же смысл выражали знаки «дома», помещенные рядом друг с другом, а на другой стороне Диска появляются две близнецовые «шхуры».

Второй знак растительного характера связывается с Древом жизни, возрастанем. Его разветвление символизирует удвоение оживленных структур, начиная с лент в яйцеклетке и хромосомных палочек, до самих клеток и дочерних организмов, отделяющихся от материнского тела. Поэтому я перевожу: «рождение», «размножение».

Третий знак — это безголовый змей. Это я воспринимаю как доказательство того, что змей не просто

один из тех извивающихся гадов, которых держат в руках эгейские богини и связанных с рождением, и не мексиканский пернатый змей, помещенный в клетке в качестве символа хромосомы. Скорее всего он — змей, прибывающий из космоса, представляющий собою небесное тело, падающее на Землю, как писал о комете финикийский историк Санхуниатен: «У змея скорость, которую ничто не может превзойти. Своим блеском он осветил все».

Таким образом, можно прочесть: «Явления удвоения и размножения, прибывшие из космоса, создают человека».

ИСТИНА 21. «Существо, образующее единое целое со всем миром живого — благодаря явлению удвоения строящее свое тело, дом жизни, служит акту творения».

ИСТИНА 24. Последний знак — палочка, вырастающая из маленького круглого объекта. Подобные знаки встречаются повсюду в Месоамерике. Их в точности повторяет египетский символ. Я считаю, что эта удваивающаяся палочка или лента есть одна из форм хромосомы, взятой из клетки, показанной в виде круговой схемы. Палочка усеяна точками, которые обозначают зерна материи (в чем мы убеждены в Истине 26). Последнее должно подтверждать, что палочка есть нечто материальное, а ее действие имеет целью построение земного тела.

Следует заметить, что сопоставление третьего и четвертого знаков «переходящей из клетки в клетку палочки» имеет свой аналог в мексиканском символе из кодекса Виндобоненсис: удвоенных хромосомных палочках, снабженных шагающими ногами. Чтобы не было сомнений относительно того, что это «клеточные» палочки, их нарисовали рядом со схемой клетки. Прочтем все целиком:

«Рыба вышла из воды благодаря переходящим из клетки в клетку палочкам». Сказанное следует принять как объяснение эволюционной роли хромосом.

ИСТИНА 25. Первый знак, треугольник, я объясняю, опираясь на знания кагунов, меланезийских стражей тайны. По их мнению, знак определяет тройственную природу человека. Физическое тело, выраженное точками, зернами материи, связано с тремя душами: низшей душой подсознания, средней душой сознания и высшей душой надсознания.

У каждой души свое эфирное тело, а все вместе они обеспечивают материальное существование человека. Необходимо еще добавить, что две низших души пребывают в теле физическом, высшая же, опекающая их, — вне его.

Этот знак впервые в сообщении говорит не только о биологической, но и о духовной сущности человека. Поэтому я прочитываю его так: «Фи-

зическое тело связано с тремя душами».

Последний знак снова вроде бы представляет собою зуб или нож. Поэтому Истина 25 звучит так: «Физическое тело, связанное с тремя душами — живущее благодаря связи с Небом, — смертно».

ИСТИНА 26. Первый знак, круг с теми же точками, что и на треугольнике в предыдущей Истине, читаю как «невидимые зерна материи», аналог атомов. В древней Мексике идентичный знак определял мертвую материю, используемую в качестве кирпичиков для построения живых организмов. В египетской иконографии такие точки встречаются как на небе, так и на земных возвышенностях. Как их следует понимать, поясняет обрамление известного из Кносса на Крите изображения акробатов, скачущих через быков. Обрамление выполнено в виде овальных щитков, покрытых попеременно волнистыми линиями и точками. Это вода и песок. То есть праокеан в двух его аспектах: энергии и материи. Поэтому читаем:

«Невидимые зерна материи — в соответствии с записью на лентах — создают тело, дом жизни — рыбу».

ИСТИНА 27. Здесь третий знак, похожий на перевёрнутую литеру «У», символизирует способность к самоудвоению. А она, как нам известно, является первейшим в биологической иерархии видимым проявлением жизни: саморазмножением молекулы ДНК при помощи репликативных вилок. Эту удваивающуюся ленту древние однозначно связывали с клеткой и рождением.

В эгейской культуре удваивающиеся ленты были распространённым символом. Например, в греческом Пилосе, одном из микенских городов, местопребывании знаменитого Нестора, обнаружен царский дворец, мегарон которого украшен богатой полихромией. Ее элементы имеют совершенно однозначную биологическую суть. Там, в частности, размещены спирали, солнечные розеты, круговые схемы клеток и вилкообразно раздваивающиеся ленты.

Эти вилочки образуют целые ряды на потолочных балках и, кажется, изображают ряды хромосом в их непрекращающемся веками действии. А действие это — непрерывное умножение и переход клеток из поколения в поколение. Каждая лента превращается в две. Каждая дочерняя клетка вновь удваивается. Значит, символ читается так: «явление удвоения клеток», а вся Истина 27: «Форма, которую принимает живое существо, передается ему путем удвоения ленты».

ИСТИНА 28. Полагаю, что первый знак есть «ребенок». Третий — изображение стройного стебля, в контексте других растительных знаков и знаков соседствующих, должен вы-

18

19

20

21

24

25

26

27

28

29

ражать «взращание», «выращание». Таким образом, полностью Истина 28 звучит так: «Ребенок» благодаря связи с Небом растет, чтобы стать зрелым человеком».

ИСТИНА 29. «Существо, образующее единое целое со всем живым миром, является материнской празнергией вселенной, которая приняла форму живого существа».

ИСТИНА 30. «Акт творения использует деление клеток и удвоение ленты, чтобы из невидимых зерен материи строить человека».

На этом заканчивается запись на первой стороне Диска. Теперь обратимся ко второй, сохранив порядок нумерации.

ВТОРАЯ СТОРОНА ДИСКА

ИСТИНА 31. Второй знак — это... делящаяся клетка! Пусть никого не смущает изображение лысой головы! Вовсе не клетку поместили на щеке какого-то выбритого по африканской моде жреца, а совсем наоборот: абрис человеческой головы придан клетке. В древней Мексике деления «драгоценного камня» вели к возникновению тела, изображение же двух жемчужин либо двух улиток обозначало факт деления всякий раз, когда затрагивалась тематика плодovitости и размножения. Но у нас есть примеры и из более близкой области. В теперешнем Ираке, то есть древней Месопотамии, в местности под названием Телль-Брак, найдена поразительная коллекция фигурок, датируемых примерно 3000 годом до нашей эры. Учитывая их своеобразный облик, обнаруживший фигурки профессор Маллован назвал руины Храмом Глаза и приписал его женскому божеству плодovitости.

Но ведь там, где речь идет о плодovitости, говорят не о глазах! Я убежден, что это изображение делящихся клеток: двух и четырех. Изображения, подобные тем, что имеются на Диске, показывают как бы клетки с перетянутой оболочкой, то есть находящиеся в процессе деления, квинтэссенция плодovitости. Лишь то, что эти символы — в определенной степени напоминающие глаза — поместили на постаменты, придало им антропоморфные признаки.

Возвращаясь к нашему знаку, надобно сказать, что «бритая» голова еще не существует! Она только еще станет результатом целого ряда делений яйцеклетки и дочерних клеток. Именно поэтому, вероятно, ее лишили волос и султана. Она — человек, но пока еще «в замысле», она — генотип, записанный в яйцеклетке. Поэтому я читаю этот знак так: «Яйцеклетка, наделенная способностью к делению, является зачатком человека».

Третий знак — перо. Символ,

родственный знакам птицы в полете, который мы встречаем лишь в Истине 37, и птицы, сидящей на Земле, знакомый по Истине 15. Первый изображает Солнце, сосуд космической энергии, служащий земной жизни. Второй — энергия, передаваемая организмам Земли. Третий знак, то есть перо, скорее всего означает толику этой энергии, воплощенную в единичный организм. Поэтому я читаю: «Человек есть воплощенная в тело частица солнечной энергии». Вся же Истина 31: «Солнце, источник жизни, средоточие лучистой энергии, питает делящуюся яйцеклетку, создающую человека, становящегося тем самым овеществленной частицей солнечной энергии».

ИСТИНА 32. Оба знака я пояснил в Истинах 12 и 23, сказав, что это символы условной хромосомы, свойством которой является способность «перемещаться» из клетки в клетку и из поколения в поколение с целью передачи наследственного генома. Ибо хромосома прежде всего является носителем наследственных свойств тела. Поэтому я читаю Истину 32 как продолжение Истины 31: «(Этому служит) переходящая (из клетки в клетку) палочка».

ИСТИНА 33. Определение первого геометрического знака не представляет трудности. Он — фрагмент Древа Жизни, понятия универсального во времени и пространстве. Древо — как бы общий организм всего живущего на Земле, то есть аналог биомассы. Речь идет о разрастании путем деления, а также о том, что каждое материнское существо «удваивается», порождая подобного себе потомка.

Как отражен этот принцип на Диске? Достаточно поставить знак так, чтобы он походил на литеру «Н». Тогда в центре у нас окажется единичный зародышевый ствол. Он разветвляется на два горизонтальных плеча, идущих вправо и влево. Каждое из них, в свою очередь, реплицируется, порождая новые плечи, бегущие уже вертикально вверх и вниз. Они порождают по два горизонтальных отростка и так далее. Таким путем от одного ствола мы приходим к восьми «дочерним», «внучатым»... и так далее побегам.

Поэтому я читаю: «Древо Жизни, вмещающее в себя все живые существа, растет путем удвоения своих побегов». Целиком же Истина 33 будет выглядеть следующим образом:

«Древо жизни, вмещающее в себя все, что живет, вырастая, порождает существо, образующее единое целое со всем живым миром, приобретающее форму по образу формы материнского существа, созданного из невидимых зерен материи — человека».

ИСТИНА 35. Второй знак, напоминающий букву «У», появляется только на этой стороне Диска, при-

чем с нее исчезает знак «У», использованный исключительно на первой стороне. Это дает основание предполагать, что по каким-то причинам была заменена печатка, однако же с сохранением той же символики «явления удвоения ленты». Читаем: «Существо, образующее единое целое со всем живым миром, растет благодаря удвоению ленты и связи жизни с Небом».

ИСТИНА 36

«Перемещающаяся из клетки в клетку палочка из невидимых зерен материи создает человека».

ИСТИНА 37

Третий знак — одна из тех птиц, которые в величавом полете возникают в голубизне неба. Орел в древней Мексике отождествляется с Солнцем, был он также покровителем знаков клетки и двойной гелисы, питал их жизненной энергией. И вот рядом с нашей птицей на Диске также расположена яйцеклетка, соединенная с орлом черточкой, исходящей из его туловища. Значение этого невозможно переоценить! Ведь мы помним, что птичье яйцо не делится! Делятся клетки, скрытые в яйце, невидимые глазу и образующие зародышевый узел. Коли создатель Диска нарисовал перехваченное в «талии» яйцо, то это означает, что он воспроизводил скорее всего яйцеклетку в том виде, в каком ее можно увидеть под микроскопом. Откуда он знал это изображение — уже другой вопрос.

Поэтому черточку, соединяющую тело орла с яйцом, следует понимать как энергетическую связь, а одновременно как указание на происхождение яйца за пределами Земли, как о том говорят мифы. О космическом генезисе обычно свидетельствует присутствие змея. И вот — перед нами слева от птицы — знак змеи!

Представляется, что мы знаем уже достаточно, чтобы прочесть символ: «Яйцеклетка, питаемая солнечной энергией, способная к делению». Именно таким утверждением Диск повествует о внеземном происхождении жизни. Это — гипотеза, которая со всей силой ожила в наше время и имеет сторонников среди наиболее крупных сегодняшних ученых.

ИСТИНА 39. «Внешний вид существа прикрывает движение жизни, питаемой солнечной энергией и придает форму, подобную себе, построенную из невидимых зерен материи — человека».

ИСТИНА 40. «Прибывшая из космоса яйцеклетка, питаемая солнечной энергией, способная к делению, из невидимых зерен материи создала человека».

ИСТИНА 42. «Жизнь продолжается — благодаря связи с Небом, откуда частица энергии сплывает на Землю, чтобы принять форму живого существа — человека».

ИСТИНА 44. «Связь Неба с Землей создала рыбу».

ИСТИНА 50. «Солнце, источник жизни, посылает на Землю свою энергию, которая совместно с невидимыми зернами материи создает человека».

ИСТИНА 51. Третий знак — палочки-близнецы — есть то, чего еще не доставало, дабы сообщение на Диске сравнить с познаниями древней Мексики. И вот он наконец появился. На сей раз палочка создала свою копию-близнеца, чтобы обрести возможность перенести содержащуюся в ней запись в дочерние клетки. Так же показано это на этрусской вазе из III века до нашей эры. Кстати, на золотой пластинке с Крита изображен другой вид палочек-хромосом — ленточный, который они приобретают в период между делениями клеток. Это две змеи-близнеца (как в Мексике), окруженные клетками.

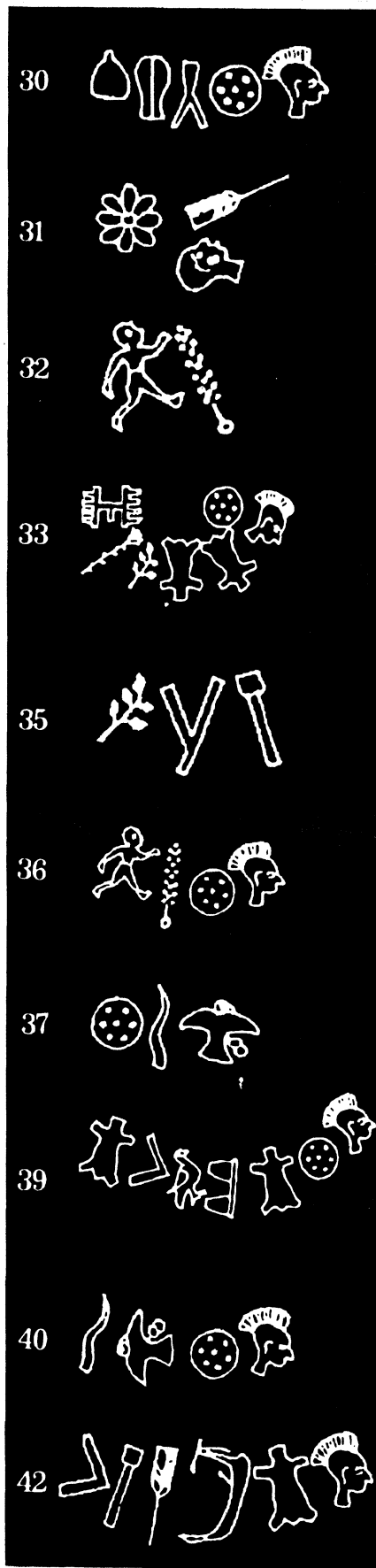
Поскольку наш знак в этой и следующей Истинах также сопровождается двойственными структурами, я считаю, что прочтение будет правильным, если я о нем скажу: «Удваивающаяся палочка». При этом ее надо рассматривать в биологической роли, о которой я говорил в Истине 12, то есть в роли бивалентной хромосомы. Итак: «Созданию жизни служат деления (клеток) — удвоение палочек и их перемещение (из клетки в клетку)».

ИСТИНА 52. «Существо, образующее единое целое со всем живым миром, растущее — благодаря удвоению ленты и удвоению палочек, создаваемое из невидимых зерен материи, есть человек».

ИСТИНА 53. «Существо, образующее единое целое со всем живым миром, имеет начало в прибывшей из космоса яйцеклетке, способной к делению, питаемой солнечной энергией».

ИСТИНА 56. «Невидимые зерна материи и материнская праэнергия вселенной создают форму живых существ».

ИСТИНА 57. Третий знак — рисунок человека со связанными за спиной руками. Представляется, что таким образом выражено понятие «связи», «связывания». Попробуем прочесть: «Рыба путем процессов клеточного деления и связывания из невидимых зерен материи преобразуется в человека».

44

50

51

52

53

56

57

58

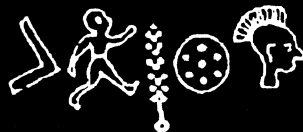
59

60

61

ИСТИНА 58. Считаю, что ее следует читать в связи с предыдущей Истиной, то есть:

«От морских существ происходят также) насекомое и другие животные».

ИСТИНА 59

«Материнская праянергия вселенной создала животное».

ИСТИНА 60. «Невидимые зерна материи и явление деления (клеток) создают дом жизни, тело».

ИСТИНА 61. «Жизнь продолжается благодаря переходящим из клетки в клетку палочкам, создающим из невидимых зерен материи человека».

На этом кончается запись на Фестском Диске. В ее вольном изложении я не придерживался строгой последовательности знаков. Мне важно было добиться связности прочтения.

ПРОИСХОЖДЕНИЕ ИСТИН

Теперь, когда нам уже известно содержание Фестского Диска и кодексов Мексики, а также их аналогов из различных частей света, можно еще раз с изумлением повторить, что этими сведениями народы обоих континентов никоим образом не должны были обладать за тысячи лет до возникновения в Европе науки, ученых, лабораторий, методик исследований!

А однако же подлинность Диска, кодексов или наскальных рисунков невозможно отрицать. Они действительно существуют! И говорят то, что говорят, а относительно содержащихся в них биологических положений можно сомневаться лишь в деталях. Поэтому остается решить вопрос: откуда и как и каким образом получены эти знания?

Ибо если стотонную каменную глыбу в конце концов могли установить в доинковской стене тысяча человек, вооруженных рычагами и канатами, если кто-то, держа в руке арбуз и глядя на закругляющийся горизонт, над которым висит круглая Луна, мог догадаться о шарообразности Земли, то человек, нарисовавший несколько тысячелетий назад двадцать три хромосомных палочки, не мог прийти к этому знанию никаким кружным путем. Он должен был их увидеть в ядре яйцеклетки или сперматозоиде через окуляр хорошего микроскопа и при этом знать, что сами палочки и их количество имеют основополагающее значение.

Так откуда же? Одна из версий — Атлантида. Если она существовала свыше одиннадцати тысяч лет тому назад, если ее цивилизация была столь высока, как говорит Платон, то она могла создать науку, сравнимую, по крайней мере, в некоторых областях, с современной, нашей.

Вторая — пришельцы из космоса. В сторонниках этой темы нет недостатка. Если когда-либо космиты высадились на Земле, значит, они

должны были опережать нас на тысячелетия развития. Можно согласиться и с тем, что они прибыли к землянам с сообщением, говорящим, в частности, об основах жизни. Но ведь этот космический контакт мог произойти и на Атлантиде, что прекрасно объясняло бы, почему не обнаружен ни один его явный след, а мы осуждены обследовать лишь косвенные улики.

Третья гипотеза касается трансцендентального познания. Не было науки, и не было космитов. Просто сам человек, живший близко к природе, обладал свойствами, ныне забытыми. Они позволяли ему так изменять сознание, чтобы разум, без посредства органов чувств, вступал бы в контакт с трансцендентальным пространством и из него черпал знания, пребывающие там в неведомой нам нематериальной форме. Неоспоримые доказательства существования такого пространства и таким образом закрепленного знания поставляют многочисленные факты ясновидения событий отдаленных во времени и пространстве.

Эта гипотеза не исключает и первой, поскольку такой род познания мог быть свойствен мудрецам Атлантиды. Высокий уровень тамошней культуры мог быть следствием такой, а не технологической модели развития. Он позволял получать знания, минуя науку, благодаря особым свойствам разума. Так или иначе, все дороги ведут к Атлантиде!

Какие соображения заставляют меня считать Диск реликтом затонувшей культуры? Ученые согласны в том, что запись на Диске совершенно уникальна. Никто и нигде на Земле, говорят они, не обнаружил элементов такого «письма». Но, как я упоминал, это просто-напросто недоразумение! Знаки, изображенные на Диске, относятся к наираспространеннейшим символам ушедшего мира. Они есть везде. Нарисованные, выскобленные, нацарапанные, оттиснутые в глине и металле. Можно только удивиться, что никто их не ассоциировал с Диском!

Однако человеку, который будет упорно твердить, что «надпись» имеет исключительный характер, трудно будет отстоять это еще и по другим причинам. Чтобы комплекс идей выразить набором знаков, нужно время. Если этому набору предстоит стать точным, однозначным и легко понимаемым, он должен быть следствием некоего процесса. Определенный объем знаний должен вначале выкристаллизоваться в мысли, слова и только потом — в знаки. А знаки эволюционируют в течение долгого периода. Так возникали все письмена мира, и, опираясь на многочисленные более или менее крупные фрагменты, для них возможно выстроить целые лестницы перемен. Каковых нет для Ди-

ска! Неужто Диск — исключение? Такое утверждение невозможно отстоять, а одновременно оно доказывает, что речь тут не о «письме».

Диск не был одноразовым изделием, плодом особого вдохновения некоего жреца. С такими символами были знакомы люди, говорившие на различных языках, населяющие весьма удаленные друг от друга территории и использующие в быту различные виды настоящего, то есть истинного письма.

И дальше: наш жрец или, может, писец, который лишь фиксировал то, что ему диктовали, предварительно изготовил печатки. Это несомненный факт, из которого следует, что предполагалось создать несколько экземпляров Диска. Потому что в противном случае автор ограничился бы, вероятнее всего, рисованием знаков заостренной палочкой на одном кружочке из глины, как он поступил, вычерчивая спираль. Отсюда очередной вывод: была нужда в распространении записи. Как мы уже заметили, в ней присутствуют все признаки изложения на тему об основах жизни. Существовал, стало быть, центр с таким уровнем развития, что он собирал знания особого рода и считал нужным их распространить.

Таким путем мы получаем дополнительный аргумент в пользу Атлантиды. Диск возник не на Крите. Там он был бы заполнен линейным письмом «А» либо «В». В свою очередь, в странах, окружающих Средиземное море, или на Востоке его заполнили бы клинописью или египетскими иероглифами, арабским алфавитом или санскритом. М-да, но если Атлантида, то почему картинки, а не настоящее письмо? Страна со столь высокой культурой должна была его создать, а ведь использованы-то совершенно примитивные знаки! Однако именно здесь, как говорится, и зарыта собака!

Все станет на свои места, если предположить, что Диск из Атлантиды был «предназначен на вывоз» к народам и племенам, стоявшим на значительно низшей ступени развития и способных понять именно пиктограммы, а не что-то иное. И возник он во времена, на несколько тысячелетий опережавшие создание упомянутых алфавитов. Это объясняло бы отсутствие в раскопках подобных табличек, а также следов должным образом развитого центра, создавшего записи. Сказанное будет понятно, ежели принять, что таким центром была именно Атлантида, а другие экземпляры записи вместе с печатками почтили на дне морском. Не исключено, что катастрофа могла произойти в тот момент, когда лишь один либо несколько Дисков покинули остров. До нашего времени дошел только один.

Перевел с польского Е.ВАИСБРОТ

**Захватывающие приключения;
Поиски неведомых животных на всех континентах;
Открытия новых видов,
о которых наука могла только догадываться;
Гипотезы и версии ученых о возможности
существования «затерянных миров»
в Южной Америке, Африке и Австралии а также:
ЖИВЫЕ ДИНОЗАВРЫ ЧЕРНОГО КОНТИНЕНТА,
ГИМАЛАЙСКИЙ ЙЕТИ,
ГИГАНТСКИЙ БРОНЕНОСЕЦ ПАТАГОНИИ,
12-МЕТРОВАЯ АНАКОНДА —
СВИДЕТЕЛЬСТВА О СУЩЕСТВОВАНИИ ЖИВЫХ
МАМОНТОВ В ... XVI ВЕКЕ
РАССКАЗЫ ОБ ЭТОМ**

**и многое-многое другое
Вы найдете в увлекательной книге известного
бельгийского криптозоолога
Бернарда ЭЙВЕЛЬМАНСА**

«СЛЕДЫ НЕВИДАННЫХ ЗВЕРЕЙ»,

которая готовится к изданию редакцией журнала «Вокруг света». Это первое полное издание ставшего классическим труда ученого в нашей стране. Книга снабжена многочисленными иллюстрациями, содержит уникальные свидетельства путешественников, зоологов, моряков, географов, приоткрывающие завесу над многими «белыми пятнами» нашей планеты.

Объем — 11 п.л., обложка мягкая, целлофанованная, в 4 краски.

Заказы на крупнооптовую, мелкооптовую поставку (от 30 экз.) (предоплата 100 %) , а также индивидуальную рассылку книги наложенным платежом (только по территории России) принимаются в редакции по адресу: 125015, Москва, Новодмитровская ул., д.5а, 16-й этаж.

Телефон: 285-88-85. На конвертах с заявками для удобства сортировки писем следует делать пометку «Эйвельманс».

Редакция предлагает всем желающим заняться реализацией журнала, а также журнальных и книжных изданий нашей редакции. Тот, кто заключил с нами договор на реализацию печатной продукции, не жалеет об этом. Звоните по телефонам 285-80-58 и 285-88-85.

Для того чтобы разместить в журнале рекламу, достаточно позвонить по телефону 285-88-68. Вашей рекламе суждена долгая жизнь. Цены умеренные.

Редакция выполняет заказы на компьютерный набор, изготовление оригинал-макетов книг, журналов, газет, ксерокопирование. Справки по телефону 285-88-28. Цены умеренные.

Редакция принимает заказы на перевозку внутри Москвы и за ее пределы издательской и иной продукции. Автомобиль ГАЗ-3307 (фургон). Справки по телефону 285-88-85.

Редакция реализует мелким оптом и в розницу:

**журнал «Вокруг света»,
журнал «Искатель»,
спецвыпуски журнала, книги из серии
«Библиотека «Вокруг света»,
другие популярные издания.**

Справки по телефонам 285-88-85, 285-80-58, 285-88-83.

Яцёк ПАЛКЕВИЧ,
итальянский путешественник

В ОМАИ, на реке ЭССЕКИБО

Думается, что порой путевые заметки следует читать с раскрытым географическим атласом, иначе рискуешь запутаться в экзотических названиях: Гвиана, Гвинея-Бисау, Папуа — Новая Гвинея, Экваториальная Гвинея — не говоря уже о том, чтобы определить, как называется столица соответствующего государства.

В Джорджтауне, столице Гайаны, бывшей английской колонии Гвианы, я бывал и раньше, в 1975 году, после одиночного плавания, когда вышел из Дакара и за 44 дня пересек Атлантику. Гайана — один из немногих сохранившихся на Земле уголков, где еще можно ощутить сладкую дрожь — Приключения, — вновь покорила меня. Я ожидал, что за долгие годы, прошедшие с нашей первой встречи, вся страна и уж, во всяком случае, города должны были сильно измениться. С великим удивлением увидел, однако, что ритм жизни там все еще куда медленнее, чем в Европе.

Если не считать отеля «Пегас», построенного в 70-е годы, самое большое здание города имеет всего четыре этажа, а все железобетонные дома можно пересчитать по пальцам одной руки. В илистых реках джунглей водятся все те же кайманы, все так же моют золото старатели и надеются на небывалую удачу охотники за алмазами. Именно сюда, к побережью Гайаны, отправился на поиски сокровищ в

свою знаменитую, окончившуюся неудачей экспедицию Уолтер Рейли, фаворит Елизаветы I.

Слава Эльдorado привлекала множество авантюристов, но большинству из них Гайана принесла жестокое разочарование: золото там действительно было, но сколько труда требовалось затратить, чтобы отыскать его, знают только те, кто просеивал тонны и тонны песка с речного дна. Лишь единицам улыбнулась удача, но, несмотря на это, здесь часто можно встретить людей, не потерявших надежды.

Гвиана, или Гуайана, обширная территория, ограниченная реками Ориноко и Амазонкой, делится политически на Гайану, Суринам, Французскую Гвиану, Бразилию и Венесуэлу.

Кооперативная республика Гайана — это ее официальное название — сравнительно молодое государство, получившее независимость в 1966 году. Экваториальный лес в течение долгого времени преграждал дорогу человеку и умерял аппетит колонизаторов. Англичане высадились на побережье в конце XVI века, но колония Британская Гайана была создана только в 1814 году. Изначально экономика колонии основывалась на труде африканских рабов, но после отмены рабства (1834–1864) стали приезжать рабочие по найму, иммигранты из Индии, которые на сегодняшний день представляют больше половины населения. За ними следуют негры, ме-

тисы, индейцы, китайцы и европейцы — в общем, настоящая мозаика, которая составляет то, что называют «Страной шести народов».

В Джорджтауне, городе с почти 200 тысячами жителей, где ощущается еще наследие колониального режима, я являюсь гостем сотрудника Российского посольства Александра Кикевича, который служит мне гидом, водителем, а также телохранителем. Здесь нередки кражи и даже похищения людей. Эта дурная слава немало повредила развитию туризма. Редкие иностранцы, которых можно встретить здесь, — либо бизнесмены, либо авантюристы. Бизнесмены приезжают в Гайану за сахаром, рисом, ромом, а также бокситами. Авантюристы ищут в легендарной стране острые ощущения, которые может обеспечить не тронутый цивилизацией лес, там, где царство дикой природы, где живут последние племена аборигенов, где еще остается множество «белых пятен».

Дорог в джунглях нет. Подавляющее большинство населения живет вдоль побережья, и единственное средство сообщения с внутренней территорией — это реки.

В один прекрасный день я ныряю в зеленый океан. В Омаи, на реке Эссекибо, я нахожу владельца длинной и изящной лодки с плоским дном, который изъявляет готовность сопроводить меня. Хочу пройти по притоку Потаро к водопаду Кайетур.

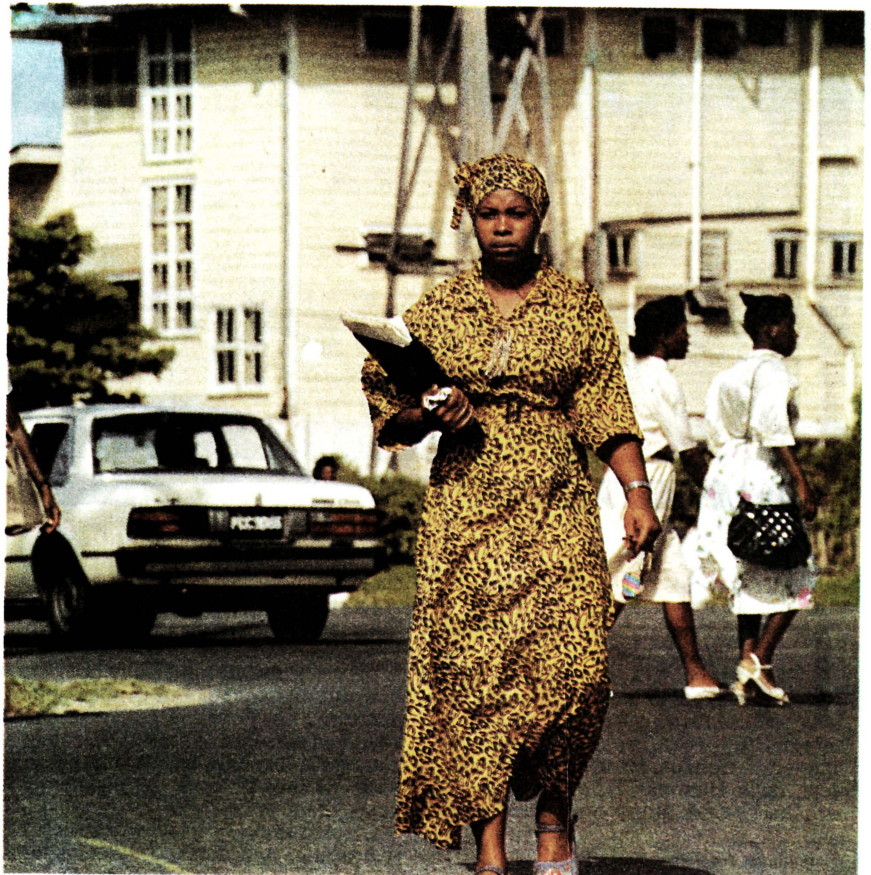
В начале пути встречаются кое-где деревни, потом — никого, местность абсолютно пустынная. Жара. Часто идут дожди. Влажная духота непереносима, пот течет градом, особенно нелегко становится, когда мы достигаем первых порогов и приходится толкать лодку вручную. С каждым часом плыть все тяжелее. Река все больше показывает свой нрав. Лес, горы и климат — кажется, все против вторжения человека. Густой кустарник спускается прямо к реке: лианы, ежевика, другие всевозможные растения плотно защищают подходы к суше.

На второй день к вечеру перед нами открывается водопад высотой 247 метров. Он низвергается в глубокое ущелье — одно из чудес природы, которое кажется все более невероятным, чем ближе мы к нему подходим.

Неподалеку находится спорная территория: 159 тысяч квадратных километров, на которые претендует Венесуэла. Если верить экспертам из Каракаса, эта пустынная и малоисследованная зона с пока неизвестным экономическим потенциалом, однако, по-видимому, весьма богатая алмазами, золотом, ураном и нефтью, была у нее отторгнута обманным путем в конце прошлого века.

Что же ждет впереди эту землю и нас — на безлюдной порожистой реке Эссекибо?..

Перевела с итальянского
Елена ЛИВШИЦ
Фото автора

АНАСТАСИЯ

Главы из книги

НА СКАМЬЕ ПОДСУДИМЫХ

Понятие «старого преданного слуги» ушло в прошлое вместе с XIX веком. Но если вспомнить, что закат этой золотой эпохи пришелся на август 1914 года, то доброта и преданность Волкова, бывшего камердинера царя Николая II, вряд ли кого-нибудь удивит. Волков посвятил всю

свою жизнь семье русского императора. Он сопровождал своего господина и в последнее путешествие, до Екатеринбурга, где слуги были разлучены с теми, кого привыкли опекать, и без лишних колебаний отправлены за решетку. Заключение было не слишком долгим: вскоре всех их выгнали из карцеров, отвели в лес — и расстреляли. Волков был единственным, кому удалось бежать.

С тех пор он безвыездно жил в Копенгагене, при особе старой импера-

трицы. Когда в Дании прочли странный доклад господина Зале, ни у кого не возникло сомнений: кто лучше Волкова сможет обнаружить обман — если, конечно, речь идет об обмане?

Не теряя времени, Волков сел в берлинский поезд. С собою он вез письмо к господину Зале: посланник должен был познакомиться с «больной».

Слева направо: великие княжны Мария, Татьяна, Анастасия, Ольга

Окончание. Начало в № 11/93.

Нам известно три рассказа о встрече Анни со старым слугой. Первый из них принадлежит присутствовавшему там же профессору Бергу; это его письмо к господину Пьеру Жийяру.

«Я в деталях помню, как госпожа Чайковская встретилась у меня с бывшим слугой императорского двора. Волков говорил только по-русски, и поэтому я не слишком могу судить, о чем шла речь. Сначала он держался чрезвычайно холодно и даже с некоторой подозрительностью, но на следующий день, кажется, переменял мнение, ибо сделался отменно вежлив и был тронут до слез, когда пришло время отъезда».

Вторая версия представляет несомненный интерес, поскольку это уже воспоминания самого Волкова. Вот что рассказал он господину Стадницкому, корреспонденту русской ревельской газеты «Последние новости» (номер от 15 января 1926 г.).

«До госпожи Чайковской я добрался не без труда. В мое первое посещение мне не позволили говорить с ней, и я принужден был удовольствоваться тем, что рассматривал ее из окна; впрочем, даже этого мне было достаточно, чтобы убедиться, что женщина эта не имеет ничего общего с покойной великой княжной Анастасией Николаевной».

Я решил все же довести дело до конца и попросил о еще одной встрече с нею.

Мы увиделись на следующий день. Выяснилось, что госпожа Чайковская не говорит по-русски; она знает только немецкий... Я спросил ее, узнает ли она меня; она ответила, что нет. Я задал ей еще множество вопросов; ответы были столь же неутвердительны. Поведение людей, окружающих госпожу Чайковскую¹, показалось мне довольно подозрительным. Они беспрестанно вмешивались в разговор, отвечали иногда за нее и объясняли всякую ошибку плохим самочувствием моей собеседницы.

Еще раз должен подтвердить, и самым категоричным образом, что госпожа Чайковская не имеет никакого отношения к великой княжне Анастасии Николаевне. Если ей и известны какие-то факты из жизни императорской фамилии, то она почерпнула их исключительно из книг; к тому же ее знакомство с предметом выглядит весьма поверхностным. Это мое замечание подтверждается тем, что она ни разу не упомянула какой-нибудь детали, кроме тех, о которых писала прессы».

Третья версия принадлежит госпоже фон Ратлеф

«...Больная не говорила с ним, она беседовала с господином Зале и профессором Бергом по-немецки; картина выглядела довольно странно».

¹ В течение всей нашей беседы госпожа фон Ратлеф не отходила от больной.

Единственное, что оставалось Волкову, это молча разглядывать ее».

Прощаясь с нами, он сказал, что «не может утверждать определенно, что госпожа Чайковская не великая княжна!» (из записки профессора Берга).

Мы не могли не заметить, что эта встреча взволновала госпожу Чайковскую. Во все время свидания она пристально рассматривала Волкова, выглядела настороженной и даже несколько испуганной. В ней словно происходила какая-то скрытая от глаз работа. Она, казалось, изо всех сил старалась собрать воедино разбросанные и не желающие подчиняться ее воле воспоминания. Совершенно измучившись, она откинулась на подушки, воскликнув:

— Я никак не могу его вспомнить!

Она попросила Волкова прийти на следующий день: завтра она будет спокойнее! Когда он простался, она любезно протянула ему руку и снова повторила свое приглашение.

Дня через два Волков появился вновь, на сей раз он сопровождал господина Зале. Они принесли несколько фотографий императорской фамилии. Господин Зале протянул их больной; она радостно принялась разглядывать снимки и тотчас же узнала среди прочих великого герцога Гессенского¹:

— Это же дядя, и его дети, и тетушка!

Разговор с Волковым начался тяжело. Старик никак не мог свыкнуться с мыслью, что дочь его государя не говорит по-русски. Когда он в который уже раз поделился со мною своими сомнениями, больная, услышав его слова, прервала беседу с датским посланником и обратилась ко мне, горячо умоляя меня ничего более не объяснять Волкову и не пытаться его ни в чем убедить. Ее гордость, ее самолюбие были чрезвычайно задеты недоверием этого человека. Она, впрочем, согласилась ответить на несколько его вопросов. Когда он спросил ее, не помнит ли она кого-то из прислуги (я забыла имя, но назван был кто-то из ее прежнего окружения), она немедленно отвечала:

— Он был специально приставлен к нам, к детям.

Он спросил ее, кроме того, помнит ли она матроса, бывшего лакеем у ее брата.

— Да, он был очень высокий. Звали его Нагорный,— ответила она, не сомневаясь ни минуты.

— Да, действительно,— сказал Волков, пораженный точностью ее ответов.

Он пришел на следующий день, уже один, ибо господин Зале должен был отправиться в Копенгаген. Боль-

¹ Эрнст Гессен-Дармштадтский, великий герцог, брат императрицы Александры Федоровны, женатый первым браком на принцессе Саксен-Кобург-Готской Виктории; вторым браком — на принцессе Элеоноре (прим. пер.).

ная чувствовала себя неважно, предыдущие разговоры до крайности утомили ее. Она спустилась к назначенному часу в приемную, но принуждена была улечься на диван. Волков присел рядом и продолжил свой (да простят мне подобное выражение!) допрос.

— Вы помните Татищева?

Несколько мгновений она размышляла, затем произнесла:

— Он был адъютантом отца, когда мы были в Сибири.

Волков кивнул. Потом он достал портрет вдовствующей императрицы Марии Федоровны. Она долго рассматривала его в необычайном волнении и наконец спросила:

— Как она себя сейчас чувствует? Странно, что бабушка не в трауре; сколько я помню, она всегда была одета в черное.

Она замолчала, чтобы немного отдохнуть. Мы с Волковым заговорили о чем-то, но она прервала нас:

— А ведь при брате состоял еще один моряк!

Волков кивнул, подтверждая ее слова. Она продолжала медленно, словно блуждая в глубинах памяти:

— Его звали... У него еще такая трудная фамилия... Деревенко.

— Да,— выдохнул Волков.

Она снова задумалась, борясь с ускользающими воспоминаниями.

— Но был, кажется, еще кто-то с такой же фамилией,— проговорила она наконец.— Это был доктор, правда?

Волков опять согласно кивнул. Он спросил, помнит ли она великую княгиню Ольгу Александровну.

— Да,— отвечала больная.— Это моя теть. Она была очень привязана и к нам, и к маме.

Потом он спросил, что случилось с ее драгоценностями.

— Они были зашиты в моем белье и в одежде,— сказала она.

Затем она улыбнулась и не без лукавства произнесла:

— Ну что ж, теперь, когда он¹ довольно порасспрашивал меня, посмотрим, как сам он сумеет сдать этот экзамен. Помнит ли он комнату в нашем летнем дворце в Александрии, в которой мама каждый год по приезду писала на оконном стекле алмазом из своего перстня число и инициалы, свои и папины?

— Да,— отвечал Волков.— Могли ли не помнить этого? Я столько раз бывал в той комнате.

— А вы помните Ивановский монастырь? — спросил он в свою очередь.

— Это где-то в Сибири,— проговорила она.— Оттуда еще приходили странницы, и мы с мамой и сестрами пели с ними.

Волков был потрясен.

Ему нужно было уходить: она очень устала и начала жаловаться на головную боль. С глазами, в которых блестели слезы, он несколько раз поцеловал ей руку. Совершенно растроганный, он ска-

¹ Слова эти адресованы были ко мне, я должна была перевести их Волкову, ибо он не знал немецкого языка. Вот почему она говорит здесь в третьем лице (прим. госпожи фон Ратлеф).

зал на прощанье: «Все будет хорошо!» — и медленно вышел из комнаты. В дверях он обернулся еще раз: слезы катились по его щекам. Я вышла проводить его, и он сказал мне:

— Постарайтесь понять мое положение! Если я скажу, что это она, теперь, после того, как другие столько раз говорили обратное, меня сочтут сумасшедшим.

Я далека от того, чтобы осуждать кого-то, но один смелый голос был бы куда полезнее для больной, чем все намеки и робкие подтверждения, выслушивать которые был, видно, наш удел.

Вернувшись, Волков даст интервью ревельской газете, но похоже, что в Копенгагене не слишком будут уверены в обмане, ибо вдовствующая императрица, мучимая сомнениями, готовится вскоре новую встречу. Кровавой резни в Екатеринбурге избежали господин и госпожа Жийяр, возможно ли было пренебречь их свидетельством?..

НАСТАВНИК ЖИЙЯР

Мне не довелось встретиться с господином Пьером Жийяром: во время работы над телепрограммой, посвященной загадочной Анастасии, к бывшему воспитателю цесаревича отправился мой друг Андре Кастело. Но все, что он рассказал мне по возвращении, запечатлелось в моей памяти.

Пьеру Жийяру было тогда 79 лет. Седовласый, подтянутый, он поражает собеседника безукоризненными манерами и безупречной речью. Словом, перед нами — настоящий «свидетель Истории».

— Он был наставником у цесаревича, — рассказывал мне Андре, — и педагогом у великих княжон. Двенадцать лет он прожил с царской семьей и каждый день видел Анастасию. По просьбе государя он и его жена Шура, одна из гувернанток великих княжон, — были при царственных детях и после ареста. Он сопровождал императорскую семью в Сибирь и покинул их только в мае 1918 года, за шесть недель до Екатеринбургской трагедии... А в июле 1925 года именно Пьер Жийяр и его жена были призваны прояснить — и прояснить окончательно — все темные места в истории загадочной женщины из Мариинского госпиталя.

А теперь мы позволим себе познакомиться читателя с полным текстом рассказа господина Жийяра.

«23 июля 1925 года моя жена получила письмо от великой княгини Ольги¹, чрезвычайно нас огорчившее. Великая княгиня сообщала, что в Берлине появилась молодая женщина, называющая себя Анастасией Николаевной, и что, хотя все это представляется ей не слишком правдоподобным, ее встревожили сенсационные откровения, которыми та завоевывала своих

поклонников. «Мы все просим вас, — прибавляла она в конце письма, — не теряя времени поехать в Берлин вместе с господином Жийяром, чтобы увидеть эту несчастную. А если вдруг это и впрямь окажется наша малышка! Одному Богу известно! И представьте себе: если она там одна, в нищете, если все это правда... Какой кошмар! Умоляю, умоляю вас, отправляйтесь как можно быстрее; вы лучше, чем кто бы то ни было, сумеете сообщить нам всю истину... Самое ужасное, что она говорит, что одна из ее тетушек — она не помнит, кто именно — называла ее «Schwibs!».. Да поможет Вам Бог. Обнимаю вас от всего сердца». В посткриптуме великая княгиня написала: «Если это действительно она, телеграфируйте мне, я приеду тотчас же».

В воскресенье, 26 июля, в 6 часов вечера, наш поезд прибыл на вокзал. Нас встречали и сразу же отвезли в посольство Дании, где нам надлежало остановиться. Посол, господин Зале, еще не вернулся из Копенгагена. Он приехал на следующий день после обеда и не теряя времени посвятил нас во все детали. Господин посол рассказал, что госпожа Чайковская — так звали больную — говорит только по-немецки, и что вот уже несколько недель за ней ухаживает некая госпожа Ратлеф, русская дама, родом откуда-то из балтийских провинций, и, как кажется, очень ей предана. Мы тут же — уже вечером — отправились в Мариинский католический госпиталь, заведение для неимущих, расположенный в одном из берлинских рабочих кварталов.

Опускались сумерки. Госпожа Чайковская — несколько дней назад ей сделали операцию локтевого сустава — лежала в постели и выглядела совершенно обесцвеченной, ее лихорадило. Я задал ей по-немецки несколько вопросов, на которые она отвечала невнятными восклицаниями. В полном молчании мы с необычайным вниманием вглядывались в это лицо в тщетной надежде отыскать хоть какое-то сходство со столь дорогим нам прежде существом. Большой, излишне вздернутый нос, широкий рот, припухшие полные губы — ничего общего с великой княжной: у моей ученицы был прямой короткий нос, небольшой рот и тонкие губы. Ни форма ушей, ни характерный взгляд, ни голос — ничего не оставляло надежды. Словом, не считая цвета глаз, мы не увидели ни единой черты, которая заставила бы нас поверить, что перед нами великая княжна Анастасия: эта женщина была нам абсолютно незнакома.

На следующее утро мы снова отправились в «Marienkrankenhaus»¹. Госпожа Чайковская чувствовала себя гораздо лучше, лихорадка уменьшилась; но, как и накануне, у меня сложилось впечатление, что она не узнает нас. Я хотел воспользоваться улучшением, чтобы расспросить ее поподробнее, но понял вскоре, что от нее совершенно

невозможно добиться ничего нового. Видя безуспешность моих стараний, я показал ей на мою жену и спросил, знакома ли ей эта женщина, которую она, без сомнения, должна хорошо помнить. Больная долго разглядывала ее и — я продолжал настаивать — ответила, наконец, с некоторой долей сомнения: «Es ist meines Vaters jungste Schwester». (Это младшая сестра моего отца.) Бедняжка приняла мою жену за великую княгиню Ольгу! Она, видимо, узнала накануне, что датский посол вернулся из Копенгагена, куда ездил с докладом о ней для вдовствующей императрицы и великой княгини Ольги, и, поскольку мы явились к ней вместе с господином Зале, она заключила, что дама эта могла быть только «ее тетьа Ольга», прибывшая из Дании вместе с посланником.

Опыт, кажется, убеждает. Госпожа Ратлеф, правда, возразила, что больная только что перенесла операцию, что ее бьет лихорадка, что, делая слишком поспешные выводы, мы рискуем допустить ошибку, которую трудно будет исправить. Мы, в свою очередь, выразили удивление тем, что больная не говорит по-русски. Госпожа Ратлеф отвечала, что врачи отметили множество повреждений черепа, которые бедняжка, вероятно, получила той страшной ночью в Екатеринбурге: один из типичных случаев амнезии, столь часто встречающихся во время войны. А как же эти изменившиеся черты, широкий рот, который едва ли может принадлежать великой княжне? Это все те же ужасные удары прикладом, изменившие всю нижнюю часть лица: у нее ведь не хватает семи зубов! Все это представляется весьма странным, но меня чрезвычайно смущают необычные откровения больной и особенно это словечко «Schwibs», которым называла Анастасию Николаевну только великая княгиня Ольга и о котором мало кто знал. Кто же на самом деле это существо? Ключ к этой тайне мог бы дать только серьезный допрос, и мы, поддавшись просьбам людей, опекающих загадочную больную, решили вернуться в Берлин, когда госпоже Чайковской станет лучше...

Мы только что изложили рассказ бывшего воспитателя. Выслушаем же теперь — это будет справедливо — госпожу фон Ратлеф.

«...Я выполнила просьбу посланника и привела новых посетителей в комнату больной. Она вежливо протянула им руку, невзирая на страдания, которые причиняло ей каждое движение. Но появление гостей совершенно не тронуло ее, она так и осталась лежать, утопая в своих подушках. Посетители же были, казалось, чрезвычайно взволнованы печальной картиной, представившейся их глазам. Они долго сидели возле постели в полном молчании. Когда мужчины ненадолго покинули комнату, дама попросила у меня позволения взглянуть на ноги больной. Я устроила это так, чтобы бедняжка ни о чем не догадалась.

¹ Великая княгиня Ольга Александровна, сестра Николая.

¹ Мариинская больница (прим. пер.).

— У нее ноги совсем как у великой княжны,— сказала мне госпожа Жийяр.

— Наверное, нет смысла докучать больной вопросами, учитывая ее плохое состояние. Мы приедем опять, как только ей станет лучше,— пообещал господин Жийяр.

Больную раздражил этот визит:

— Какой-то незнакомый человек сидит у моей кровати и с усмешкой спрашивает меня, ем ли я нынче столько же шоколаду, сколько ела прежде! Он, видимо, хотел насмеяться надо мною: здесь, в Берлине, мне не доводилось пройти без вздоха мимо магазина с шоколадом, ибо я не могу ничего купить!..

Тем же вечером господин посланик, господин Жийяр с супругой и я собрались на совет. Все согласилось с моим предложением как можно скорее перевезти больную в санаторий в Моммсене, где за ней ухаживал бы профессор Руднев, и через несколько дней, как и было условлено, мы отъехали!..»

В конце сентября 1925 года больной стало лучше. Наконец-то утихла лихорадка, она снова могла читать и играть с маленьким белым котенком по прозвищу Кики, подаренным госпожой Ратлеф!..

Вскоре вновь должны были приехать супруги Жийяр!.. Но предоставив лучше слово госпоже фон Ратлеф.

«Был ясный солнечный октябрьский день (...). Я ненадолго вышла из комнаты, а вернувшись, обнаружила у постели больного господина Зале в обществе того невысокотого темноволосого господина, который уже навещал нас в Мариинском госпитале. Больная всматривалась в его лицо с необычным вниманием, я тотчас же заметила это. Она была столь взволнована, что у нее перехватило дыхание. Не без усилия она приняла спокойный вид и протянула ему руку со своей всегдашней вежливостью. Он спросил, помнит ли она его.

— Мне кажется, я видела вас прежде, но что-то незнакомое в вашем лице настолько меня смущает, что я не могу сказать, кто вы. Мне нужно немного привыкнуть.

А когда с нами остался только господин посол, она обратилась к нему с явным недоумением:

— Это может быть только преподаватель моего брата, господин Жийяр. Я не осмелилась назвать его; мне показалось, он ужасно переменялся.

Назавтра господин Жийяр пришел снова. Она была уже гораздо более спокойна и, когда он присел возле ее кровати, спросила, никак не называя его:

— Куда подевалась ваша борода? У вас ведь был совсем закрыт подбородок, правда же?

— Да,— отвечал господин Жийяр и рассказал, как вынужден был еще в Сибири сбрить бороду, чтобы не быть узанным большевиками.

Посещение нас господином Жийяром и переживания, вызванные им, сильно утомили больную. Она лежала,

утопая в подушках, и казалась подавленной. Разговор никак не завязывался. Наконец господин Жийяр прервал молчание:

— Говорите же, прошу вас. Расскажите все, что вы помните из прошлого.

Он слишком плохо знал ее нынешнее состояние — а ведь я не раз говорила ему! — иначе не стал бы спрашивать столь прямо.

— Я не умею рассказывать. Я даже не знаю, о чем следует говорить.

Господин Жийяр допустил еще одну оплошность, не оставшуюся без последствий, когда с излишней, скажем прямо, оживленностью выразил свое удивление тем, что ее память не слишком исправно служит ей.

— Неужели вы полагаете,— с горечью возразила она,— что вы сами с легкостью вспоминали бы прошлое, когда бы вас убили на три четверти?

Позже она спросила, когда в Берлин придет Шура. Господин Жийяр ответил уклончиво: он не может сообщить определенно.

После того, как он ушел, она сказала мне:

— У него сегодня хорошее лицо, и вид у него более здоровый, он даже выглядит сейчас моложе, чем раньше, в Сибири!..

После обеда в нашу дверь постучали. Вошел посланик и следом за ним дама в сиреневом пальто. Она прямоком направилась к постели больной и с улыбкой протянула ей руку. На наших глазах больная переменялась: бледные худые щеки ее покрылись ярким румянцем, глаза, всегда усталые и туманные, зажглись радостными искорками. Она была счастлива. Дама говорила с ней по-русски, она отвечала ей на своем плохом немецком. Несколько времени спустя она спросила вдруг:

— Как себя чувствует бабушка? Как у нее с сердцем?

Слова ее были исполнены неподдельной заботы и тревоги. Узнав, что у бабушки все хорошо, она вздохнула с облегчением. Разговор вновь зашел о предметах незначительных: поговорили о болезни, о милых проделках Кики!.. Больная ни разу не назвала свою посетительницу по имени, и только часа два спустя, когда та ненадолго вышла из комнаты, господин Зале спросил ее:

— Кто же эта женщина?

— Это папина сестра, моя тетя Ольга,— отвечала она весело.

— Почему же тогда вы сразу не назвали великую княгиню по имени?

— А почему бы я должна была это делать? Я так обрадовалась, что не могла и слова вымолвить! — воскликнула она со своей совершенно особенной интонацией, столь для нее характерной.

Позже я узнала, что это был «экзамен»: больная ожидала увидеть Шуру, а ее навестила великая княгиня Ольга.

С появлением великой княгини Ольги Александровны в комнате поселились радость и мир. Она оставалась до вечера, и, когда прощалась, боль-

ная вдруг наклонилась к ее руке и нежно прикоснулась к ней губами. Жест этот настолько противоречил ее обычной манере, что мы были крайне удивлены!..

Наутро, уже в девять часов, великая княгиня Ольга снова была у нас. С ее появлением в комнате запахло счастьем и надеждой. Больная лежала на подушках, и лицо ее сияло. Великая княгиня уселась рядом с нею и принялась показывать ей портреты двух своих маленьких сыновей. Ее собеседница разглядывала фотографии с какой-то тайной грустью. Великая княгиня — недаром она была настоящая леди,— словно прочитав ее мысли, стала расспрашивать бедняжку о ее собственном ребенке. Она сильно покраснела... и уклонилась от ответа: ребенок был совсем еще маленьким, она оставила его в Бухаресте на попечение двух женщин из приютившей ее семьи.

Потом она рассказывала мне:

— Я готова была провалиться сквозь землю, когда тетя спросила меня об этом. Боже мой, что за мука думать, что я должна была родить этого ребенка!.. Но это произошло не по моей вине! У меня не было сил, я болела и не могла защитить себя!..

Вдруг далекие воспоминания овладели ею.

— Мне это приснилось или так все и было в самом деле? Ведь была в нашем доме комната с совсем крохотными низкими стульчиками?..

— Да, совершенно верно, это не сон,— ответила великая княгиня.

— ...А это не привиделось мне: будто там была еще винтовая лестница, и мы всегда спускались по ней.

— Верно,— с надеждой подтвердила великая княгиня и, в свою очередь, спросила:

— А что бывало каждую субботу у этой лестницы?

Больная не могла припомнить; видно было с ясностью, как она с трудом пытается совладать с изменяющей ей памятью. Но картины прошлого ускользали от нее.

Несколько времени спустя она сказала, обращаясь ко мне:

— Тетушка всегда звала меня «Schwipsik».

— Да,— откликнулась великая княгиня,— я всегда обращалась к ней именно так.

Нет сомнения, ей было приятно и радостно услышать это. В полдень она покинула нас: ее ждали к завтраку в датском посольстве.

Вскоре она снова была у нас, но на сей раз ее сопровождала дама, уже прежде приходившая навестить больную вместе с господином Жийяром в Мариинском госпитале. Это была Шура, которую так ждала больная.

Шура была страшно взволнована. Она подошла к постели своей бывшей воспитанницы и с улыбкой обратилась к ней по-русски:

— Как вы себя чувствуете?

Великая княгиня наклонилась к ней и спросила мягко, будто желая ее подбодрить:

— Ну кто же это?

— Шура! — выдохнула она.

Мы все слышали это. Великая княгиня Ольга Александровна захопала в ладоши и воскликнула с необычайной радостью:

— Верно, верно! Но теперь надо говорить по-русски: Шура по-немецки не знает ни слова.

Эта просьба, казалось, не слишком обрадовала больную. Она предложила ей сестру — опять на немецком — и не сводила с нее глаз. Затем она взяла свой флакон с одеколоном, вылила несколько капель Шуре в ладонь и попросила протереть лоб. Шура со слезами на глазах рассмеялась. Это был совершенно особенный жест, характерный только для великой княжны Анастасии Николаевны: она ужасно любила духи и иногда буквально «обливала ими свою Шуру», чтобы та «благоухала, как букет цветов...»¹

Великая княгиня не раз говорила, что племянница ее похожа скорее на великую княжну Татьяну. Господин и госпожа Жийяр разделяли ее мнение. Великая княгиня призналась даже, что, если бы ей сказали, что перед нею была именно Татьяна, она поверила бы этому не задумываясь. Перед отъездом она беседовала с датским послом:

— Мой разум не позволяет мне поверить, что это Анастасия, но сердцем я чувствую, что это она. А поскольку я воспитана в религии, которая учит слушать прежде всего доводы сердца, а не рассудка, я не в силах оставить это несчастное дитя.

Процаясь, великая княгиня Ольга нежно поцеловала больную в обе щеки и шепнула:

— Не стоит печалиться. Я буду писать, госпожа фон Ратлеф мне тотчас же ответит. Нужно только выздороветь, сейчас это самое главное.

Супруги Жийяр уезжали на следующий день. Госпожа Жийяр была совершенно растрогана и никак не хотела уходить от больной, которая совсем загрустила, видя, что все опять ее покидают. Госпожа Жийяр была безутешна; отойдя от кровати со слезами на глазах, она обняла меня и разрыдалась:

— Я так любила ее прежде, так любила!.. Почему же я и эту женщину люблю так же сильно? Если бы вы только знали, что творится сейчас в моей душе! Почему, скажите мне, почему я так полюбила эту бедняжку?..

Слова эти прекрасно выражают чувства, обуревавшие эту искреннюю женщину. Господин Жийяр, которому переживания жены показались излишними, прервал наше прощание.

Перед самым отъездом господин Жийяр и его супруга, беседа с Его Превосходительством господином Зале, заметили:

— Мы покидаем вас в убеждении, что не можем определенно отрицать,

что она — великая княжна Анастасия Николаевна.

Господин Жийяр обещал вернуться, когда больная совсем поправится и сможет лучше отвечать на его вопросы. Он просил меня постоянно держать его в курсе событий и уверил нас, что даже в Лозанне постарается выполнить все наши просьбы и поручения. Должно же, сказал он, когда-нибудь «разъясниться это странное дело».

«Отчет» господина Жийяра об этой поездке во многом противоречит приведенным нами воспоминаниям господином фон Ратлеф.

«В конце октября мы с женою снова отправились в Берлин и остановились, как и в первый раз, в датском посольстве, куда вскоре прибыла и великая княгиня Ольга (27 ноября 1925 года).

В прошлое наше посещение, как вы помните, госпожа Чайковская не только не узнала нас, она приняла даже мою жену за великую княгиню Ольгу. На сей раз она явно знала о нас больше и ожидала нашего визита, что подтверждают некоторые строки из письма, адресованного мне датским посланником (оно датировано 16 октября 1925 года).

На следующий день по приезде в Берлин, не дожидаясь, пока приедет великая княгиня Ольга, я в одиночестве отправился в клинику, чтобы побеседовать с госпожой Чайковской. Я нашел ее сидящей в кровати, она играла с подаренным ей котенком. Она подала мне руку, и я присел рядом. С этого момента и до тех пор, пока я не ушел, она не отводила от меня взгляд, но не промолвила ни слова — я настаивал напрасно — и никак не дала понять, что знает меня.

На другой день я опять появился в клинике, но усилия мои оставались столь же бесплодны, как и накануне. Госпожа Чайковская избегала отвечать на мои вопросы; стоило мне проявить настойчивость, как она откидывалась на подушки, закрывала глаза и повторяла одно: «Ich weiss nicht, ich weiss nicht!» (Я не знаю, не знаю!).

Великая княгиня Ольга и моя жена посетили наконец клинику в Момсене; госпожа Чайковская очень мило встретила их, протянула им руки, но никто не заметил ни одного из тех неожиданных движений, которые диктует обычно нежность и которых можно было бы ожидать, будь перед нами действительно великая княжна Анастасия¹.

Впрочем, ни в этот, ни в последующие дни она ни разу не назвала их по имени. Великая княгиня Ольга, как и мы оба, не нашла ни малейшего сходства между больной и великой княж-

¹ Почитаю за долг напомнить, что великую княгиню Ольгу чрезвычайно любили великие княжны и питали к ней горячую привязанность, которую лучше было бы назвать обожанием.

ной Анастасией — исключение составлял лишь цвет глаз — и, как и нам прежде, эта женщина показалась ей совершенно незнакомой. Мы начали разговор с ней по-русски, но вскоре убедились, что хотя она и понимает русский язык, правда, не без труда, но говорить сама не может. Что же касается английского и французского, то это и вовсе был бесполезный труд, и мы вынуждены были общаться на немецком. Мы не смогли скрыть изумления. Великая княжна Анастасия прекрасно говорила по-русски, довольно хорошо по-английски, сносно по-французски и совсем не знала немецкого. Госпожа Чайковская не могла недооценивать значение нашей встречи; она прекрасно знала, зачем мы прибыли, и, согласитесь, было бы странно, если бы она, владея хоть одним из этих языков, не пожелала продемонстрировать нам свои знания.

Что же касается великой княгини Ольги и моей жены, то ими руководили лишь жалость, которую вызвала несчастная больная, и опасения допустить ошибку, которую после уже невозможно будет исправить. Они показывали бедняжке фотографии, которые освежили бы ее память, будь это действительно Анастасия Николаевна. Мы привезли много снимков покоев императорской фамилии в Царском Селе, среди прочих там были фотографии спален императрицы и великих княжон: больная почему-то не узнала их. Когда она рассматривала снимок маленькой детской столовой, мы так и не добились от нее, где во дворце находится эта комната. (Эту же самую фотографию показывал ей два месяца назад господин Зале, и тогда госпожа Чайковская не вспомнила даже мою жену, сидящую за столом¹. А вель до того самого дня, когда нас всех отправили в Сибирь, великие княжны каждое утро завтракали с моей женой в этой самой столовой!) Если бы госпожа Чайковская была Анастасией Николаевной, разве она колебалась бы хоть одно мгновение?

Мы показали ей множество фотографий, сделанных в Крыму и в тринадцатом году во время путешествия императорской семьи по Волге, по случаю трехсотлетия дома Романовых. Эта поездка была необычным событием в столь однообразной жизни великих княжон: они впервые видели живописные края, ставшие когда-то колыбелью великой династии, впервые их взором предстала Волга, река, воспетая всеми русскими поэтами, им в первый раз довелось провести столько времени в дороге, путешествуя не на привычном для них «Штандарте». Ни один из снимков не вызвал отклика в памяти госпожи Чайков-

¹ Госпожа Жийяр рассказала об этом впоследствии господину Зале.

¹ Посол Дании сообщил мне об этом в своем письме от 24 августа 1925 г.

кой. Единственное, что удивляло нас, это та уверенность, с которой она находила на любой фотографии членов царской семьи: самого императора, императрицу, наследника и великих княжон.

Здесь следует рассказать об одном событии, которое поможет наконец внести ясность в это необыкновенное дело. Полковник Куликовский¹, сопровождающий великую княгиню Ольгу в Берлин, узнал от одного из своих старых сослуживцев, господина Баумгартена, что между 1922 и 1925 годами госпожа Чайковская не раз бывала в русских эмигрантских обществах. Эта новость нас удивила, и мы с господином Куликовским решили разыскать людей, знавших ее раньше. Господин Баумгартен любезно познакомил нас с М.Н.Швабе, одним из своих друзей, и с его супругой.

Для нас, почти незнакомых с прошлым госпожи Чайковской, эта встреча была настоящим откровением. От четы Швабе мы узнали, что она долгое время жила у барона Кляйста, русского эмигранта, уроженца одной из прибалтийских провинций, который сперва поверил, что и впрямь имеет дело с великой княжной Анастасией. Госпожа Чайковская общалась со многими русскими, среди прочих — с госпожой Толстой и ее детьми. Что касается этой последней, то до революции она жила в Царском Селе, и дети ее, с необычайной любовью относившиеся к наследнику и великим княжнам, не раз встречали их во время прогулок в парке. Несомненно, что госпожа Чайковская узнала от Толстых множество деталей, касающихся жизни императорской семьи в Царском Селе.

В то время, то есть между 1922 и 1925 годами, здоровье госпожи Чайковской было несравненно лучшим, чем ныне, она много гуляла по городу, даже делала покупки, и часто навещала супругов Швабе, к которым была нежно привязана. У них она могла увидеть много всего относящегося до царской фамилии: фотографии, фотокопии², брошюры и еженедельники — словом, всю огромную коллекцию материалов, собранную господином Швабе для журналов, которые он издает (чтобы заработать кусок хлеба, он открыл в Берлине небольшую типографию). Она часами разглядывала снимки членов императорской семьи, которые неблагоразумно приносили ей

люди, окружавшие ее, и постепенно научилась узнавать эти лица на любой фотографии.

Госпожа Швабе тоже поведала нам много весьма интересных деталей, которые у нее была возможность наблюдать во время частых визитов госпожи Чайковской. Вначале она искренне была уверена, что Незнакомка — и впрямь та, за которую себя выдает, но вскоре ее начали мучить подозрения, постепенно убедившие ее в обратном. Теперь у нее не осталось сомнения в том, что госпожа Чайковская явилась не из России, что она никогда не была православной: об этом красноречиво свидетельствует множество эпизодов, которые она пересказала нам и которые мы не приводим здесь лишь из соображений лаконичности.

Супруги Швабе рассказали нам, что недостающие зубы госпожи Чайковской — результат посещений дантиста в Дальдорфе, а отнюдь не ударов прикладами во время страшной екатеринбургской ночи, как утверждала госпожа Ратлеф.

Но самое главное, что удалось нам узнать, была история со словечком «Schwibs», столь удивившим нас в устах больной. Услышала она его впервые следующим образом.

В 1922 году в Берлин прибыл П.Булыгин, бывший русский офицер, ездивший в 1918 году по поручению великой княгини Ольги в Сибирь в надежде разыскать сведения об императорской фамилии; в качестве пароля великая княгиня и назвала ему это домашнее прозвище. Булыгин, коротко знакомый со Швабе, часто рассказывал им о своем сибирском путешествии. Познакомившись с госпожой Чайковской, они попросили своего друга назвать им какую-нибудь характерную деталь, чтобы испытать Незнакомку, и Булыгин рассказал им об этом загадочном имени. Что же касается госпожи Чайковской, то она так и не сумела ответить на этот вопрос, и госпоже Швабе пришлось слог за слогом открыть ей прозвище...

В тот же день, вечером, мы все, вместе с господином Зале и его супругой, ужинали в посольстве, и я решил воспользоваться случаем, чтобы познать великую княгиню со всеми новостями, которые узнал за сегодня. Господин Зале нашел, что мой излишне красочный рассказ мог неблагоприятно повлиять на слушателей, и заметил мне, что я явно вышел за рамки своей роли простого свидетеля, поспешив сделать выводы из еще не проверенных фактов. Но господин Куликовский поддержал меня, посоветовав великой княгине самой высказать мнение госпожи Швабе. Остановились мы на том, что за ней пошлют,

и через час госпожа Швабе повторила, на сей раз в присутствии великой княгини, супругов Зале и моей жены, все столь важные подробности, которые мы узнали от нее чуть раньше.

На следующий день мы снова отправились в клинику, чтобы расспросить больную еще раз. С тем, чтобы проверить то, что узнал накануне, я попросил господу Ратлеф о небольшой услуге, цели которой намеренно не стал ей сообщать, а именно: зарисовать расположение зубов госпожи Чайковской. Любому, взглянувшему на этот рисунок, сделалось бы понятно, что недостающие зубы не были выбиты ударом: в этом случае их не хватало бы лишь в каком-то одном месте; у больной же они отсутствовали то здесь, то там по всему ряду.

В этот раз мы показали госпоже Чайковской брошь, подаренную моей жене императрицей в 1913 году в празднование трехсотлетия дома Романовых. Сколько мне помнится, Анастасия Николаевна сама должна была выбрать ее по просьбе матери и всякий раз после бывала очень рада, когда видела ее на моей жене. Мы даже сделали госпоже Чайковской небольшую подсказку, назвав даты 1613 — 1913, но украшение ничего не напоминало ей; она вернула его нам, совершенно не проявив интереса.

Последнее, что мы решились сделать, это показать ей маленькую серебряную иконку святого Николая. Императрица подарила ее моей жене в память происшествия на «Штандарте» возле финских фьордов 29 августа 1907 года. Великим княжнам она тогда же надела в точности такие иконки, и они всегда носили их при себе. Когда госпожа Чайковская прочла число, выгравированное на обратной стороне, мы спросили ее, знает ли она, что оно означает, и доводилось ли ей прежде видеть что-то подобное, но так и не добились вразумительного ответа...

Итог нашего расследования был сугубо отрицателен: мы совершенно уверились в том, что перед нами чужой человек, и впечатление это лишь усиливалось тем, что больная так и не сумела ничего поведать нам о жизни императорской фамилии.

С другой стороны, нам показалось, что госпожа Чайковская, к которой мы питаем вполне искреннее сочувствие, сама абсолютно убеждена в том, что она действительно Анастасия Николаевна. Итак, что же за создание было перед нами? Быть может, речь идет о каком-то случае психической патологии, о самовнушении больного человека, о сумасшествии, наконец?..

Великая княгиня Ольга уехала из Берлина 30 октября, а на следующий день отправились и мы, так как мой отпуск уже подходил к концу».

¹ Бывший офицер кирасирского полка, супруг великой княгини Ольги, бывшей замужем первым браком за принцем Петром Александровичем Ольденбургским.

² Полутоновое изображение, получаемое с помощью стеклянной или металлической пластины со светочувствительным слоем желатина, на который проецируется негатив.

ЗНАК ВОПРОСА

В том, что касается «дела Анастасии», и великую княгиню Ольгу, и супругов Жийяр, без преувеличения, можно упрекнуть в нерешительности. Тем не менее довольно странным выглядит их поведение в последние месяцы.

Первой на сцене появилась великая княгиня Ольга. Она прислала Незнакомке поздравление с Рождеством 1925 года, написанное, по словам госпожи фон Ратлеф, «весьма дружелюбно». В свертке, который был передан вместе с посланием, был жакет, связанный самой великой княгиней для больной...

Жийяры тоже не забывали писать. «Как дела в Берлине? Надеюсь, вы ведете себя разумно и едите как следует, чтобы хорошенько набраться сил, а не скармливаете свои обеды обжоре Кики, который готов поглотить все без остатка? Постарайтесь писать почаще — вы нас очень обяжете — и не сердитесь, если мои ответы слишком задерживаются».

14 декабря 1925 года Шура пишет: «Передайте ей (больной.— А.Д.), прошу вас, что не проходит и дня, чтобы я не вспоминала о ней и не посылала ей в душе самых сердечных приветов».

И опять Пьер Жийяр, 30 декабря 1925 года: «Как чувствует себя больная? Довольно ли у нее сил, чтобы начать вставать? Хочется верить, что она уже может отвечать на вопросы и что память ее стала лучше, а ответы более ясными и точными.

Моя жена была совершенно растрогана, получив открытку, которую вы прислали¹. Подпись и впрямь чрезвычайно напоминает подпись великой княжны Анастасии, когда ей было лет 13 — 14. Следовало бы узнать, доводилось ли больной встречать подпись великой княжны на какой-нибудь открытке или книге. Еще было бы замечательно, если бы она сама написала несколько строчек... Вы будете очень любезны, если передадите больной открытку, которую мы посылает с этим письмом»...

27 января 1926 года: «То, что говорит больная о собственном полке великой княжны Анастасии, оказалось совершенно правильным...»

Этим письмом переписка вдруг обрывается. Больше от великой княгини Ольги или от Жийяров в Момсенском санатории не получили ни одного письма.

¹ Больная попросила меня послать им рождественскую открытку, на которой она подписала свое имя: «Анастасия» (прим. госпожи фон Ратлеф).

Отчего так «резко все переменялось», как выразятся приверженцы Анни? Вот что говорит на сей счет Пьер Жийяр:

«С самого начала я допустил серьезную ошибку: я исправлял все оплошности, содержащиеся в письмах, приходивших ко мне. Через несколько месяцев я стал замечать по письмам моих многочисленных берлинских корреспондентов, что в городе сделались известны сомнительные откровения больной, но не те, которые получал я, а отредактированные и исправленные по моим же собственным указаниям! Более того, самое ужасное состояло в том, что в Берлине, как я узнал из письма господина Швабе от 9 января 1926 г., только и разговоров было, что о предстоящем выходе какой-то книжонки о госпоже Чайковской, где говорилось, что великая княгиня Ольга, моя жена и я единодушно опознали больную. Господин Швабе прибавлял, что к этой публикации причастен, кажется, доктор Руднев. Я тотчас же написал госпоже Ратлеф, что, если все, что я узнал, верно, я незамедлительно опубликую в прессе категорическое опровержение. Угроза возымела действие: я получил от нее ответ: она утверждала, что ни Руднев, ни сама она ничего не знали о готовящейся публикации, и умоляла не предпринимать никаких решительных действий. Я понял, что удар попал в цель: и впрямь, после уже и речи не было ни о каких брошюрах...»

С этого времени письма госпожи Ратлеф приходили все реже и, наконец, совершенно прекратились месяца два спустя, в июне 1926 г.»

Около того же времени датский посол господин Зале обратился к господину Жийяру с просьбой изложить полностью свое мнение о деле Незнакомки. Письмо Пьера Жийяра к дипломату было весьма категорическим. Вот его финал:

«Заканчивая это длинное письмо, я могу лишь еще раз подписаться под тем, о чем уже говорил вам в своем письме от 3 февраля 1926 г., а именно, что если бы меня попросили высказать свое суждение, то я, не колеблясь, ответил бы, что больная — совсем не та, за кого себя выдает».

— Это письмо положило конец участию Пьера Жийяра в деле госпожи Чайковской.

Точку поставил лишь Гамбургский процесс 1961 года. Рискнем в последний раз утомить внимание читателя цитатой.

«Суд пришел к выводу, что госпожа Андерсон не может претендовать на титул великой княжны по следующим соображениям:

1. Истица¹ отказалась от медицинской и лингвистической экспертизы, на проведении которых настаивал суд;

2. Судебный референт, знающий русский язык, не смог засвидетельствовать, что она когда-либо владела им;

3. До 1926 года истица говорила лишь по-немецки; славянский акцент, по утверждениям свидетелей, появился значительно позже, примерно в то же время, когда она выучила английский язык;

4. Ни один из свидетелей, лично знавших Анастасию, не опознал истицу; последняя тоже не сумела однозначно вспомнить никого из свидетелей;

5. Воспоминания, которым она придает столь важное значение, вполне могли быть заимствованы из обширной литературы, посвященной истории императорской фамилии;

6. Графологическую и антропологическую экспертизы по ряду причин следует считать неудовлетворительными (<...>)

Суд постановил, что ГОСПОЖА АНДЕРСОН НЕ МОЖЕТ ПРЕТЕНДОВАТЬ НА ИМЯ ВЕЛИКОЙ КНЯЖНЫ АНАСТАСИИ».

Что ж, поставим точку и мы, но поставим, помня, как легко ее исправить на запятую или многоточие...

Перевел с французского
А.ЕНДОВИН

¹ Процесс, завершившийся 15 мая 1961 года во 2-й Гражданской палате Гамбургского суда, был возбужден frau Анной Андерсон (прим. пер.).

Геральдический альбом

Бурные перемены в Восточной Европе начала 90-х годов привели к распаду всех трех социалистических федераций — СССР, Югославии и Чехословакии. Наиболее драматичным и даже кровопролитным этот процесс оказался в Югославии. В составе новой, «союзной», Югославии остались лишь Черногория и Сербия, но и от последней пытаются отделиться и албанцы Косова, и мусульмане Санджана, и часть венгров Воеводины. Какими будут окончательные границы и государственная символика стран бывшей Югославской федерации, покажет время. Пока же мы приводим исторические сведения о южнославянских символах и ту современную информацию, которой располагаем на сегодняшний день.

ЛЕВ ИЛИ СОЛНЦЕ

Традиционные цвета Македонии — красный и золотой. Еще в средние века ее территориальным гербом был золотой лев на красном поле. Красный и золотой цвета были и на флаге Македонии 1946 — 1991 годов, когда она находилась в составе Югославской федерации (золотые контуры звезды на красном полотнище), — единственным из шести республиканских флагов, на котором не было трехцветных полос. Лента таких же

цветов украшала и республиканский герб Македонии этого периода, где над горами и морем восходило солнце в окружении традиционных для республик Югославской федерации венка и звезды.

В 1991 году, в ходе распада Югославии, Македония сначала восстановила свои традиционные символы, поместив золотого коронованного льва — символ мужества македонцев и их многовековой борьбы за национальную независимость — на красные полотнища флага и

Государственный флаг Республики Македония

щит герба. Однако уже в конце того же года, при достижении полного государственного суверенитета, лев на флаге был заменен другой популярной македонской эмблемой — солнцем (тоже золотым). При этом изображается не просто солнце, как на прежнем гербе, а его символ — так называемая «Александровская звезда» с 16 лучами. Ее изображение взято с орнамента на золотой шкатулке, найденной в местечке Вергина при раскопках гробницы македонского царя Филиппа II (отца Александра Македонского) из династии Аргеадов, при котором в середине IV века до н.э. древнее Македонское государство, объединив не только все македонские, но и греческие земли, достигло своего расцвета. Эта древняя эмблема солнца считается в Македонии символом славного прошлого и надежды на светлое будущее. Интересно, что первоначально нынешний флаг возник в среде македонских эмигрантов в Австралии. Солнечный символ украшает и нынешний герб Македонии, точное изображение которого, к сожалению, пока неизвестно из-за дипломатической блокады Македонской Республики, осуществляемой по инициативе Греции (Россия, Болгария, Югославия и ряд других стран уже признали Македонию, но в ООН и другие

международные организации она не принята, а ее посольства пока не открыты).

Дело в том, что новые символы Македонии, как и ее название, вызвали решительный протест Греции, увидевшей в них посягательство на свою территориальную целостность. Исторические македонские земли ныне разделены границами на три части, находясь в составе и Греции, и Болгарии, и греческие власти видят в названии и символах нового государства претензии на их воссоединение. И Вергина находится в греческой части Македонии, и найденный там символ греки считают своим и даже рассматривают вопрос в парламенте о включении его в греческий герб. Так что до окончания конфликта еще далеко.

НЕТ МИРА ПОД ЛИЛИЯМИ

В средние века (до турецкого завоевания во второй половине XV века) в качестве гербов Боснии были известны, во-первых, рука с восточным мечом, одетая в золотые латы или в красный рукав, во-вторых, скрещенные суковатые посохи, увенчанные головами мавров, поверх которых иногда помещался красный щиток с белым полумесяцем, и, в-третьих, корона из лилий. Но они не были символами суверенитета, так как Босния зависела то от Византии, то от Венгрии, то от Сербии.

Исторический герб Македонии

Последнюю публикацию «Геральдического альбома» см. в № 10/93 г.

Государственный герб республики Босния и Герцеговина

Первый герб Герцеговины, XIV век

Кратковременной независимости, расцвета и могущества Босния достигла лишь в период правления Степана I Твртко (1353—1391 гг.), не только объединившего страну и отстоявшего ее независимость, но и захватившего часть хорватских, далматинских и сербских земель и провозгласившего страну королевством. Он принял совершенно новый герб — в духе западноевропейской геральдики, который должен был подчеркнуть как независимость Боснии от могущественных соседей, так и ее тогдашние масштабы — страна вышла тогда далеко за пределы собственно боснийских земель. Золотые геральдические лилии на пересеченном белой диагональю синем щите, являвшиеся символами королевского достоинства и очень напоминающие эмблемы французских королей, тем не менее считаются, по боснийской традиции, национальной эмблемой, происходящей от местного цветка, разновидности ириса — боснийской лилии.

После смерти Твртко завоеванные прежде территории были утрачены, а сама Босния вступила в период феодальной раздробленности. В частности, в 1448 году отделилась ее южная часть, объявив себя самостоятельным герцогством — Герцеговиной. Ее гербом был красный щит, сначала пересеченный

Герб земли Босния и Герцеговина в составе Австро-Венгрии

наискось тремя белыми полосами, на средней из которых был красный крестик, а затем с изображением руки, держащей отломанный наконечник турнирного копья.

В период 400-летнего турецкого ига все эмблемы Боснии и Герцеговины были, естественно, отменены. С переходом страны в 1878 году под власть Австро-Венгрии ее земельным гербом до 1918 года был средневековый герб с изображением руки в латах, держащей меч.

В период нахождения в составе Югославии единственным гербом Боснии и Герцеговины был республиканский герб 1946—1990 годов, имевший совершенно негеральдический характер: две дымящиеся фабричные трубы на фоне горы в окружении венка и звезды.

Республиканский герб Боснии и Герцеговины в составе Югославской федерации

Неудивительно, что после выхода из Югославской федерации Босния и Герцеговина приняли в 1991 году исторический герб, и этим гербом стал герб короля Твртко, напоминающий о прежнем расцвете и могуществе этих земель. Парадокс, но эту западную, христианскую символику избрали находящиеся у власти в Сараеве представители мусульманской общины. Дело в том, что население Боснии и Герцеговины составляют три религиозно-этнические группы: православные сербы, хорваты — католики и босняки — мусульмане, причем у власти после достижения независимости оказались исламские фундаменталисты, выступающие за унитарное государство, против автономии сербов и хорватов. Это вызвало ожесточенную гражданскую войну между всеми тремя общинами, чересполосно расселенными по всей стране. Боснийские сербы провозгласили Сербскую Республику с эмблемой двуглавого белого орла — древнего сербского символа, хорваты Герцеговины — Херцег-Боснию со своими эмблемами. В результате герб с лилиями фактически

Средневековый флаг Боснии

Государственный флаг Республики Босния и Герцеговина

оказался лишь эмблемой мусульманской общины, контролирующей менее трети территории страны.

Флагом Боснии в средние века было вертикально разделенное красно-желтое полотнище с белой восьмиконечной звездой на красной полосе, а на желтой изображался красный крест в белом круге. Красно-желтым (но разделенным уже по горизонтали) был и земельный флаг Боснии и Герцеговины в составе Австро-Венгрии. В составе Югославской федерации республика имела просто красное полотнище с югославским флажком в крыже. Стремление к национальному единству должен был отражать флаг, принятый в 1990 году. Его зеленая, красная и синяя полосы символизировали мусульман, сербов и хорватов. Однако с провозглашением полной независимости в 1991 году государственным флагом был объявлен белый с изображением герба с лилиями. Тем не менее этот флаг фактически представляет Боснию и Герцеговину (точнее, ее нынешнее мусульманское правительство) лишь на международной арене. Внутри же страны, полыхающей огнем гражданской войны, сербы и хорваты используют флаги своих национальных цветов, а мусульмане — зелено-бело-зеленые флаги с зеленым полумесяцем.

ТРИ ДВУГЛАВЫХ ОРЛА В ОДНОЙ СТРАНЕ

Одним из самых влиятельных южнославянских государств всегда была Сербия. Среди средневековых символов сербских княжеств были голова дикого кабана, пронзенная стрелой, на белом поле, белый одноглавый орел на синем, три белых подковы — тоже на синем и другие. В XII веке в ходе процесса объединения сербских земель и борьбы за независимость от Византийской империи сербские правители начали использовать один из византийских символов: белый крест на красном поле, окруженный четырьмя огнивами. Предпола-

Один из средневековых гербов Боснии

гают, что первоначально эти знаки были полумесяцами или звеньями разорванной цепи. В качестве огнив они имели значение охраны святого креста (и христианской страны) от зла со всех сторон. Однако иногда этот символ трактовали и как буквы. Византийские греки видели в нем букву «бета» и читали фразу из четырех начинающихся на «б» слов как «царь царей, правящий над царями» — символ верховенства своих императоров (басилевсов). Сербы же, естественно, видели в рисунке огнива кириллическую букву «с» и истолковывали четыре эти буквы как начальные буквы девиза: «Только единство спасает сербов».

Крест с огнивами был узаконен в качестве символа Сербского государства во второй половине XII века, в период правления Стефана Немани. Его сын и преемник Стефан Первовенчанный, добившийся в 1217 году королевского титула, дополнил герб еще одной эмблемой — двуглавым орлом (в отличие от византийского — золотого на красном поле — сербский орел был белым).

Выбор двуглавого орла в качестве государственной эмблемы свидетельствовал о стремлении Сербии быть полностью независимой и, продолжая византийские традиции, собирать под своей властью соседние балканские страны и народы.

Действительно, более чем двухсотлетнее правление династии Неманичей ознаменовалось расцветом Сербии и подчинением ей многих соседних государств. Это нашло свое отражение и в сербских гербах и печатях. Так, гербовый щит Стефана Немани имел 11 геральдических полей, символизовавших различные балканские страны и территории, а на большой печати Стефана Душана (1331 — 1355 гг.), при котором Сербия достигла своего могущества, таких земельных эмблем было уже 24.

Но с конца XIV века Сербия на многие века попала сначала в зависимость, а затем и в полное подчинение к османской Турции, лишившись всяких признаков государственности.

Ее национальное возрождение нача-

лось лишь в XIX веке с антитурецкого восстания 1804 — 1813 годов, возглавленного Георгием Петровичем по прозвищу Черный (Нарагеоргием). На красных знаменах восставших, на печатях созданных ими органов власти возродились исторические гербы Сербии — с крестом и четырьмя огнивами и с набаньей головой, увенчанные коронами и соединенные геральдической лилией. Первый был более популярным, так как представлял Серибию, а не ее отдельные исторические области. Второе сербское восстание 1815 года, возглавленное Милошем Обреновичем (князь с 1817 года), привело к постепенному созданию автономного Сербского княжества. Его гербом окончательно стал красный щит с белым крестом и огнивами, обрамленный с 1835 года венком из ветвей лавра и дуба.

Весь XIX век и начало XX века прошли для Сербии в борьбе за власть двух династий — Обреновичей и Карагеоргиевичей. Однако герб страны оставался неизменным, менялись лишь его детали и обрамление. С провозглашением Сербии независимым королевством в

Герб Королевства Черногория

1882 году в ее гербе вновь произошло соединение двух исторических эмблем — двуглавого орла и помещавшегося теперь у него на груди щита с крестом и огнивами. При этом под лапами орла располагались геральдические лилии. Все изображение, увенчанное королевской короной, помещалось на фоне мантии с еще одной короной. При Обреновичах на кресте гербового щита часто изображались меч и даты: 1389 (решающая битва сербов с турками на Косовом поле) и 1815 или 1817 (приход династии к власти); при вновь сменивших их в 1903 году Карагеоргиевичах — 1804 (дата их первого прихода к власти).

В начале XX века герб иногда включал в себя еще и щитодержателей со знаменами. Встречались на сербских гербах и различные девизы, и ордена.

Происхождение цветов сербского флага относится к началу XIX века. Красный и белый цвета, соответствующие гербовым цветам, были издавна популярны у сербов. Вместе с тем ряд средневековых гербов Сербии был синеватым. Поскольку национально-освободительную борьбу славян на протяжении всего XIX века поддерживала Россия, на Балканах стали очень популярны бело-сине-красные российские цвета в различных комбинациях. В Сербии порядок цветов флага сначала непродолжительное время был красно-белым (нижняя полоса бывала при этом и темно-серой, и голубой), а с 1835 года окончательно стал красно-сине-белым. При этом в 30-е годы на красной полосе изображались четыре звезды, а на синей — гербовый щит.

Такой же красно-сине-белый флаг приняло во второй половине XIX века и этнически близкородственное Сербии соседнее княжество Черногория, также борющееся против турок и постоянно являвшееся союзником Сербии и России. До этого традиционные флаги черногорцев были красными с белой каймой или белым крестом или белыми с красным крестом. Считая себя также одной из наследниц Византии, и Черногория использовала на гербе белого двуглавого орла. Он был увенчан княжеской (с 1910 года — королевской) короной, держал в лапах скипетр и державу и изображался на фоне горностаевого мантии с еще одной короной. На груди орла был помещен щиток с собственно черногорским гербом — желтым львом на сине-зеленом фоне.

В 1918 году Сербия и Черногория объединились с освободившимися от австро-венгерского господства южнославянскими землями (Хорватия, Словения, Босния и др.). Поскольку и во всех этих землях были популярны в разных комбинациях три панславянских цвета, для флага нового государства выбрали такое сочетание этих цветов, которое не встречалось ни в одной из зе-

Герб Королевства Югославия (1922–1941)

мель: сине-бело-красный. В связи с тем, что в новом государственном образовании определилось главенство Сербии, а во главе его встала сербская династия, в центре флага нового королевства сербов, хорватов и словенцев (с 1929 года — Королевство Югославия) стал изображаться герб, созданный на основе сербского.

Его основу составил белый двуглавый орел на красном щите, увенчанном короной и помещенном на фоне мантии с короной. Щиток на груди орла представлял важнейшие, вошедшие в состав страны и упомянутые в ее названии территории — Сербию, Хорватию и Словению. При этом сербский крест с огнивами и хорватская «шаховница» оставались неизменными, а вот поле, представляющее Словению, трижды менялось.

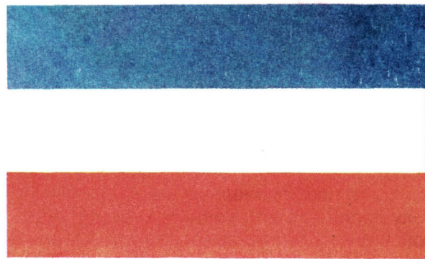
стало изображение пяти (с 1963 года — шести) факелов — по числу входивших в нее республик, — пламя которых сливалось воедино. Эта эмблема символизировала единство всех республик и народов Югославии, добившихся свободы в огне антифашистской борьбы. Факелы окружал венок пшеничных колосьев с датой «29.-XI.1943», когда в освобожденном районе впервые собрался новый общегосударственный парламент, выработавший основы будущей федеративной государственности. Венчала герб красная звезда с золотой каймой.

Каждая республика в составе Югославской федерации имела собственный флаг и герб. Интересно, что у Сербии и Черногории флаги вновь были одинаковые — исторические красно-сине-белые, но со звездой. Герб Черногории был «говорящим», так как на нем изображалась возвышающаяся над морем гора с крепостью. На гербе же Сербии в окружении традиционных для коммунистической символики венка, шестерни, звезды и восходящего солнца был изображен исторический гербовый щит с огнивами, но... без креста. Лента с датами 1804 и 1941 напоминала о начале крупнейшей антифранцузской и антифашистской освободительных войн.

Распад в 1990 — 1992 годах Югославской федерации привел к тому, что в составе Югославии остались лишь Сербия и Черногория. Страна именуется ныне Союзная Республика Югославия, а ее флагом с лета 1992 года стало традиционное сине-бело-красное югославское полотнище, но уже без коммунистической звезды. Новый герб СРЮ пока не принят. В Сербии и Черногории возрождается в настоящее время прежняя символика — и крест с огнивами, и двуглавые орлы. Появился в Югославии и третий двуглавый орел — черный албанский. Этот символ используют ал-

Флаг Социалистической Федеративной Республики Югославии (1945–1992)

Государственный флаг Союзной Республики Югославии

банцы автономного края Косово, пытающиеся отделиться от Сербии. В целом же государственная и республиканская символика новой Югославии находится пока в процессе становления в связи с ее нестабильным внутри- и внешнеполитическим положением.

ОТ ВЕРШИН ТРИГЛАВА ДО ВОЛН АДРИАТИКИ

На протяжении более чем тысячи лет Словения находилась под властью немецких и австрийских феодалов. Большая часть словенцев населяла землю Крайна, завоеванную в XIV веке австрийскими Габсбургами, но многие жили и в соседних землях — Штирии, Истрии и других. Земельным гербом Крайны при австрийцах был синий орел на белом поле, на груди которого помещался полумесяц в белую и красную клеточку (с 1466 года белые клеточки стали желтыми). Земельный флаг Крайны неоднократно менялся — он был то бело-синим, то сине-желтым, а с 1836 года — желто-сине-красным, всякий раз соответствуя тем или иным цветам герба.

Осознание же словенцами своей национальной общности и зарождение их освободительного движения относятся к середине XIX века. Именно тогда, в ходе революции 1848 года, родился и национальный словенский флаг. Его белый, синий и красный цвета, соответствуя цветам исторического герба Крайны, одновременно являлись панславянскими цветами, символизирующими борьбу славянских народов за освобождение от иностранного гнета. Под давлением общенациональности эти цвета были признаны в 1848 году официальными земельными цветами.

Герб СФРЮ

Сначала на нем изображался синий коронованный орел с полумесяцем на груди — бывший герб австро-венгерской земли Крайна, в 1919 — 1922 годах — белый полумесяц с желтой пятиконечной звездой на синем поле, а с 1922 года этих звезд стало три, причем шестиконечных (такие же звезды изображаются на современном гербе Словении).

Германо-итальянская агрессия привела в 1941 году к оккупации и расчленению Югославии. Борьбу за национальное освобождение от фашистского порабощения возглавили коммунисты, поместившие уже осенью 1941 года на югославские флаги вместо королевского герба красную звезду. Такая же красная звезда в окружении лаврового венка и девиза: «Смерть фашизму — свобода народу» стала эмблемой освобожденных партизанами районов Югославии, где начала создаваться новая югославская государственность.

После победы над фашизмом Югославия была провозглашена в 1945 году федеративной республикой, сохранив партизанский флаг, на котором звезда с 1946 года приобрела золотую кайму. Гербом Югославской федерации

Герб Республики Черногория в составе Югославской федерации

Освобождение югославских народов Австро-Венгрии наступило с ее крахом в конце 1918 года, когда возникшее в ее южной части государство словенцев, хорватов и сербов объединилось с Сербией и Черногорией (добившимися независимости от турок еще в XIX веке) в королевство сербов, хорватов и словенцев. На гербе нового государства Словения была представлена сначала гербом Крайны, а затем полумесяцем со звездой (позднее — с тремя звездами) на синем поле. Звезда и полумесяц еще в средние века были символом исторической области Иллирия, к которой относились и словенские земли.

Однако собственного герба и флага, как и собственной государственности, Словения в составе Югославского королевства не имела. Они появились лишь в 1947 году, после того, как, освободившись вместе с другими народами Югославии от германо-итальянской оккупации, Словения стала отдельной республикой в составе Югославской федерации. На традиционном словенском флаге появилась общегославская красная

Республиканский герб Македонии в составе Югославской федерации

звезда, а республиканский герб представлял собой трехглавый горный массив над волнами, окруженный венком и звездой.

С провозглашением независимости Республики Словения в 1991 году был принят новый герб, который помещается вместо звезды и на государственном флаге.

Центральная эмблема герба, встречающаяся и на прежнем республиканском гербе, — это гора Триглав (2863 м) — высочайшая вершина Словении, расположенная в Юлийских Альпах. Это не только мощная и живописная горная вершина (здесь расположен один из интереснейших высокогорных запо-

ведников Европы), но и древняя славянская святыня. Триглав считался у древних славян престолом языческих богов, наподобие Олимпа в древнегреческой мифологии. Любопытно, что именно в этом качестве Триглав фигурирует как место действия в опере-балете русского композитора Римского-Корсакова «Млада». Таким образом, Триглав символизирует не только преимущественно горный рельеф Словении, но и ее историко-культурные традиции. Две волны под горой обозначают реки и озера Словении и омывающие ее воды Адриатического моря. Три желтых шестиконечных звезды в верхней части герба (уже встречавшиеся в качестве элемента словенской эмблемы на гербе Югославского королевства) считаются символами свободы. Звезды взяты с герба графов Цилли, которые вплоть до 1456 года отстаивали самостоятельность своих словенских владений на реке Сава от Габсбургов (они и поныне сохранились в гербе их графской столицы — города Целе, третьего по величине в Словении). Помимо этого считается, что три звезды символизируют три решающих года словенской истории — 1918, 1945 и 1991 годы, интерпретируемые как годы освобождения от австрийского, германо-итальянского и югославского господства. В целом же о словенском гербе часто говорят так: «Страна между горами и морем под золотыми звездами свободы».

КРАСНО-БЕЛАЯ ШАХМАТНАЯ ДОСКА

Щит в красную и белую клеточку был известен в качестве территориального герба Хорватии уже в XII веке. Он представлял хорватские земли в гербах правителей Сербии, Венгрии, а затем многие века служил гербом земли Хорватия в составе владений австрийских Габсбургов. С освобождением от австро-венгерского господства и созданием независимой Югославии «шаховница», как ее называют в Хорватии, была представлена и на гербе Югославского королевства. Когда же в результате фашистской агрессии Югославия в 1941 году была расчленена, усташи (хорватские фашисты) при поддержке своих германских покровителей провозгласили так называемое Независимое хорватское государство, увенчав традиционный герб Хорватии своей партийной эмблемой. После освобождения от фашизма и возрождения единой Югославии Хорватия была одной из составляющих ее республик. И вновь в ее гербе была «шаховница» — на сей раз на фоне моря и солнца, окруженная колосьями и звездой. Количество и расположение клеточек на гербе на протяжении веков неодно-

кратно менялось (от 16 до 30), но с 1921 года их неизменно 25.

С приходом к власти националистических сил в республиканском гербе летом 1990 года остался лишь традиционный клетчатый щит. Но уже несколько месяцев спустя он приобрел современный вид, получив необычную и сложную корону, зубцы которой представляют редкой формы щитки с гербами основных исторических областей Хорватии. Это призвано символизировать не только исторические традиции, но и территориальную целостность государства. Корона же как таковая является символом государственного суверенитета. С достижением в 1991 году независимости герб не изменился.

Полумесяц под шестиконечной звездой обозначает Старую Хорватию, то есть собственно хорватские земли вокруг Загреба (истати, эти эмблемы вместе с крепостью помещены в его городском гербе). Две красных полосы на синем щите символизируют город Дубровник, многие века, вплоть до 1808 года, являвшийся самостоятельной республикой. Приморский регион Далмация представлен своим историческим гербом с тремя коронованными львиными головами, а золотой козел — герб области Истрия. Оба эти герба установлены еще венецианцами, которым до 1815 года принадлежали эти территории. Любопытна символика последнего герба хорватской короны, символизирующего область Славония и созданного еще в 1496 году. Две белых волнистых полосы — это реки Драва и Сава, пересекающие Славонию, а бегущая между ними куница, довольно редко встречающаяся в геральдике, напоминает о том, что в древности жители Славонии платили дань венгерским королям кунными мехами.

Флаг земли Хорватия при австрийцах первоначально состоял из красной и белой полос, соответствующих цветам герба, а после революции 1848 года под влиянием зародившегося славянского национального движения стал трехцветным — красно-бело-синим. При усташах в центре этого флага изображался гербовый щит, а в углу у древка — их партийная эмблема. После войны в период вхождения Хорватии в Югославскую федерацию в центре хорватского флага помещалась общегославская звезда. С 1990 года после провозглашения независимости в центре флага изображается государственный герб, символизируя национальные исторические традиции. Проживающие на территории Хорватии сербы, борющиеся с оружием в руках за свою автономию, используют в своих государственных образованиях (краинах) исторические сербские и югославские флаги и эмблемы.

Распространением журнала «Вокруг света» и приложения «Искатель» в зарубежных странах занимается Акционерное общество «Международная книга» через своих контрагентов в соответствующих странах. Адреса фирм-агентов Вы можете узнать в А/О «Международная книга»:

117049, Россия, Москва,
улица Большая
Якиманка, 39
факс: /095/ 238-46-34
телефон: /095/ 238-49-67
телекс: 411160

Индекс «Вокруг света» —
70142

Периодичность: 12 номеров в год

Цена на год, включая стоимость авиадоставки:
44,0 доллара США

Индекс «Искателя» —
70424

Периодичность: 6 номеров в год

Цена на год, включая стоимость авиадоставки:
24,0 доллара США

Благотворительные взносы для поддержки старейшего российского журнала «Вокруг света» и проводимых им конкурсов, экспедиций, а также для оформления льготной подписки инвалидам и воспитанникам детских домов можно перечислить по адресу: 107150, Москва, Коммерческий банк «Колосс». Расчетный счет № 467749, МФО 201092, кор. счет 182161200. О переводе денег просим сообщать в редакцию. Список дарителей будет публиковаться в журнале.

НУРЬЕР

ГАЛЕРЕЯ ОСТРОВА СЕР

Норвежские археологи из музея в Тромсе, возглавляемые Шарлоттой Дамм, провели экспедицию на остров Сер, расположенный недалеко от Хаммерфеста, в 450 километрах за Полярным кругом. Здесь во время раскопок они обнаружили стоянку древнего человека с многочисленными предметами его материальной культуры — кварцевыми, кремневыми топорами, ножами, наконечниками стрел и скребками для очистки шкур убитых животных.

Были также найдены комья красной охры, которая могла использоваться для раскраски лица и тела в ритуальных целях или же для изобразительных нужд. Очевидно, заселенной местностью был весь островной мыс, вытянутый в сторону материка на 2 километра в длину и возвышающийся на 12 километров над нынешним уровнем моря.

Но самой поразительной была находка целой «картинной галереи», созданной этими людьми в период между девятым и седьмым тысячелетиями до нашей эры. Здесь ученые, вскрыв травянистый покров, а затем слой гравия, отложившийся около 6 тысяч лет назад, обнаружили более сотни барельефных изображений, нанесенных на мелкую гальку.

Среди них отчетливо различимы «портреты» северных оленей, медведей, китов, различных птиц и людей. На одном из камней изображен сидящий в лодке рыбак, добывающий, по-видимому, палтуса. Еще на четырех гальках выбиты барельефы лодок, нос которых имитирует собой голову лоса. В каждой из них сидит до шести человек. Раскраске барельефы не подвергались. Это, очевидно, древнейшие из всех известных ныне изображений лодок во всем мире, сообщает английский журнал «New scientist».

На некоторых из камней различается искусственно нанесенный «отпечаток» медвежьего следа. Очевидно, вся эта «картинная галерея», принадлежавшая предкам нынешних лопарей (саами), имела для этого племени, ведшего собирательно-охотнический образ жизни, некий ритуально-религиозный смысл.

Пока археологи охватили раскопками всего менее 5 процентов местности, использовавшейся здесь людьми каменного века. Ученые надеются обнаружить еще многие сотни оставленных теми свидетелств своего образа жизни. Но уже сейчас можно считать остров Сер самой северной среди всех древних «картинных галерей» на Земле. Она, кроме того, отодвигает в глубь времени на 2 тысячи лет момент зарождения искусства в Северной Европе.

Неподалеку раскопки также вскрыли остатки примерно двухсот круглых землянок, крытых дерном. Их возраст составляет «всего» 6500 лет. Нет сомне-

ний в том, что остров Сер был заселен древним человеком подряд в течение тысячелетий.

БЕГЕМОТ ИЛИ ТИТАНОВАЯ РУДА?

Около трех лет продолжается в Южно-Африканской Республике ожесточенный спор о судьбе весьма важного в экологическом отношении клочка земли, лежащего между озером Сент-Лусия в провинции Зулуленд и побережьем Индийского океана.

Это озеро является крупнейшим эстуарийным бассейном во всей Африке. Его окрестности представляют собой конгломерат пяти взаимосвязанных экосистем с чрезвычайно богатой флорой и фауной. В здешних лугах, на пастбищах и покрытых лесом песчаных дюнах обитают дикие буйволы и черные носороги. Само озеро содержит крупнейшую в ЮАР популяцию крокодилов и бегемотов. Эстуарий служит площадкой отдыха для многих перелетных птиц и местом, где выводят потомство морские черепахи. Более 25 видов животных этой области числятся в Красной книге ЮАР как нуждающиеся в защите. Принятой в 1971 году Всемирным союзом охраны природы Рамсарской конвенцией (ЮАР является ее членом) озеро и его окрестности признаны весьма важным экологическим объектом в международном масштабе.

Еще в 1966 году специальная комиссия рекомендовала правительству страны создать Национальный парк увлеченных земель Сент-Лусия, запретив здесь вырубку лесов, занятие сельским хозяйством, проведя восстановительные работы на бывшем ракетном испытательном полигоне и создав условия для экологического туризма. Власти ничего этого не сделали.

Более того, они не отклонили заявку известной горнодобывающей компании «Рио Тинто Зинк», намеренной эксплуатировать открытые в здешних дюнах богатые залежи титановых руд. В последние годы, когда цена титана на мировом рынке резко поднялась, давление промышленных кругов на ЮАР усилилось, и оно выдало лицензию, разрешающую подобную геологическую разведку на 1400 гектаров, протянувшихся вдоль восточного побережья озера.

Однако промышленники, по-видимому, переоценили свои силы. Общественность ЮАР развернула мощную кампанию за спасение Сент-Лусии. Создана авторитетная комиссия, чтобы проверить утверждение «Рио Тинто Зинк», согласно которому добыча титана в длительной перспективе не повредит экологии и туризму. Компания планирует в течение 20 лет вскрышных работ и добычи руды создать в дюнах огромный пруд, в котором разместится гигантская драга, перерабатывающая до 3 тысяч тонн песка в час. Продвигаясь со скоростью 2,5 километра в год, драга будет вести сепарацию тяжелых

металлов, оставляя за собой отработанные песчаные породы.

Противники же подобной деятельности указывают, что за время добычи может исчезнуть до 40 процентов видов, ныне составляющих эту экосистему, а на восстановление численности остальных уйдут десятилетия. Будет нарушена существующая топография местности и естественная гидрологическая система, сложившаяся за 25 тысяч лет, что может привести к непредсказуемым последствиям. С другой стороны, населяющие окрестности зулусы крайне заинтересованы в создании рабочих мест, которые им может предложить компания.

МОЛЛЮСКИ ПЕРЕЕЗЖАЮТ

Жители многих тропических островов в Тихом океане традиционно используют в пищу крупных морских моллюсков, населяющих прибрежные воды. Однако в последние 20 лет браконьерство привело к тому, что во многих местах эти животные полностью исчезли, пишет журнал «New scientist».

В связи с этим ученые из университета имени Джеймса Кука в Таунсвилле (штат Квинсленд, Австралия) вырастили на острове Орфеус к северу от своего города около 50 тысяч особей этого моллюска, одновременно исследуя его образ жизни и репродуктивные особенности.

Теперь населенность острова моллюсками стала слишком плотной. Животные затеняют друг другу солнце и препятствуют свободному притоку воды и пищи. Когда они все раскрывают свои створки, они даже часто ударяются друг о друга.

В связи с этим корабли военного флота Австралии и их экипажи были привлечены к операции «Clamsaver» («Спаситель ракушек»), в ходе которой более 8,5 тысячи животных были изъяты из среды обитания и живыми перевезены к хранимому в тайне месту на Большом Барьерном рифе, опоясывающем почти все восточное побережье страны.

На острове Орфеус осталось около 35 тысяч моллюсков, которые пока еще не страдают от перенаселенности. Дальнейшие наблюдения покажут, не привел ли их рост к новой угрозе и не требуется ли «переезд» нового контингента. Наблюдения и изучение животных ведут теперь сотрудники Морского парка Большого Барьерного рифа.

Ученые планируют исследовать процессы распространения жизни от одного участка рифа к другому. Перед переселением у моллюсков изучена генетическая структура отдельных особей. Это позволит проследить родственные связи «потомства» с его «предками», находящимися уже вдалеке друг от друга. Станет также ясным, какие именно из коралловых ри-

фов здесь служили источником и «трамплином» для распространения представителей морской фауны и флоры.

ДОГОВОР О ДРУЖБЕ С ДЯТЛОМ

Собственно, договор подписан не с самим дятлом, а между правительством США и крупной лесопромышленной компанией, но касается он в первую очередь красноноголовой птицы, еще в 1970 году объявленной видом, находящимся под угрозой исчезновения.

Согласно «пакту», корпорация «Джорджия-Пасифик», вырубая лес на принадлежащих ей площадях в штатах Арканзас, Луизиана, Миссисипи и Южная Каролина, будет оставлять нетронутыми «островки» по 4 гектара вокруг каждого ста гнездовой дятла, которые обычно облюбовывают дупла в живой сосне.

В обмен на такое условие правительство разрешило лесорубам продолжать валить деревья на еще оставшихся пока нетронутыми полутора миллионных гектаров, купленных компанией на юго-востоке страны.

Теперь правительство США ведет аналогичные переговоры с компаниями Калифорнии, чтобы вывести из тупика тамошний конфликт, который угрожает существованию певчих птиц этого штата, пишет журнал «New scientist».

ТОПАТОПА — СНОВА КОНДОР

В мае 1992 года кондор, выпущенный на волю в штате Калифорния (США), погиб на высоковольтной линии электропередачи. Еще один ранее умер, выпив антифризную жидкость. Тем самым на всем земном шаре в естественной среде осталось в живых лишь шесть особей калифорнийского кондора.

Группа экологов из управления рыбобоводства и охраны природы США, руководимая орнитологом Робертом Места, намерена продолжать меры по спасению этого вида от полного вымирания, выпуская на волю новых птиц в отдаленных и малозаселенных областях.

В этой кампании отмечают и отдельные успехи. Так, впервые успешно вывела птенцов пара кондоров, содержащихся в вольерах. Кроме того, окончательно освоился с природной средой самец по имени Топатопа, выпущенный на волю еще «подростком» в 1967 году.

Пребывание его в зоопарке ранее привело к тому, что, по словам Р. Места, «он не знал, что он — кондор». Птица клянчила корм у посетителей и проявляла отклонения в брачном поведении. Теперь, пробыв на воле около 6 лет, Топатопа, которому уже исполнилось 27 лет, обзавелся се-

мейством, и у его «супруги» в мае—апреле 1993 года появилось двое жизнеспособных птенцов.

НОВЫЙ ВИД ПТИЦЫ КИВИ

До сих пор полагали, что птица киви, встречающаяся только в Новой Зеландии, образует три различных вида. Теперь же Чарлз Догерти из университета имени Виктории в Веллингтоне (Новая Зеландия) и Алан Бейкер из Королевского музея провинции Онтарио (Торонто, Канада), сумели показать, что на самом деле этих видов четыре: то, что называли коричневым киви, как оказалось, представляет собой две различные группы.

«Новичку» присвоили название токоэна, заимствованное из языка аборигенов маори. Это первый случай «пополнения» среди пернатых Новой Зеландии с 1948 года, когда было подтверждено существование птицы такахе.

«Самостоятельность» токоэки была обнаружена методом генетического анализа. Исследователи использовали цепную реакцию полимеразы, чтобы воспроизвести сегменты ДНК киви. Сопоставление генетического строения птиц, принадлежавших к различным популяциям коричневого киви, показало, что они не едины.

Все коричневые киви на глаз выглядят достаточно одинаково, но биологов, вооруженных современной методикой, это уже не могло обмануть. Интересно, что ДНК птиц, населяющих Северный остров Новой Зеландии и район Окарито на Южном ее острове, оказалась одинаковой. Напротив того, в трех популяциях коричневого киви, живущих далее к югу—около Хааста, в Фиордланде, и на острове Стюарт, эти птицы генетически отличаются от «северянок», но сходны между собой. Как ни странно, этот генетический разрыв проходит по району Окарито на Южном острове, а не между двумя большими островами, образующими Новую Зеландию.

Анализ митохондрий ДНК указывает на то, что коричневые киви Фиордланда как вид сложились раньше других. Исследователи полагают, что предки коричневых киви оттуда распространились в Окарито и лишь много позже заселили Северный остров. Во времена плейстоценового оледенения эти нелетающие птицы, вероятно, оказались изолированными в мелких популяциях, живущих на значительных высотах над уровнем моря. Будучи не в состоянии обмениваться между собой генами, они начали развиваться независимо друг от друга, постепенно генетически «разошлись» и образовали отдельные виды, сообщает журнал «New scientist».

Подготовил
Б. СИЛКИН

ХОЗЯИН «ЛАГЕРЯ ЛЬВОВ»

Судьба забросила меня в Восточную Африку в 70 – 80-е годы. Я по нескольку лет жил и работал вначале в Сомали, а затем в Кении. Там мне довелось много слышать об удивительно смелом человеке – Джордже Адамсоне. Простой егерь, он привлекал к себе внимание людей тем, что был погружен в мир свободного общения с природой... Надо ли говорить, что я мечтал выбраться за пределы цивилизации и попасть туда, где тишина висит над пространством и невольно ощущаешь состояние вечного покоя и напряжения, где человек и зверь как-то сближаются и главное – чувствуют себя на свободе...

В 1970 году Джордж Адамсон вместе с братом Терренсом создал в излучине реки Тана, в девственных саванных лесах заповедник Кора. Там он в течение многих лет проводил эксперименты со львами: занимался восстановлением навыков самостоятельной жизни – реабилитацией львов, родившихся или воспитанных в неволе. Своими опытами он хотел подтвердить не только возможность восстановления популяции животных, но и привить им новые качества по отношению к человеку. Пусть не все ему удавалось, и появились противники, обвинявшие Адамсона в антропоморфизме – наделении животных человеческими свойствами, но интерес к тому, что он делал, был очень велик, и к нему в заповедник отовсюду тянулись люди. В феврале 1986 года удалось побывать у него и мне.

К тому времени мы были уже знакомы заочно по переписке. Я пересылал ему письма Дмитрия Петровича Горюнова. В 60-е годы его направили послом в Кению. Проработав в этой стране шесть лет, он, неожиданно для себя, нашел в ее природе и людях то, что близко сердцу и остается в памяти навсегда. К людям, с которыми связала его судьба, относились и Джой и Джордж Адамсон¹.

¹ В своих книгах («Возвращение в Африку» и других) Д.П. Горюнов описал свои встречи с Адамсонами, проникнутые теплыми чувствами к этим людям. Он всячески содействовал организации поездки Джой в 1973 году в Советский Союз, помогал устанавливать контакты между специалистами по созданию заповедных зон и национальных парков. Благодаря ему в 1972 году с кенийскими национальными парками смогли познакомиться профессора А.Г. Банников и В.Е. Флинт. (Здесь и далее – прим. автора.)

Адамсон с обитателями «Лагеря Львов».

В хижине Джорджа за праздничным ужином.

Там путешественники увидели Адамсона.
Фото автора

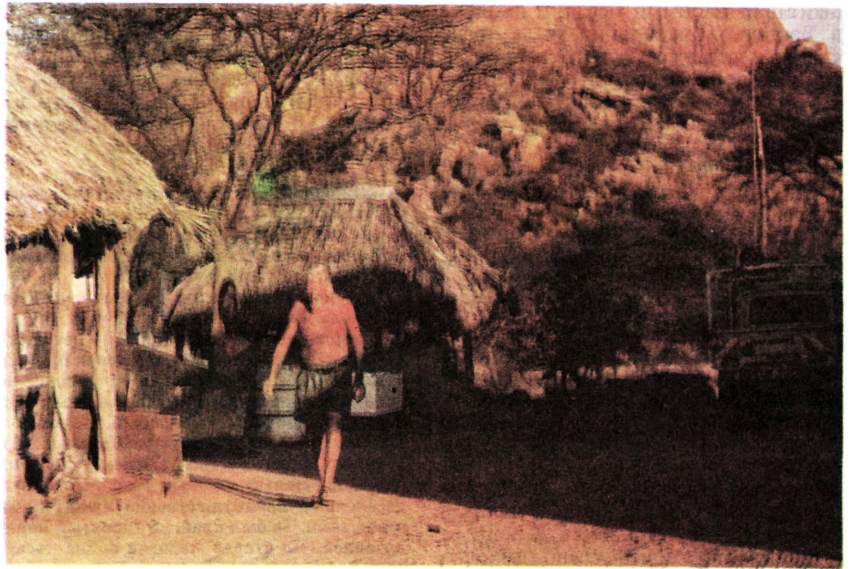
Отвечая на письма Д.П.Горюнова, Джордж присылал коротенькие записочки и мне. В них всегда чувствовалась присущие ему оптимизм и жизнерадостность, порой озорство. Так, отвечая на мое новогоднее поздравление, посланное на открытке с изображением солнечного морозного утра и румяной молодки с коромыслом, Джордж восклицал: «Ну и красавица! Вот это да!» В одном из писем я получил приглашение посетить его в Коре.

Но как добраться из Найроби до затерянного в саваннных лесах заповедника? Можно было обратиться за помощью к доктору Эндрю Мейерхольду — личному врачу Адамсона. Эндрю летал в заповедник на трехместном самолете частного авиаклуба. Иногда он брал с собой знакомых и туристов, завозил Джорджу продовольствие и корреспонденцию. Но перелет на самолете лишал возможности войти в мир Адамсона не торопясь, постепенно. И я решил ехать на машине. Мейерхольд, узнав о моих планах, посоветовал немного задержаться — в Коре японская группа заканчивала съемку телевизионного фильма, и Джордж наверняка был занят. Но отступать было поздно: взяв напрокат «лэндкрузер» — машина повышенной проходимости, есть договоренность о поездке с МИД Кении и центральной егерской службой. Да и спутник мой, сотрудник ООН Сергей Васильевич Степанов, который помог мне организовать эту поездку, уже собрался. Наши жены напекли пирогов — в общем, все было готово к встрече с Адамсоном и его подопечными.

По счастью, отправляясь в путешествие, мы еще не знали о трагедии, разыгравшейся в Коре накануне нашего отъезда. А случилось вот что.

Помощник Джорджа — Тони Фитцджеральд устроил прощальный ужин по случаю окончания японцами съемок. Когда стемнело, леопардиха Комуно вернулась из буша, перебралась через высокую металлическую сетку и оказалась в лагере. Гости вскочили с мест. Тони успокоил их и применил уже испытанный прием: он дал возможность Комуно познакомиться с гостями — обойти всех, узнать их запахи. Но когда все гости вновь расселись по местам, Комуно, которая вроде бы не проявила враждебности к кому-либо, вдруг неожиданно набросилась сзади на японскую актрису Томоко и впилась зубами ей в шею. Тони с трудом раздвинул челюсти леопардихи. Срочно вызвали по радиации самолет и отправили Томоко в госпиталь. Шейные позвонки оказались повреждены.

Джордж и Джой на берегу Таны.

Это был уже второй за месяц случай нападения на японскую актрису. Как-то после съемок на нее неожиданно, когда Джордж по радию разговаривал с Тони, напала львица Болди. Джордж услышал крики и, обернувшись, увидел голову японки в пасти львицы. Болди при возгласах Джорджа отпустила ее, но на голове Томоко остались следы зубов, одежда была в крови. Через неделю Томоко вернулась из госпиталя для продолжения съемок.

Обо всем этом мы узнали, лишь добравшись до Джорджа. А пока погожим свежим февральским утром катили по блестящему новенькому шоссе на Гариссу. Незаметно мы спустились с Найробийской высоты — с 1700 метров примерно до тысячи, солнце погорячело, а воздух стал осязаемо приятен.

В местечке Мвинга мы расстались с магистральным шоссе и свернули в направлении поселения Кьюзо. От Мвинги с нами поехал лейтенант полиции, который обещал показать путь в Кору. По дороге навстречу вереницей тянулись ослики с привязанными сосудами для воды (в Восточной провинции была тогда страшная засуха); самостоятельно выбирая путь, они несли домой драгоценную влагу. Встречные узнавали и приветствовали лейтенанта.

В Кьюзо мы спросились с нашим провожатым. Машина неслась без остановки. Дорога была уже безлюдной — вошла в зону заповедника. Ориентировались по пустым бензиновым бочкам со стрелками, расставленными на малозаметных перекрестках. Машину по бокам хлестали ветки сухих акаций, на пути попадались высохшие русла рек, буш был мертвый, сухой, лишь дикдики — маленькие антилопы — временами перебегали дорогу, а под колесами то шумел плавиковый шпат, то поднимали облака пыли белесые известковые породы.

Мы были в пути уже десять часов, машина раскалилась от солнца и дышала жаром. Появилась усталость. И вдруг за поворотом показались зелено-синие палатки японцев, обнесенные сеткой, а в ста метрах от них — лагерь Джорджа. «Лэнд-крузер» въехал в распахнутые ворота и остановился. Темными входами смотрели на нас три хижины, без окон и дверей, за ними виднелись еще несколько. В одной из хижин я заметил худое, изможденное лицо спящего человека. Неужели так изменился Джордж? Нас встретил немного угловатый, обросший рыжеватой щетиной шотландец Эндрю — помощник Джорджа. «Джордж ждет вас», — сказал он, показывая дорогу к большой террасе под навесом.

Ее стены были увешаны фотографиями Джорджа и Тони в обществе львов и леопардов. В середине — массивный обеденный стол человек на двенадцать, в углу — два холодильника, радиоприемник и радиопередатчик, барометр, термометр, вдоль стен — старомодные сундучки, видимо, с альбомами и сувенирами.

Не успели мы оглядеться, как увидели приближающегося Джорджа. Он был таким, каким мы привыкли видеть его на фотографиях и в кинофильмах: в корот-

ких шортах с широким поясом и маленьким патронташем сзади, в сандалиях на босу ногу. Загорелый, с серебристыми спадающими на плечи волосами. Спокойные серые с голубиной глаза смотрели на нас дружелюбно и приветливо.

Джордж охотно согласился показать нам завтра утром «Кемпи я Симба» — его достояние. Другого дома-очага, кроме этого лагеря, у него не было. Джордж сохранил заповедник за свой счет, на свою пенсию; примерно такая же сумма, согласно завещанию его жены Джой шла ему из фонда Эльсы.

За чаем он то был оживлен, улыбался шуткам, то вдруг погружался в себя. Его мысли, наверное, уходили к книге, которую он заканчивал и готовил в то время для передачи издательству «Коллинз». Это была автобиографическая повесть «Моя гордость и Джой»¹. Название книги вызвало у меня недоумение, и я спросил Джорджа: « Действительно ли Ваша гордость повлияла в свое время на решение заняться львами, их реабилитацией, а не присоединиться к Джой, к ее работе с гепардами?»

Джордж задумался, волна противоречивых мыслей и чувств пронеслась по его несколько смущенному лицу. « Это не простой для меня вопрос. Я как раз и пытаюсь на него ответить на страницах книги», — прозвучал его голос.

...Джордж и Джой относятся к ярким, самобытным, сильным личностям, и им повезло, что они встретились. По отдельности их способности остались бы, по всей видимости, нераскрытыми.

Они познакомились в новогоднюю ночь 1943 года. Ему было 36, ей — 32 года.

Джордж родился в Индии. В 18 лет вслед за отцом и матерью перехал в поисках удачи в Кению. На ферме у отца — ирландца по происхождению — ему быстро надоело. Он перепробовал массу профессий, за озером Туркана искал копи парии Савской. А в 1938 году пошел на егерскую службу, получил огромный полупустынный саванный округ, населенный преимущественно кушитскими племенами. То был край, не тронутый цивилизацией. Но вторая мировая война коснулась и этих забытых Богом земель. Джордж участвовал в подготовке операций английской армии против итальянских частей в Сомали. Сопrotивление итальянцев было быстро сломлено, и Джордж возвратился к полной опасности и лишениям егерской службе — борьбе с браконьерами, львами, нападающими на людей и домашний скот, агрессивными словами и т.п. Он был холост.

Джой родилась в Австрийской Силезии в состоятельной семье фабриканта Гесснера, ей было обеспечено безоблачное, радостное

* Книга Адамсона «Моя гордость и Джой» вышла из печати уже осенью 1987 года. Экземпляр книги я выслал в Москву, но в то время реакция на нее была не очень благоприятной.

Видимо, «пугало», что Адамсон косвенно участвовал в операциях англичан против национально-освободительного движения в Кении, известного под названием Мау-Мау, о чем он и упоминает в своей автобиографической повести. При желании эти опасения можно было бы легко рассеять, ведь сами кенийские власти не предъявляли и не предъявляют к Адамсону каких-либо претензий. Но так или иначе, у нас эта книга осталась неизвестной читателю.

детство. Ее тянуло к музыке, живописи, познанию природы. После неудачной первой любви и разочарований появилась тяга к путешествиям.

В 1938 году, уже будучи супругой профессора-ботаника Питера Балли, она приезжает в Кению. Путешествует с ним по стране, делает зарисовки цветов, птиц.

Ночь под новый, 1943 год застает супругов Балли в глухом далеком районе страны — в Гариссе на реке Тана в гостях у районного комиссара. Знойный воздух, как пеленой, окутывает собравшихся на плоской крыше гостей. Заходит разговор об охотнике-егере Джордже Адамсоне, который недавно в схватке убил льва, а ночью у своей палатки — агрессивного слона, терроризировавшего всю округу. И вдруг неожиданно, как в сказке, на фоне вечернего заката появляется сам Джордж верхом на верблюде в сопровождении опаленных солнцем сомалийцев...

Они поженились, как говорил Джордж, не имея за душой ни гроша, и провели первый месяц в странствиях с рюкзаком за плечами, дойдя до Индийского океана.

Сошлись два характера: смелость, порядочность и выдержка Джорджа и увлеченность, неиссякаемая энергия и стремление к самоутверждению Джой. Различия в темпераментах давали о себе знать. Но их чувство оказалось выше проходящих порывов влюбленности, их объединяли глубокая привязанность, взаимное уважение и духовная близость. Джордж делает все возможное, чтобы Джой нашла себя, свое призвание. На выставке в Лондоне в 1947 году ей присуждают золотую медаль за рисунок цветов Восточной Африки. По контракту с английской администрацией она за шесть лет работы, путешествуя по стране, пишет маслом около 700 портретов представителей различных племен в национальных одеждах и регалиях. Часть этих картин находится в Национальном музее города Найроби, часть — в резиденции губернатора, ныне президента республики.

Проходят десять лет их счастливой супружеской жизни. В 1953 году по инициативе Джой они совершают путешествие в Европу на машине.

В Англии Джой успешно выступала перед различными аудиториями, рассказывая об особенностях и обычаях кенийских племен, демонстрируя диапозитивы своих картин. Выезжала и в Швецию, пытаясь найти издателя книги на эту тему.

Джордж же вернулся в Кению, взволнованный происходившими там событиями — восстанием Мау-Мау. В Кению были введены крупные подразделения английской армии, в стране созданы концентрационные лагеря, тысячи кенийцев были арестованы.

Англичане подключили Джорджа к подготовке специальных частей по борьбе с отрядами Мау-Мау. Затем его послали для проверки сведений об активизации их действий в районе реки Тана. Но слухи об этом не подтвердились. Он вернулся к егерским делам.

И вот наступает 1956 год, внесший перемены в жизнь Адамсонов. Начался он с печальных событий. В феврале у Джой после случайного падения прерывается третья беременность (две другие попытки стать матерью также окончились трагически). Ей уже 46 лет, и она вспоминает став-

шие пророческими слова цыганки: «Ты проживешь на экваторе всю жизнь и никогда не будешь иметь детей».

Случилось так, что Джордж в эти дни выслеживает и убивает ставшего опасным льва. Льюнда пытается отомстить и бросается на Джорджа. Тот успевает свалить ее выстрелом, а затем находит трех осиротевших детенышей. Он приносит их Джой. Она увлечается воспитанием тянувшихся к материнской ласке животных. Джой оставляет у себя одну Эльсу, двух других львят отдаст в Роттердамский зоопарк.

Наступил день, когда Эльса привела к Джой свое потомство, трех рожденных на свободе львят. Встреча с ними запечатлелась у Джой и Джорджа как открытие нового мира. Им казалось, что утверждаются новые отношения между человеком и дикими животными. Дневниковые записи становятся основой первой книги Джой Адамсон «Рожденная свободной». Джой продолжает наблюдения, готовит вторую и третью книги. Но местные власти не верят в успех экспериментов супругов и настаивают на том, чтобы Джордж вывез Эльсу и других своих воспитанников с территории национального парка Меру.

В возрасте пяти лет Эльса погибает от малоизвестного инфекционного заболевания крови. Джой глубоко переживает ее смерть. «Вместе с ней ушла из жизни и частица меня», — говорила она впоследствии.

Эти события повлияли и на Джорджа: он решил уйти в отставку и заняться переселением потомства Эльсы — трех двухгодовалых львиц — в национальный парк Серенгети в Танзании.

В конце 1963 года начинаются съемки художественного фильма по повести Джой «Рожденная свободной», которые проходили в районе горы Кения. В них приняли участие около двадцати львов-актеров.

И именно в это, казалось бы, благополучное для Адамсонов время пути Джорджа и Джой разошлись. Однако неправильно было бы все сводить к узавленному самолёту Джорджа, хотя гордость его, конечно, была задела. В центр внимания попала автор книги, жена и друг Джорджа, Джой Адамсон. Джордж, скромнейший и в то же время гордый по натуре человек, оказался в тени. Официально он выполнял только функции консультанта при съемке фильма (его роль, кстати, сыграл актер Билл Траверс, ставший близким другом Джорджа).

Все было гораздо сложнее. Две сильные личности стремились к самостоятельности и имели на это полное право...

Джой пишет книгу о взятном на воспитание гепарде Пиппе — «Пятнистом сфинксе». Джордж создает свой лагерь в парке Меру и готовится выпустить на свободу двух львов-актеров, Боя и его сестру Герл. Вместе с Биллом Траверсом снимает документальный фильм о судьбе этих львов. Пишет свою первую биографическую книгу — «Хозяин зверей», вышедшую в 1969 году.

Джой организует фонд Эльсы с центром в Лондоне, цель которого — сбор средств для оказания помощи диким животным Африки. Покупает землю и дом на озере Найваша, в ста километрах от Найроби. Джордж остается верен себе, он

не собирается жить на Найваше, отведенная для него комната так и остается незанятой.

В 1969 году Джой попадает в аварию. В результате серьезно повреждена кисть правой руки, Джой уже не может играть на фортепьяно, рисовать, вести переписку, печатать на машинке.

В том же году случилось событие, которое дало основание местным властям настаивать на закрытии лагеря Джорджа. Бой через открытую дверь машины, принадлежавшей главному егерю парка Меру, пытался дотянуться до его семилетнего сына и поцарапал ему голову и руку. Львов признали опасными для людей. Это означало для Адамсона отказ от экспериментов и соблюдение существующих в национальных парках Кении правил. Служители парка стремились к тому, чтобы львы перестали доверять человеку, боялись его и не приближались к машине. Дикие звери не должны были реагировать на машину. Достигалось это обычно в третьем поколении животных. Мне приходилось наблюдать это удивительное достижение кенийцев: слоны, львы, гепарды занимались своим делом, совершенно не реагируя на машины, и проявляли враждебность, если человек нарушал правила и покидал ее.

Лагерь Джорджа в национальном парке Меру вскоре сожгли. Но Адамсон добился разрешения на создание в саванновых лесах нового заповедника на реке Тану, но на другой, малодоступной для человека, ее стороне. Наконец он добился долгожданной свободы для проведения своих экспериментов со львами. Вместе с братом Терренсом своими руками, с тремя-четырьмя помощниками он сооружает лагерь — строения под камышовыми крышами, прокладывает через буш дороги, взлетно-посадочную полосу для маленьких самолетов.

«Начался самый счастливый период моей жизни», — говорил мне Джордж. — Я обрел свободу и независимость». Ему исполнилось в то время 64 года. Место для лагеря он выбрал возле огромного буроловного камня, возвышающегося над местностью на 130 — 140 метров, известного как Кора-Рок — место встреч. Его заповедник раскинулся на площади в тысячу семьсот с лишним километров и получил название Кора, а свой лагерь Джордж назвал «Кемпи я Симба» — «Лагерь Львов». Джордж хорошо знал эти места, которые в сезоны дождей покрывает буиной цветущий зеленый ковер, а за суха превращает в мертвую, безжизненную равнину.

Звери здесь мигрируют, придерживаясь берегов то бурлящей на перекатах, то спокойной реки Тана. Ниже по ее течению лежит городок Гарисса, где Джордж впервые встретился с Джой. Это уже земли сомалийских племен, а по другую сторону заповедника в направлении к городу Тика проживает воинственная народность камба. По левую сторону реки лежат национальный парк Меру и другие заповедники, но это уже районы, связанные с центром страны дорогами, идущими по склонам и отрогам гор Кения и Абердэр. Кора изолирована от них рекой Тана.

Джордж принялся заселять свой заповедник...

...С огромным Боем — любимцем Джорджа — в парке Меру случилось несчастье: в схватке с буйволом он получил перелом в двух местах передней лапы. Боем сделали две операции, и лишь после этого его, льва Кристиана и маленькую двухмесячную львицу Катанью перевезли в Кору.

Постепенно львы привыкают друг к другу и к жизни на свободе. В следующем году у Джорджа уже восемь воспитанников.

Но свобода доставалась львам дорогой ценой: за год пятеро из них, начавшие самостоятельную жизнь, погибли в схватках с дикими соперниками-львами или агрессивными бегемотами и крокодилами. Трагически закончилась и жизнь Боя. Он напал на помощника Джорджа — Стенли. Джорджу пришлось стрелять в Боя. Но Стенли, к сожалению, спасти не удалось.

Размышляя о причинах агрессивности Боя, Джордж высказал предположение, что Стенли, ухаживавший за Боем во время болезни, не узнал его и бросился от неожиданности бежать, а бегущая фигура для льва — непреодолимое искушение.

Процесс реабилитации львов оказался весьма сложным. Проблема не ограничивалась приобретением львами навыков охоты, им нужно было завоевать и отстоять район своего пребывания, войти в семью своих диких сородичей. Между тем Джорджу передавали на воспитание и реабилитацию из других заповедников все новых и новых осиротевших львят. А в январе 1977 года его воспитанница Гроули осчастливила Кору третьим поколением. Так появилась маленькая Коретта. Она выросла и, в свою очередь, произвела на свет пять поколений львят, которые оставались под опекой Джорджа до конца его жизни. Всего в буш он выпустил более двадцати львов, которые дали более 50 продолжателей рода.

Далеко не все шло гладко, Джорджу несколько раз пришлось лежать в госпитале: львы оставались львами.

Неоценимую помощь Джорджу в хозяйственных и организационных делах оказывал младший брат Терренс. Но он, к сожалению, не разделял привязанности брата ко львам, а Джордж нуждался в продолжателях своего дела. И вот, как говорил Джордж, сам Бог послал ему помощника. Помощнику было немного за тридцать, хорошо сложен, мастер на все руки, смелый, со склонностью к приключениям. Это был Тони Фитцджерон, который появился в Коре в начале 70-х годов. Родился он в Англии, перепробовал много профессий и попал после Южной Африки в Кению. С Джорджем у него сложились дружеские отношения. Но Джордж не имел средств оплачивать его труд, и Тони была предоставлена полная самостоятельность. В 80-х годах, примерно в десяти километрах от Кору, Тони создал свой лагерь и занялся реабилитацией леопардов.

Все эти годы Джордж поддерживал отношения с Джой, но это был уже не тот, согласный на все Джордж. Серьезные разногласия возникли у них, когда Джордж решил создать свой заповедник в Коре и продолжить там опыты со львами. Джой всячески противилась

этому. Критиковала его и за вечную трубку и за привычку выпивать вечером стаканчик виски или бренди.

Делю почти дошло до развода. Но Джой примирилась с планами Джорджа.

Она вновь включается в общественную деятельность, часто выезжает за рубеж. Мне вспоминается встреча с ней на Всеафриканской ярмарке в Найроби. Ей перевалило тогда уже за шестьдесят, но голубые глаза светились прежней энергией, движения были быстрые, решительные. Такой она оставалась до конца отпущенных ей судьбой дней.

Отношения Джорджа с Джой в последние годы ее жизни сохранялись теплыми, дружескими. Джой была обуреваема идеями создания новых заповедников и воплощения своих планов защиты животного мира. Во время поисков новых мест для заповедников в горных районах вблизи озера Найваша она серьезно повредила коленный сустав и перенесла операцию. Джордж настойчиво предлагал ей поселиться в Коре, но Джой не согласилась и приняла роковое решение организовать свой лагерь в новом заповеднике Шаба, примерно в 25 километрах от Исило — центра, в котором они с Джорджем начинали совместную жизнь.

Джой полна сил и энергии. «Мне понадобится еще пятьдесят лет для выполнения задуманного», — восклицает она. В 1979 году Джой заканчивает повесть о леопарде Пенни, привезенном в Шабу в двухмесячном возрасте. Проходит три года жизни среди первозданной природы. В ее окружении и львы, и маленькие зверюшки, и она одна, без всякого оружия, наслаждаясь свободой, встречает и провожает в буше каждый рассвет и закат. В Шабе Джой заканчивает автобиографическую книгу «Моя беспокойная жизнь». Вскоре она выходит в переводе на многих языках, в том числе и на русском. В Париже в конце декабря 1979 года Джой выступает в телевизионной программе «Женщины мира» и возвращается в свой лагерь в Шабе.

Джордж собирается посетить ее на Новый год, но самолет не смог прилететь за ним, и его поездка откладывается. И неожиданно 3 января 1980 года Джой погибает. Джордж вылетает в Найроби, участвует в расследовании ее убийства (по судебной версии он убил бывшего слуга за якобы неоправданное увольнение).

Потеря Джой была невосполнима. «Трудно осознать, что нет Джой», — писал в своей автобиографической повести Джордж. — «Каковы бы ни были наши расхождения, наше чувство осталось до конца и, что бы ни было, углублялось с годами».

Но жизнь продолжалась. В 1983 году вместе с районной администрацией Джордж участвует в создании линии защиты заповедника от сомалийских скотоводческих племен. Тогда же у него резко ухудшается зрение. В Вене ему оперируют глаукому и восстанавливают зрение. Некоторое время после операции Джордж живет в Лондоне в семье Билла Траверса (супруги Траверс снимались в фильме «Рожденная свободной» в ролях Джорджа и Джой), работает над своей автобиографической книгой. Билл всесильно поддерживает Джорджа в его споре с противниками реабилитации крупных хищников, утверждающими, что подобные эксперименты

опасны для человека. Они не считались с мнением о возможном исчезновении отдельных видов животных и о непредсказуемых последствиях этого, ставили под сомнение вопрос: нужны ли львы для поддержания экологического баланса в Восточной Африке.

... Чай за столом у Адамсона казался балзамом. На градуснике, к которому подвел меня Джордж, было 36° С. «Температура, — улыбнулся он, — здесь почти не меняется, прохладней ночью становится лишь в июле — августе». Он что-то сказал повару, и тот принес на блюде примерно половину большого, как оказалось, юбилейного торта. «3 февраля у меня собирались близкие друзья по случаю моего восьмидесятилетия», — пояснил Джордж. — «Были и свечи, и песни, и костер, холодильники пусты, а вот торт еще остался». Мы действительно не знали, что попали почти на юбилей Джорджа, и были рады предложить ему организовать «русский» ужин и продолжить празднование.

«Мои друзья намекали мне, мол, не пора ли вернуться к цивилизации», — говорил Джордж, — а я им ответил: зачем? Цивилизация меня покажет, жизнь полна, у меня все есть». Он показал систему фильтрации и очистки воды, которую приходилось привозить бочками из реки (до нее было метров триста), душ, туалет за дощатой загородкой.

Вспомнилось, что Мейерхольд говорил мне о Джордже: он сохраняет высокую работоспособность благодаря жесткому распорядку дня, четкому ритму жизни и разумному питанию. Предпочитает Джордж в основном фрукты и овощи, а после обеда, как принято в тропиках, в часы томительного зноя отдыхает. Правда, не расстается с трубкой, перед ужином подкрепляется стаканчиком бренди или виски, признает и русскую водку.

Во время нашего чаепития к Джорджу пришел руководитель японской стемочной группы. Нужно было согласовать программу работ.

— Может быть, поедим сегодня к Коретте? — спрашивал Джордж

— Мы — как вы, — отвечал японец.

Джордж еще утром ездил в селение сомалийцев, купил у них полтуши верблюда и привез ее в кузове машины. Мясо предназначалось для подкормки семейства Коретты. Львицы передвигались все ниже и ниже по течению реки, и, подкармливая животных, Джордж стремился удержать Коретту в пределах заповедника, чтобы избежать столкновения львиц с сомалийцами. Неприятности начинались обычно с нападения львов на домашний скот.

— Или, может быть, поедим искать Коретту завтра, — слышался голос Джорджа, — а сегодня посмотрим фильм?

— А мы — как вы, — отвечал японец,

— Вы хотите посмотреть Тану вечером? — обратился Джордж ко мне. И, получив утвердительный ответ, сказал японцу:

— Ну что ж, утром так утром. После чая, в семь тридцать.

На Тану Джордж с нами не поехал. За руль села молодая англичанка Джоан. Джордж представил ее как хозяйку дома. Ей было всего лет двадцать. Прилетела она в Найроби из Лондона в поисках секретар-

ской работы, написала письмо Джорджу с предложением своих услуг. Он согласился. И вот она несколько уже месяцев живет в Коре. Поехал с нами и шотландец Эндрю.

Машина катилась по еле заметной колее, вдоль берега реки. Мы остановились там, где Тана широко разлилась и берег уходил песчаными косами в воду. Спешащее к горизонту солнце освещало окрестности мягким светом, зеркальные воды терлись где-то вдали. Чуть розоватые блики ложились на окаймлявшие берега изысканные пальмы. В воздухе висела тишина.

Пока мы осматривались, Эндрю куда-то отправился, шлепая босыми ногами по мелководью. Он вернулся минут через двадцать, держа под жабры усатого сома. Из разговора с ним я понял, что ловля рыбы для него не столько забава, сколько способ разнообразить свое меню. Джордж вегетарианец и других держал на диете. Вернулись мы с реки, когда угасали последние проблески дня.

В наше отсутствие Джордж занимался подготовкой к вечеру. На маленьком столике стояли прохладительные напитки, виски, бренди, водка. Мы с удовольствием отдыхали в плетеных креслах под яркими южными звездами. Потягивая свою трубку, за общей беседой Джордж выпил стаканчик бренди, разбавленного тоником, а когда наши дамы вместе с Джоан стали накрывать на стол, он с явным удовольствием присоединился к ним, налаживая освещение. В вечернем свете он совсем помолодел. За ужином поднимали тосты за Джорджа и его львов, вспоминали Джой.

Много говорили об отношениях человека и диких животных. «Пусть меня упрекают за мои попытки привить львам новые качества», — сказал Джордж, — но каждая львица или лев индивидуальны, как люди, среди них есть более или менее разумные в способности оценивать окружающий мир. Человек почти незнаком с миром запахов и звуков в той мере, в какой знакомы животные, и я не раз наблюдал их превосходство над человеком. Джой и я всегда были уверены в существовании интуитивных связей между животными и людьми, и все поступки животных, особенно таких развитых, как львы, имеют свои причины». А когда я, вспомнив историю с японской актрисой, высказал предположение, что Комуньо, видимо, приревновала Тони и Томоко, возможно, поплакала за свое слишком активное эмоциональное поведение, Джордж смущенно улыбнулся и заметил: «Болди тоже имела основания для ревности, мне с Томоко приходилось перед камерой разыгрывать сцены встреч и прощаний. Но все же я думаю, что главным побудителем были раздражающие животных запахи и интуитивное распознавание добра и зла, исходивших от людей».

Вечер у Джорджа закончился просмотром его любительского фильма о первых шагах создания заповедника. Мы увидели Теренса, на бульдозере прокладывающего дорогу через заросли, Джорджа, о чем-то беседующего со львами. Молодых, несмотря на шесть десятков лет за плечами, полных сил и энергии.

Время особенно не пощадило Тер-

ренс. Теперь я признал в нем того спящего изможденного человека, которого увидел при въезде в лагерь. После инсульта он уже не смог восстановить силы, ноги не действовали. Его принесли к ужину два служителя. Он следил за разговором, его интересовали все дела заповедника, беспокоило финансовое положение брата. Терренс зрительно помнил все тропинки в заповеднике и с удовольствием продемонстрировал нам свое искусство интуитивного общения с животными. На расстоянии он мог определить, где находится животное в данный момент. Он положил перед собой на подробную карту местности фотографию львицы Коретты, левой рукой начал крутить веревочку с медным шариком на конце, а правой водить карандашом, который и фиксировал местонахождение семейства Коретты.

...Нас разбудил проникший в домик свет. Солнце еще не появилось, но его лучи уже коснулись вершины буро-лилового великана, возвышающегося за лагерем.

Джордж за металлической сеткой, опоясывавшей лагерь, подкармливал зерном цесарок; несколько десятков этих птиц в засушливое время прибывали в лагерь, а при первом дожде исчезали, уходили в буш. Бросил он пригоршню зерен и в кормушку черному ворону. Эта зоркая птица обосновалась на вершине сухого дерева и поднимала тревогу, если ей что-то казалось подозрительным. У кормушки ворон о чем-то доверительно беседовал с Джорджем.

После утреннего чая в начале восьмого Джордж на «лендровере» тронулся в путь, занимая японцы, за ними и мы на своем «лендкрузере». Дорога петляла вдоль Таньи, местами пересекая высокие русла рек. Километров через двадцать добрались до песчаной отмели, заливаемой в половодье. Сейчас это был полуостров, омываемый Таной. Где-то здесь обитает семейство Коретты.

Прошло несколько томительных минут ожидания: появится ли она на призыве Джорджа? И вот из зарослей не спеша вышла львица, за ней показалась вторая, третья... Прогноз Терренса подтвердился: Коретта еще не ушла из этих мест. Машина Джорджа прошла еще метров триста и остановилась. Джордж стаил с помощниками на землю тушу верблюда и отъехал в сторону. Вскоре сюда, лениво передвигая по песку лапами, подтянулись львицы. Коретта первая попробовала жилистое, тугое мясо и уступила место другим. «Видно, у них была хорошая охота и они насытились», — заметил Джордж.

Прошло примерно полчаса: шесть львиц разных возрастов в двадцати — двадцати пяти метрах от нас спокойно занимались своими делами. Сама Коретта, попробовав мяса, улеглась, молодые львицы играли, остальные продолжали завтрак. Мы осторожно передвигались, выбирая наиболее удобное место для съемок, снимали, вполголоса разговаривали. Снимали и японцы.

Между нами и львицами проходила какая-то невидимая стена, ни одна из сторон ее не пересекала. Львицы словно не замечали присутствия людей, будто люди их вовсе не интересовали. Джордж продемонстрировал нам в действии то, чего добились долгие годы. Назовем это рефлексом

невмешательства. Он говорил, что случаи с Томоко — досадные исключения, но они ставят под сомнение всю его работу. Нужно искать новые пути для закрепления новых отношений с этими высокоорганизованными животными.

Пора было трогаться в обратный путь. Джордж предложил на прощание сфотографироваться с семейством Коретты. Я уклонился от заманчивого предложения и снялся только с самим Джорджем.

Мы заглянули в лагерь попрощаться с Терренсом, расписались в гостевой книге (я был 264-м посетителем за тот год). На террасе уже сидели прилетевшие на самолете гости — молодые немцы — к Тони. А к Джорджу прибыл доктор Мейерхольд, сопровождавший представителя издательства «Коллинз». Мы почувствовали, что уезжаем вовремя. Джорджу уже не до нас. Приятная встреча закончилась.

Машина неслась по уже знакомой дороге. Неожиданно мы столкнулись с идущим напролом через буш к реке стадом коров, погоняемым пастухами-сомалийцами. Они вторглись в заповедник, но, томимые жадой — и люди, и животные, — двигались неотвратимо, безумно...

Мы расстались с Корой, но я продолжал переписку с Джорджем. Получал также вести и от тех, кто по моей рекомендации навещал его: польских и чешских знакомых. Их доставил к Джорджу доктор Мейерхольд. Они говорили по возвращении: «Мы как бы побывали в другом измерении, в мире с иными ценностями. Мы никак не ожидали такого сильного впечатления от встречи с Адамсоном». В те дни Джорджа посетили и львы — его воспитанники со своим потомством. Их тоже притягивал к себе этот человек, расточавший вокруг себя ошутимое тепло.

О чем писал мне Джордж в своих письмах?

Неоднократно он возвращался к печальному событию — кончине своего брата Терренса. Это случилось через два месяца после нашей поездки. В конце декабря 1986 года Джордж писал, что он очень скучает, вспоминает удивительную способность брата, которая позволяла находить его воспитанников после потери с ними контактов.

А еще эта страшная засуха. Сомалийцы с тысячами голов скота опять вторглись в заповедник, львы ушли или были отравлены. Джордж все же надеялся, что некоторые из них перешли Тану и вернутся после дождей, когда спадет вода. И львы действительно возвращались к нему. Они стали приходить по ночам и в вечерних сумерках.

Джордж писал мне, что львица Грове (из семейства Коретты) появилась в районе лагеря в марте 1987 года вместе со своей одноглазой дочерью и тремя подрастающими львятами. Их сопровождал довольно агрессивный дикий лев. Джордж назвал его Хорси. И Джордж иногда проводил бессонные ночи под звуки их страшного рева.

Судьба леопардихи Комуно, которая набросилась на японскую актрису, оказалась печальной. После шести лет пребывания на воле она была найдена мертвой на вершине скалы. «Для Тони это была на-

стоящая трагедия», — писал Джордж. Он высказал предположение, что убили ее самцы бабуины, защищая своих детенышей.

Центральные и местные власти, ведающие заповедниками, внимательно следили за всем происходящим в Коре, и Джорджу приходилось защищаться от противников реабилитации львов и леопардов.

В начале 1988 года Джордж писал мне, что «будущие заповедника Кора неясно, и в связи с этим Тони планирует переместиться в Танзанию». И далее: «Я останусь в Кемпи я Симба, пока это будет возможно». Однако Джордж сохранял оптимизм. В том же письме он восклицал: «1987 год закончился все же на счастливой ноте, вновь вернулась Грове и ее одноглазая дочь. Они привели с собой четырех оборотистых детенышей. После пиршества из верблюжьего мяса они развлекали нас, кувяркаясь и преследуя друг друга. Хорошее начало для Нового года!»

21 августа 1989 года мир облетело известие: «В Кении, в созданном им двадцать лет назад заповеднике Кора, убит Джордж Адамсон».

Ему шел 84-й год. Случилось то, что могло случиться уже десятки раз с профессиональным егерем, который провел почти всю свою жизнь в не тронутых цивилизацией бескрайних саваннах Восточной Африки. Его последний день начался как обычно. На рассвете он выпустил из вольеров трех молодых львиц. В первом часу над лагерем сделал круг самолет. Это был условный знак — просьба встретить прибывающих на взлетной площадке. Джордж попросил гостившую у него молодую немку Ингу вместе с шофером выехать к самолету. Сам он отстукивал на машинке ответы на корреспонденцию, поступающую со всего мира. Послышались выстрелы. Обеспокоенный, захватив оружие, вместе с тремя помощниками на видшем виде «лендровере» он выехал из лагеря. По рассказу Мохаммеда Мару, единственного оставшегося в живых, на третьем километре они натолкнулись на трех одетых в военную форму бандитов. Мохаммед крикнул: «Остановитесь!» — и выпрыгнул из машины. Джордж продолжал ехать. Почти в то же мгновение бандиты открыли огонь. Машина оказалась пронизана пулями. Джордж и его два помощника были убиты наповал¹.

Через несколько дней Джорджа с почестями похоронили, как он и просил ранее, в лагере возле могилы брата и захоронения любимого льва Боя.

...Прошло более четырех лет со дня гибели Джорджа Адамсона. Он не создал какой-то особой концепции жизни, он просто стремился к сохранению гармонии в Природе, видел пагубные последствия вмешательства в нее человека. Мне запомнилось его высказывание, которое дает ключ к его пониманию сути жизни: «Человек, сам порожденный Природой, не может властвовать над ней».

¹ Подробнее о трагической гибели Дж. Адамсона читайте в статье «Последнее сафари» — «ВС» № 2/91.

КАЙТ-ИЖОРСКИЕ ПИРГИ

ИЗДРЕВЛЕ на скалистых островах Финского залива и вдоль южного его побережья — от Малой Ижоры до самой границы с эстами — жили кайт-ижорцы. Еще их называли инграмми или ингерманландцами¹, — это самая близкая к финнам народность.

Это были больше все рыбаки и лесные охотники — летом ходили они на морского зверя, зимой — на медведя и лося; в хорошие дни ели досыта, в черные — умирали с голоду. Одними лишь грибами да земляникой сыт не будешь. А потому не случайно передаются по деревням ижорские предания — «пирги» об удачливом сельском хвастуне Олли Рауди, принце воров и бароне пивных кружек, промышлявшем на пустой желудок веселым надувательством.

Однажды, во времена шведского еще владычества в Ингерманландии украли вольные ижорские мужики из амбаров пастора бочку ржи и мешок овса. В овсяную муку добавили они сеченую солому и выпекали хлеб. А рожь отвезли в Копорский замок и продали за сорок риксдалеров. Потом пошли мужики в трактир пить пиво с хлебом и раками. Обнаружил швед-священник пропажу зерна, воров поймали. В наказание пришлые христиане разобрали лачуги местных жителей на бревна и сколотили из них церковь у самого залива, дабы служила она лесным варварам пищей духовной, источ-

ником добродетели и смирения. Дело было на Пасху, потому и называли храм Пасхальным, или Суннунга, что на языке ингерманландцев означает «день воскресный»...

После ухода шведов из Ингрии кирха опустела, обветшала под морскими ветрами, почернела от частых в этих краях проливных дождей, а потом и вовсе была смыта штормовой волной в бухту. Там, где она стояла, ижорцы срубали свою маленькую, не больше огородной временки церквушку, которая сохранилась и поныне. Рисковые любители культовой архитектуры из тех, что не боятся свернуть себе шею на крутых ингерманландских утесах, могут увидеть ее над скалистым берегом залива где-то между ижорскими мызами Кандикуля и славянской горой Валдай.

Недавно в этом храме на дюнах побывал зритель-ижорец. Снял за совы, пригласил хуторян. Спустил многие зимы забвения родилась у людей идея. Решили было пожилые кайты воскресить свой древний обычай — поздние гулянья вокруг островов Юхлагена. Женщины вспомнили о черных юбках с пестрыми полосатыми передниками, мужчины — о желтых штанах до колен, стянутых внизу красными повязками с помпонами, и синих чулках — нарядах и узорах праздника весны, которую встречали ежегодно предки нынешних пахарей моря в колдовскую Вальпургиеву ночь на первое мая. Говорят, что праздник приходит с седьмым гулким треском бьющихся друг о друга льдин, когда молодые морские брызги, вскипающие пеной у скалистых мысов, захлестывают пенной сосновый бор, увлажняя крышки бревенчатых хижин, сохранившихся на месте старых лесных вырубок от первых кайтских поселенцев. Седьмой треск льдины означает последнюю сонату призрака зимы. С этого момента наступает в Ингрии — Ингерманланде настоящая весна.

Красивая традиция. Да только не вышло ничего из затей кайтов — романтиков и хранителей древности. Раньше вот по всему ижорскому краю открывались в мае деревенские ярмарки. Расписной ложкарной безделицей, гусями-контеле и мудреным товаром для охоты в лесу и на море завлекали приезжих весенние сельские базары. На версту вытягивались торговые ряды — большие лыковые да самосадные. Воскресными вечерами народ гулял. До сих пор вспоминают, как баловались тогда водочкой, делились табаком и творогом, пели песни. А люд был серьезный. В голосе — нота железная. На широких полянах в сумраке хвойного бора ижорцы жгли костры, молодежь водила хороводы, а с наступлением ночи лесные жители поднимались на крутые холмы, чтобы посмотреть, как возвращаются по небу на свои болота и пещеры ведьмы с горы Мортбергет. Еще шведы ту гору стороной обходили, когда случалось им идти ижорским лесом в дальние деревни за ревизией.

Впрочем, все это дела минувшие. Блестящая фольга, под которой давно уже нет конфеты. Согласно последней переписи населения бывшего Союза, ижорцев — 700 человек. Но это все ижорцы — и те и восточные, чьи предки во главе с Пелгусием помогли князю Александру одержать верх в Невской битве, предупредив новгородцев о приближении шведов, и те, что с островов залива, применившие лыжи в военном искусстве раньше древних норвежцев, незаслуженно попавших с этим рекордом в Книгу Гиннесса, — западные кайт-ижорцы, о которых идет речь.

Когда же готовились кайты к проведению «кансантинга» — народного собрания — первого со дня смерти императора Николая II, оказалось, что от многочисленного прежде народа уцелело всего-то четыре семьи: две родственных в

¹ Происхождение слова «ингерманландец» очень интересно. К самоназванию ижорцев «инкери» шведы добавили «манн», то есть «человек», а их страна соответственно стала называться «Ингерманланд». Потом к этому добавилось русское окончание, и получилось «ингерманландец», очень по-германски звучащее, но к Германии отношения не имеющее. — Прим. ред.

Санкт-Петербурге, одна в Сосновом Бору и одна в Сиверской. Причем говорят по-кайтски лишь трое: старая крестьянка, рыбак-пенсиянер и продавщица в сельском магазине. (Еще один рекорд на заметку Гиннесу.)

Большие добротные ижорские дома в окрестностях Петербурга снесли в 70-е годы, из утвари и национальной одежды почти ничего не сохранилось. Вот и получается, что исчезла кайтская волесть, целый народ вымер и следов не оставил. Тут уж, конечно, не до шумного ночного веселья. Да и некому теперь водить хороводы на съпучих дюнах Ингрии. Никто не придет к заливу слушать последние стены Тальви — неумолимой ижорской зимы.

СНАЧАЛА шли быстро. Потом, когда тропа стала карабкаться вверх, нам приходилось цепляться за острые колья изгороди, подступившей к обрыву. На дне каньона между двумя отвесными стенами из красного песка змеился, шумя своими порогами и водопадами, серебристый Оредеж. За очередным поворотом тропа проваливалась в долину, и, сбегав с горы, мы вдруг очутились в зарослях гуляй-травы, среди карликовых ижорских лошадей и крестьянских риг. А впереди бурой громадой возвышался над Оредежем другой крутой берег с зияющими дырами пещер. Одна из них, Козлиная Нога, чей вход ныне загорожен досками, долгое время была тайным пристанищем угольников и дезертиров всех войн. К самому краю пропасти прижалась деревушка. Чуть дальше, на отшибе, живут люди по национальности никто. Это кайты.

Уютный домик в сирени. Перед калиткой нас встречает рослая белокурая поселянка — здешняя продавщица Ольга Золотарева, урожденная Хельга Нюртти. Ей 29 лет. Женщина она миловидная, бойкая. Уже года два как осталась без супруга — разбился муж-шофер на казенном КамАЗе. Сына-мальчишку Ольга воспитывает сама, с матерью Марией Евдокимовой кухарничает и огородничает, с собакой Верной дом охраняет. Всегда такая живая, веселая, сегодня она на себя не похожа. У крыльца призналась нам, что огорчена из-за того, что пришлось прибегнуть к рукоприкладству: полчасика назад десятилетнего Юрку отшлепала.

— Что делать с парнем этим! — Ольга свет в глазах голубых погасила. — Целый день штопала ему свитер, а он его оставил где-то. Потом пришел домой — вздумал на двери

раскачиваться, да она, развалюха, с петель слетела. Ну не остолоп ли?

— Двери сейчас дорогие, — вспомнил я ценники на прилавках «Старого плотника». — В Питере за три тысячи продаются.

— Три тысячи! — удивилась баба Манья. — Если так, то мы нашу продадим и будем жить с открытой дверью.

— Это что, кайтский обычай такой?

— Да уж конечно! — рассмеялась Ольга. — Не знаю, я себя кайткой не чувствую. Разве что воспитывалась я на природе. Играла в детстве с ижорским пони, похожим на конька-горбунка, ну еще ездила на быструю холодную реку Лугу бить форель острой. Правда, всего один раз — вспоминать-то смешно: ранила рыбу, да так за нее расстроилась, что заплакала и тут же отпустила обратно в реку.

— Ага, пирги гонишь! — Юрка метнулся в дверях, я успел заметить, что глаза у него красные.

— Слыхали, как он со мной разговаривает?

— По-кайтски?

— По-русски, — сказала Ольга, а после молчания и вздохов добавила: — Я с ним на кайтском не говорю. Когда он был совсем маленьким, я боялась учить его языку нашего деда Эрланда, покойника. Зачем ребенку жизнь усложнять? Представляете, что было бы, если б кайтский стал для него родным! Он же, глупый, все время спрашивал бы меня, почему это никто вокруг не хочет разговаривать с ним на его языке. Мы назвали сына Юрой, раньше я звала его на ижорский лад — Юрги, но ему это страшно не нравилось. Вот я и поняла, что кайтский Юрке не нужен. Скажите ему «ижорец» — и он обидится.

— Значит, молодое поколение кайт-ижорского не знает... Э, так он же тогда вымрет, язык ваш!

— Почему же вымрет? «Пирги» в переводе на русский — «пирог». Второе значение слова: «байка», «вымысел», «разговор за чаем или кружкой пива». Если вижу, к примеру, Юрка завирается, я ему в лоб: что ты, мол, мне пирги гонишь! Сразу юлить перестает — понимает. Ну и потом, я ведь учу его финскому. Все настоящие кайты знают финский — языки наши похожи.

— И как у Юры с финским?

— Неважно. Вообще-то я считаю, что каждый человек обязательно должен знать несколько языков. В кайт-ижорском даже слово такое имеется,

«умпиди», означает человека, говорящего только на одном языке. Буквально оно переводится как «спертый, закрытый для общения».

— Быть умпиди — это очень плохо?

— Умпиди он и есть умпиди... Ну ладно. Ешьте пирги, пока горячие.

ПРОНИЗАННЫЕ северным ветром коробки зданий, задворки мегаполиса, где пища для легких — смог и испарения болот. Маленькая городская квартира, почти лишенная мебели, с голыми стенами. Хозяйка, 92-летняя Катерина Ивановна Каммури, суетится у кухонной плиты.

Мы пьем чай и говорим о прошлом.

— Кайт-ижорцы верят в приметы, — таинственно вглядываясь в полумрак, старушка поднимает указательный палец к серому, в разводах, потолку. — Если приснилась летучая мышь, — но не та, которая вниз головой, а мышка в полете, — значит, наступила твоя вторая молодость. Мне часто снятся эти маленькие твари, что машут крыльями над драночными крышами старых домов. И ни разу еще не видела я во сне деньги или колбасу. Никогда. Потому как сон — это зеркало жизни, а я и днем о таких вещах не думаю.

Ее низкий голос гулко разносится по квартире. Тикают ходики-скеллы, гудит «Юрюзань», Катерина Ивановна ковыляет к холодильнику, извлекает оттуда что-то и стучает о стол.

— Домашнее, — улыбается она. — Олен энзи майден тэль, тюрьюн олуг нюрмин кэль! — Буду первой после вас — ставлю пиво, а не квас.

— Вы по-кайтски говорите, мурмо Катерина? — спрашиваю под аккомпанемент ворвавшегося в кухню ветра. Называю ее «мурмо», как принято у ижорцев, обращаясь к почтенным женщинам.

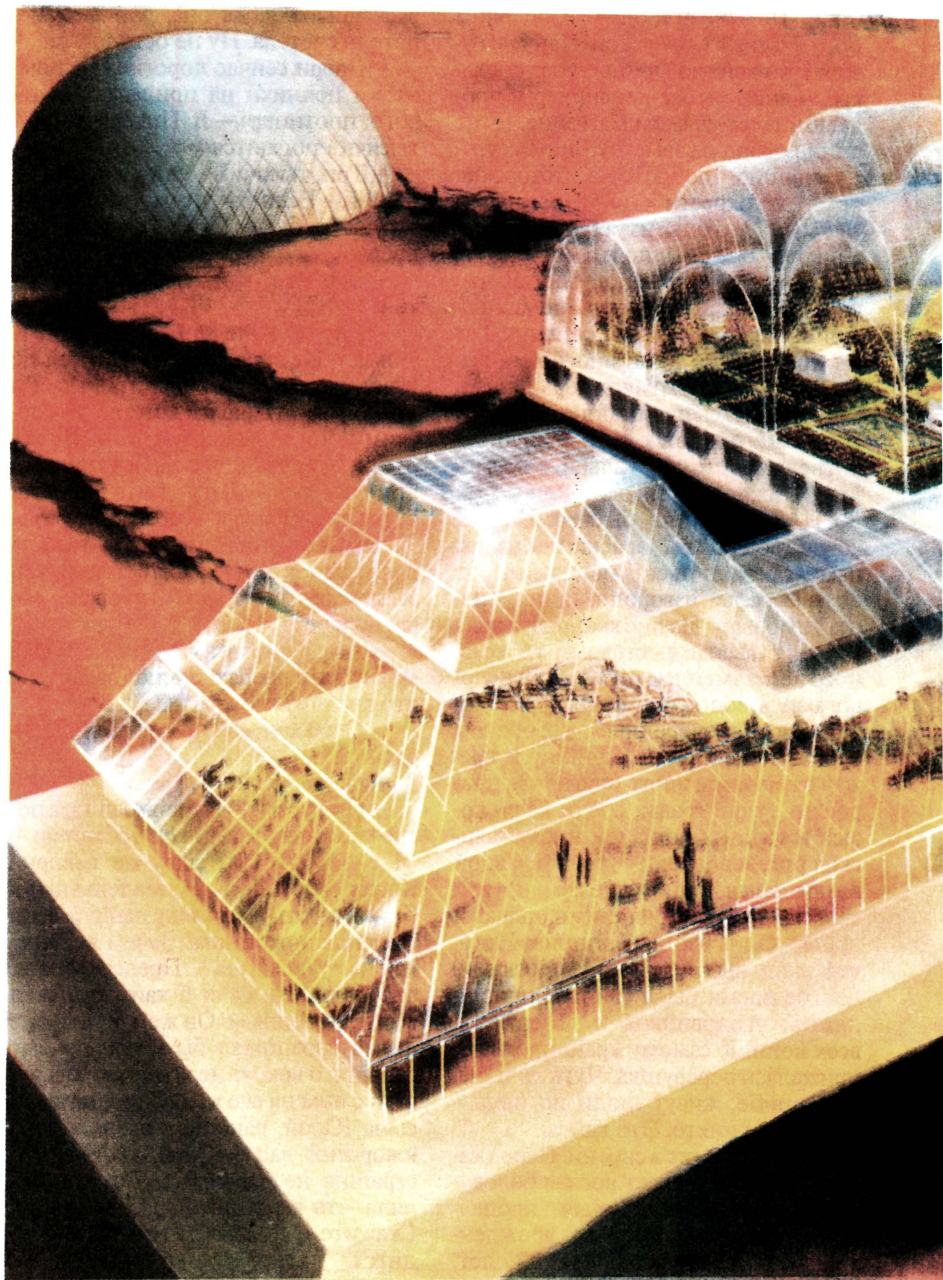
— А сейчас я чем, по-вашему, занималась? Этой, как ее... — старушка заливисто смеется. — Пантомимой, что ли? Ты давай-ка пей, сынок, я ведь не шучу.

Катерина Ивановна живет одна, на пенсию. Мы сидели с ней за колченогим столиком посреди темной кухни, а за окном, словно шелест осенних трав, шумели дымные заводские окраины.

Санкт-Петербург

«НОЕВ КОВЧЕГ»

в Аризонской
пустыне

В предгорьях хребта Санта-Каталина, неподалеку от городка Оракла, стоит необычное, похожее, пожалуй, на стеклянную пирамиду сооружение. Особенно красиво оно по вечерам, когда его обитатели включают электрический свет.

«Новый Ноев ковчег» — окрестил комплекс кто-то из журналистов. Очевидно, имелся в виду тот факт, что население «Биосферы-2» — таково официальное название этого купола — состоит из четырех женщин и четырех мужчин; в точности как на судне легендарного Ноя.

За всеми процессами на станции следит электроника. Впрочем, людям тоже хватает работы.

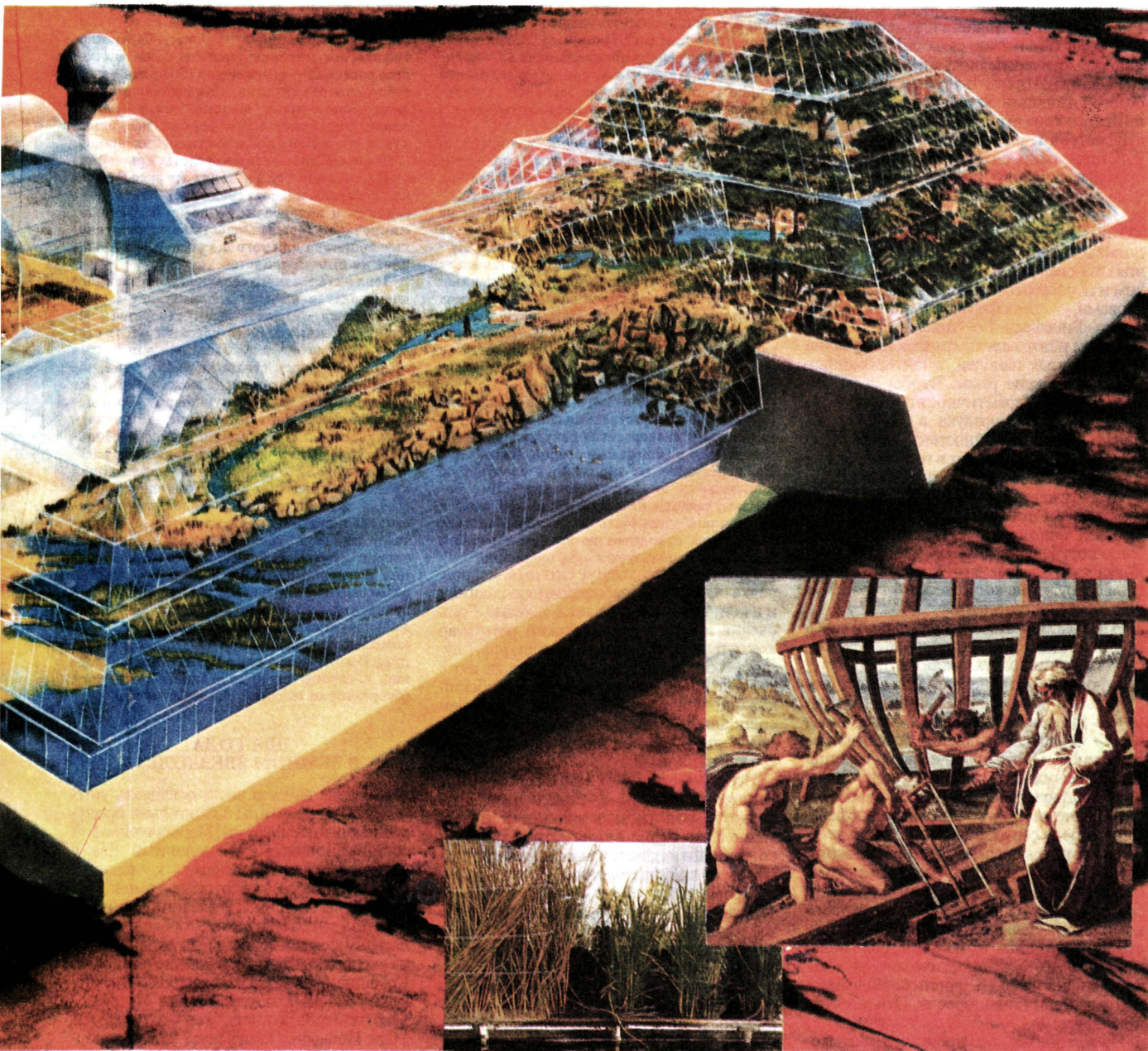
«Марсианской фермой» иногда называют «Биосферу» сами ее создатели, намекая на то, что она может послужить прообразом будущих марсианских поселений. Ведь стеклянный купол герметически изолирует все, что спрятано под ним, от окружающего мира.

«Исполненной мечтой» могут назвать эту постройку два человека, благодаря которым она стала возможной.

ДОМ БИОНАВТОВ

У истоков проекта стоял Джон Аллен — американский ученый, поэт и драматург, ярый сторонник движения «зеленых», человек, увлеченный идеями «космического бессмертия» человеческого рода. Он — единомыш-

ленник нашего великого соотечественника К.Э.Циолковского, который говорил о том, что человечество не может вечно жить в земной колыбели и неизбежно должно выйти на просторы Вселенной.

Помог же Аллену осуществить мечту, превратить ее в нечто реальное и осязаемое его ученик, соратник по экологической общине, к тому же и миллиардер — Эдвард Басс. Весь проект обойдется ему, как полагают эксперты, в 150 миллионов долларов. «Это самая дорогостоящая научная затея, не считая высадки на Луну», — не

Общий вид «Бiosферы-2» — современного Ноева ковчега в пустыне Аризона.

преминула отметить газета «Нью-Йорк таймс». Тем не менее Басс вовсе не считает свои деньги выброшенными на ветер. Он полагает, что накопленный опыт еще не раз пригодится как на Земле, так и в космосе. Деньги же, хотя бы частично, можно вернуть, например, за счет туристов.

Так, благодаря идеям одного и деньгам другого в относительно короткий срок (менее чем за четыре года) в Аризоне было возведено

Когда Ной строил свой ковчег, думал ли он, что у него будут такие последователи?

В местном водоеме полным-полно рыбы.

невиданное доселе сооружение, самый совершенный на планете климатрон.

Восемь бионавтов, затворивших за собою герметические люки 26 сентября 1991 года, должны прожить не менее двух лет в строгой изоляции. Затворниками этого гигантского климатрона, объемом 200 тысяч кубометров и площадью в три футбольных поля, оказались также 3800 видов растений и животных, принадлежащих к разным климатическим зонам Земли. Словом, под куполом создана уникальная экологическая система, способная, как предполагают ученые, десятилетиями обеспечивать поселенцев пищей, питьем, воздухом и перерабатывать все отходы. Иными словами, «Биосфера-2» — миниатюрная копия «Биосферы-1» — нашей планеты.

Стены и потолок комплекса сооружены из стеклянных панелей, вмонтированных в металлические рамы. Чтобы добиться необходимой герметичности — а согласно расчетам объем воздуха в «Биосфере-2» должен меняться полностью один раз в 100 лет, то есть на 1 процент в год, — все стыки герметизированы силиконом, затем прикрыты нержавеющей сталью, а сверху еще и бетоном. Глава калифорнийской строительной фирмы Питер Пирс, которому было поручено возведение комплекса, жаловался, что временами «работа напоминала сооружение космического корабля, а не строительство здания».

И на том хлопоты с герметизацией вовсе не кончились. В знойном климате Аризонской пустыни воздух, заключенный в стеклянном климатроне, мог настолько увеличиться в объеме из-за нагрева, что пришлось бы принимать специальные меры, чтобы крышу не выдавило избыточным давлением. Поэтому, во-первых, в состав комплекса входит мощный теплообменник, поддерживающий внутри приемлемую температуру, а во-вторых, «Биосфера-2» оснащена своеобразными «легкими» — огромными камерами, которые расширяются и сжимаются по мере изменения объема воздуха под куполом.

Поддерживать чистоту воздуха и воды в комплексе — задача специальной системы, состоящей из 60 фильтров. Большая часть из них биологические, то есть, как и в природе, роль очистителей выполняют растения и водоросли. Это «почки» «Биосферы-2».

Ну и, конечно, все происходящие процессы должны контролироваться «нервная система» — сеть получения и передачи данных, содержащая свыше 2500 датчиков. Ориентируясь на показания приборов, компьютеры автоматически включают насосы и вентиляторы для корректировки заданных режимов. Главный же «мозг» комплекса — центральный компьютер, расположенный в подвальном помещении биостанции, — следит за исполнением посланных команд во всех пяти биомех, а также в жилом и сельскохозяйственном отсеках.

Первый из биомов представляет собой тропический лес в миниатюре, укрывшийся за 26-метровой пирамидой из стеклянных сот. Первоначально этот участок был засажен быстрорастущими растениями, которые со временем сменяются другими. Сделано это специально, поскольку тропические растения, как ни странно на первый взгляд, обладают повышенной чувствительностью к солнечному излучению. Оно порождает так называемый краевой эффект — цепную ре-

акцию, в результате которой окраинные деревья и кустарники отступают в глубь леса. К чему это приводит? Например, когда через амазонскую сельву прокладывали автомагистраль, полагали, что ее придется постоянно очищать от наступающих зарослей. А получилось наоборот — джунгли с каждым годом все дальше отступают от дороги...

Так вот, когда создавали тропический биом, поначалу решили защитить края тропического леса с помощью жалюзи на крыше. Однако попытка не увенчалась успехом. Тогда применили новый метод, ранее не испытывавшийся: тропические заросли со всех сторон обсадили имбирным поясом. Имбирь отлично растет на бедных тропических почвах, легко переносит прямой солнечный свет. Несколько месяцев назад на посадках появились первые цветы. Прижился имбирь! Возможно, такой метод «прикрытия» джунглей может получить распространение и за пределами «Биосферы-2», в естественных условиях нашей планеты.

В центре тропического биома размещена 15-метровая искусственная скала, с которой водопадами низвергается речушка, берущая свое начало в маленьком озере. Извиваясь, она перетекает из тропиков в следующую климатическую зону — саванну. Но поскольку саванна, по существу, полустыня и много влаги здесь быть не должно, большая часть воды отводится по трубам обратно в тропики и используется для орошения.

Преодолев по саванне около 60 метров, речка вытекает на заболоченную равнину и в конце концов впадает в «океан». Роль океана выполняет гигантский резервуар емкостью более 3 миллион литров. Глубина его в некоторых местах достигает 8 метров. Здесь же размещается Карибский коралловый риф. Мини-океан оснащен специальным механизмом для образования волн, приливов и отливов... Словом, все как в природе.

Используя природу в качестве образца, устроили и болото. Ученые нашли натуральную болотистую местность протяженностью около 4 километров, разбили ее на зоны и из каждой вырезали пласт размером 60 x 60 сантиметров. Из этих кусочков и был затем собран участок площадью 45 квадратных метров, вобравший в себя все разнообразие болот.

Последний, пятый биом — так называемая «туманная пустыня». Образцом для ее создания послужили пустыни Калифорнии. Здесь под стеклянным шатром помещены растения, цветущие зимой, в то время, когда прочие их собирать «дремлют» и слабо перерабатывают углекислоту. А туманной пустыня названа потому, что в жаркую погоду ее окутывают испарения, рожденные «океаном».

Основную часть этой влаги перегоняют в тропический биом и так осуществляют «кругооборот воды в природе»: испарение — перенос «облаков» воздушными потоками вентиляторов — дождь — река.

Еще более интенсивен кругооборот воды в жилом и сельскохозяйственном отсеках. В зону, где расположены поля и огороды, вода нагнетается в почву для полива, а затем собирается и очищается в подземных резервуарах — «почках», о которых мы уже упоминали. Там же проходит очистку отходы из животноводческого блока и жилого отсека — с помощью фильтрации микроорганизмами и некоторыми растениями.

Примерно за неделю вода очищается настолько, что годится даже для питья. А

оставшиеся после очистки отходы идут на удобрение огорода, на котором колонисты-бионавты выращивают пшеницу, бобы, картофель, рис, клубнику, папайю и еще множество растений — всего около 150 видов — для собственного питания. Животноводческую продукцию — яйца, молоко, мясо — поставляют обитатели мини-фермы: несколько кур, карликовых коз и вьетнамских свинок.

Впрочем, питаются колонисты и рыбой тапией, которую они разводят на рисовых чеках. Эта рыба плавает среди растений, поедая сорняки и водоросли. Ее помёт поглощают микробы, которые вырабатывают питательные вещества для того же риса. А сама рыба идет на стол колонистов.

Зона интенсивного сельскохозяйственного производства вилотную примыкает к жилую отсеку — единственному строению комплекса, стены которого сделаны не из стекла. Здесь есть все необходимое для жизни людей: медпункт, столовая, библиотека, обсерватория и спортзал, где можно не только поддерживать физическую форму, но и демонстрировать фильмы или устраивать празднества. Есть у колонистов свой небольшой пляж у мини-океана, хотя на загар рассчитывать не приходится — стеклянная крыша не пропускает ультрафиолета.

Для жилья каждому колонисту предоставлена персональная квартира с комнатами на двух уровнях: внизу — гостиная, сверху — спальня. Размер каждого помещения примерно 3,6 x 4,8 метра. Стремление разместить все по вертикали не только дань архитектурной моде, но и желание максимально увеличить кубатуру отсека и всего комплекса, чтобы в нем было больше воздуха. В итоге получилось пятиэтажное строение, в центре которого — башня с куполом обсерватории высотой около 26 метров.

ДВА ГОДА В ЗЕМНОМ ЗВЕЗДОЛЕТЕ

Кому же выпала честь осваивать уютные каюты-квартиры с тщательно продуманными интерьерами? Первоначальный состав бионавтов, объявленный два с лишним года тому назад, к моменту старта претерпел некоторые изменения. Инженер-электрик из Германии Бернд Забел, под руководством которого и строилась «Биосфера-2», был вынужден выйти из эксперимента по состоянию здоровья. Команда осталась без капитана. Правда, место Забела в экипаже занял 44-летний руководитель института экотехники Марк Нельсон. Он отвечает за все информационные аспекты эксперимента, но обязанности капитана на себя не принял.

В итоге в команде установилось двоевластие. Бразды правления доверены 36-летней англичанке Салли Силверстоун, которая была координатором группы подготовки бионавтов, и 30-летнему бельгийцу Марку ван Тилло — он отвечает за надежность и работоспособность всех технических систем.

Научным руководителем проекта стала 40-летняя американка Линда Лей, по специальности ботаник. Еще один биолог, специалист по морской флоре и фауне, 32-летняя американка Ибегейл Аллинг отвечает за состояние болотной и океанской экосистем. Англичанка Джейн Понтер совмещает в одном лице главного энтомолога и эксперта по сельскому хозяйству; на время эксперимента она — полноправная хозяйка фермы. 67-летний калифорниец Рой Уолфорд —

врач-геронтолог. На его плечи возложены также обязанности по поддержанию хорошего самочувствия и настроения экипажа. Восьмым членом команды стал 27-летний американец Табер Маккаллум — создатель и руководитель аналитической лаборатории комплекса. В его ведении находятся все системы контроля биостанции.

Для каких же целей восемь человек подвергли себя добровольному заточению за стеклянными стенами? Главная задача экспедиции — опробовать на практике автономные системы, которые затем могут пригодиться для устройства поселений, скажем, на Луне или на Марсе.

Надо сказать, что данный эксперимент — далеко не первый в истории нашей планеты. Например, 5 ноября 1968 года под аплодисменты провожавших трое испытателей — командир экипажа Герман Мановцев, специалист Борис Улыбешев, биолог и летописец экспедиции Андрей Божко — закрыли за собой люк герметического жилого отсека, имитируя тем самым начало длительного космического полета.

Через три месяца, когда взятые с собой припасы стали подходить к концу, состоялась «стыковка» жилого блока с оранжевой. «Впечатления были незабываемые, — писал в дневнике Божко. — Ослепительно яркие светильники — имитаторы солнечного света, новые запахи... Заводной соловей, который может издавать трели, а самое главное — свежая сочная зелень... Трудно описать нашу радость...»

За счет маленького огорода испытатели получали в среднем до 200 граммов свежей зелени в сутки. Конечно, этого маловато для полноценного питания, но тогда и не ставилась задача перехода на полное самообеспечение. Ученые хотели выяснить: можно ли вообще жить в таких условиях достаточно долго? Руководитель работ, доктор технических наук профессор Б.А.Адамович писал:

«Эксперимент ответил на очень важный вопрос: да, действительно, можно дышать одним и тем же воздухом, очищая его; многократно использовать одну и ту же воду, регенерируя ее; употреблять сублимированные продукты, занимающие малый объем и мало весящие. Даже если бы перед испытателями не стояло других задач — они сделали бы большое дело...»

Однако дружная группа провела еще массу исследований, попутно доказав: объединенный единой целью коллектив не может рассорить длительное пребывание в условиях скученности и фактически камерного жилья. Выводы этих испытаний оказались полезны тем, кто по полгода, а то и по году жил потом на борту орбитальных станций «Салют» и «Мир».

А опыты в земных «звездолетах», как окрестили герметичные отсеки с легкой руки Андрея Божко, между тем продолжались. Во время одного из экспериментов испытатель, ныне доктор биологических наук Е.Н.Шепелев, провел месяц по соседству с морской водорослью хлореллой. Тридцатилитровый сосуд, где выращивалась хлорелла высокой плотности — до 900 миллионов клеток в кубическом сантиметре питательного раствора, — полностью обеспечил потребности человека в кислороде.

В 1984 году ученые Красноярского науч-

ного центра под эгидой Института биофизики СО АН СССР провели новый эксперимент. Пять месяцев молодые исследователи Николай Бутреев и Сергей Алексеев находились в замкнутой экологической системе, полностью независимой от окружающей среды. Внутри комплекса «Биос-3» они не только жили и работали, но и растили урожай. На одного человека приходилось не так уж много «пашни», но они ухитрились обеспечить себя хлебом. Ведь урожай пшеницы в пересчете на гектар составил... 700 центнеров! Они не только не умерли от голода, но и вышли «в люди» со свежеспеченным караваем на руках.

Так что американцы начали свой эксперимент вовсе не на пустом месте. Опыт, полученный в Красноярске, по словам директора американского проекта Джона Аллена, дал информацию, которая сократила разработку «Биосферы-2» на два года.

Правда, размаху американцев мы можем только позавидовать. Если «Биос-3» представлял собой контейнер из нержавеющей стали объемом всего 315 кубометров, то обитатели «ковчега» в Аризоне имеют в своем распоряжении объем, в 700 раз больший.

SOS! ИНОПЛАНЕТЯНЕ ГОЛОДАЮТ!..

Впрочем, грандиозность строительства сослужила американцам и плохую службу. «Это туристский аттракцион, а не научная станция!» — заявили скептики. И надо сказать, такое суждение имело под собой определенные основания. С самого начала строительства к «Биосфере-2» зачастили туристские автобусы. Число посетителей возросло со 150 тысяч человек в начале эксперимента до 230 тысяч в последующее время — и это явно не предел. Экскурсии, включающие просмотр специального кинофильма, прогулку по оранжевой, где выставлены модели экосистем, задействованных в проекте, поход вокруг застекленного комплекса и обед в местном ресторане приносят Бассу и компании от 4 до 5 миллионов долларов в год чистой прибыли.

А вот у специалистов эта затея первое время особого энтузиазма не вызвала. Эксперты НАСА, например, прямо сказали, что для чистоты эксперимента «Биосфера-2» явно не хватает экстремальности. В самом деле, стоило Джейн Портер порезать палец аппаратом для лущения риса, как ее тут же эвакуировали в местный госпиталь и вернули под купол лишь после проведения операции. Специалисты полагают, что куда более приближенной к настоящим условиям Марса была бы станция, расположенная где-нибудь в Заполярье или даже в Антарктиде. Экипаж должен жить не только в изоляции, но и с созданием, ощущением реальной опасности, подстерегающей их за стеклянными стенами, чего нет в нынешнем «ковчеге».

Но со временем скепсис заметно поубавился. Причиной тому стала такая неожиданность: уровень кислорода в атмосфере «Биосферы-2» по сравнению с сентябрем 1991 года упал на 28 процентов! Дело дошло до того, что обитатели «ковчега» ложились спать в обнимку с кислородными аппаратами...

В январе 1993 года руководители экспери-

мента приняли решение: чтобы не подвергать жизнь людей опасности длительного кислородного голодания, нужно подкачать в биосферу кислород. «Мы поднимаем уровень его содержания путем пяти последовательных вдуваний газа», — прокомментировал ситуацию Билл Демстер, директор технической службы, обеспечивающей функционирование всей системы.

Это происшествие заставило научную общественность взглянуть на проект по-иному. «Тот факт, что у них нет никакого объяснения случившемуся, говорит, что они проводят настоящий научный эксперимент с непредвиденными результатами», — призвал Дон Хеннигер, работающий в Джонсоновском космическом центре НАСА в Хьюстоне.

Многие эксперты стали выдвигать различные версии, чтобы как-то объяснить случившееся. На сегодняшний день наиболее логичной следует признать такую гипотезу. Теоретически находящиеся в биосфере листовые растения должны в избытке выделять кислород, особенно летом, в период наибольшего роста и развития. Однако именно летом и было впервые замечено снижение кислорода в местной атмосфере. По всей видимости, эксперты в свое время не учли «аппетита» 30 тысяч тонн почвы, размещенных под стеклянным колпаком. А почва по своей природе имеет тенденцию поглощать кислород в достаточно больших количествах. Содержащиеся в почве частицы железа и серы вступили в процессы окисления, и кислорода в атмосфере «Биосферы-2» стало заметно меньше.

Так ли это — покажут дальнейшие исследования. Но уже сегодня стало очевидным: «Биосфера-2» таит в себе еще немало загадок. И разгадка их, вполне возможно, позволит нам лучше разобраться во многих процессах, протекающих в «Биосфере-1» — на нашей планете.

По всей вероятности, два года будут лишь первым этапом эксперимента. Да и инженерные конструкции в Аризонской пустыне рассчитаны на куда более долгий срок эксплуатации, чем Ноев ковчег, — не менее чем на 100 лет!

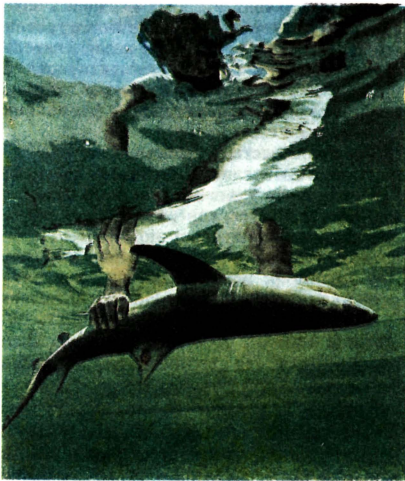
Публикацию подготовил
Станислав ЗИГУНЕНКО

P.S. После того, как номер был подготовлен и печатан, пришло сообщение: первый, двухгодичный этап эксперимента закончен. К сожалению, его нельзя назвать удачным — все участники потеряли от 14 до 18 процентов собственного веса из-за кислородного голодания и плохого психологического климата в коллективе.

Единственное утешение: экспертам удалось-таки разобраться, куда исчезает кислород. Его действительно поглощают микроорганизмы почвы, в которую было внесено впятеро больше органики, чем положено.

Теперь организаторы эксперимента, стоившего уже 150 миллионов долларов, стоят перед проблемой: что делать дальше? Прервать его ход, чтобы устранить замеченные недостатки, или все оставить как есть и, поднабивая кислород, надеяться, что в будущем все образуется само собой... Большинство склоняется ко второму варианту.

В феврале 1994 года планируется начать второй, теперь уже годичный этап.

ДАВАЙТЕ БЕРЕЧЬ АКУЛ

С таким, полным тревоги, призывом американские ихтиологи обращаются ко всем людям, потому как считают, что из-за беспощадной охоты на морских хищниц существование многих пород акул находится под серьезной угрозой. Оно и понятно: дело в том, что не только акулы плавники и мясо привлекают охотников. Для большинства их отстрел стал своего рода азартным спортом, причем довольно жестоким. В Карибском море, например, охотники приманивают акул, выливая в воду кровь убитых животных, а затем в упор расстреливают собравшуюся на этом месте акулю стаю из самого современного оружия, не щадя ни молодь, ни взрослых особей. Именно таким безжалостным образом в восемьдесят девятом году у берегов США перестреляли около полумиллиона акул.

Да и потом, кто сказал, будто акула — заклятый враг человека?! Кто-то, а ихтиологи с подобным утверждением не согласны. По их данным, ежегодно происходит не более 50 или 70 встреч человека с акулами и лишь пять-десять из них заканчиваются трагически. Зато, как показывает статистика, от укусов змей и ядовитых пауков людей гибнет много больше. Чего уж там говорить о смертельных случаях в результате удара молнии!

А ученые — участники движения в защиту окружающей среды, так те вообще ставят вопрос ребром: надо-де ввести безотлагательные ограничения и квоты на акулый промысел, потому как уничтожение акул обернется катастрофой для океанской флоры и фауны, поскольку эти рыбы — важное звено в сложной и тесно взаимосвязанной экобиологической цепочке Мирового океана. С исчезновением их вида или резким сокращением его численности в Мировом океане неизбежно появятся вредные водоросли и микроорганизмы. А американский ученый Грuber из университета в Майами просто-напросто убежден: убивать акул — преступление. Его коллега, известный биохимик Луер из Сарасоты (Флорида), утверждает, что акулы обладают превосходной иммунной системой, способной противостоять любой заразе, даже раку. Сколько раз ученые пытались привить акулам искусственные вирусы, но не тут-то было! Хищницы тотчас «включали» свою иммунную систему — и та, заметим, никогда не давала сбоев. И вот ученые, вдохновившись результатами опытов, стали изучать принцип действия этого безотказного «механизма» с тем, чтобы усовершенствовать такой же механизм в человеческом организме. Так что давайте, люди, беречь акул — от них нам пользы куда больше, чем вреда.

АПЧХИ НА ТАРАКАНА!

Неужели все это — обычная аллергия? Да, в большинстве случаев именно она, родимая. Эта распространенная по всему свету хворь возникает по-разному. В основном ее вызывает пыльца цветущих растений, некоторые лекарства, продукты питания и еще много чего другого. И что ни день открываются все новые и новые аллергены.

В 1990 году угрозой для здоровья многих американцев стали — и кто бы мог подумать! — тараканы, извечные спутники и соседи человека. В Америке десять-пятнадцать миллионов жителей постоянно хворают насморком, у них наблюдаются раздражение кожи, нарушение функций дыхательных путей, что вызвано воздействием протеинов, содержащихся в наружной оболочке, фекалиях и крови этих членистоногих. Оказываются, небезопасны даже давно сдохшие тараканы, потому как частицы их высохших телец могут сохраняться в домах годами. Во время уборки помещений, поднимаясь в воздух, они попадают на дыхательные пути человека — и вот тебе... апчхи! Будьте здоровы!

А энтомолог Ричард Бреннер полагает, что аллергия на тараканов может вызвать даже шок, а то и — уахси Господи! — привести к летальному исходу.

МИЛЫЙ ОБРАЗ ДИНОЗАВРА

Международная группа палеонтологов, обеспокоенная тем, что образ динозавров грубо искажается — как в игрушках, так и в прочей коммерческой продукции, — создала Общество любителей динозавров, призванное не только оберегать образ древних рептилий от рук нечестивых подельщиков, но и обеспечивать финансовую поддержку палеонтологических изысканий. Фирмы, ставшие членами общества, должны сделать взнос в размере одного процента от стоимости своей коммерческой продукции в фонд обеспечения будущей научно-исследовательской программы, целью которой, кроме всего прочего, — восстановить истинный облик доисторического гиганта, равно как и с точностью определить места его обитания.

Давно пора, а то куда же это годится: динозавров привыкли изображать с волоочающимися по земле хвостами, хотя на самом деле они держали хвост вверх — для балансировки. К тому же они предпочитали коротать свой век не в смрадных болотах, куда их поселили невежды, а преимущественно в сухих местах, на приволье. Не такие уж глупые были эти динозавры!

КРЫСЫ-ШИШКОДЕРЫ

Израиль занимает одно из первых мест в мире по количеству лесопарков. Естественно, по отношению к площади собственной территории. Большие области страны заняты посадками так называемой сосны иерусалимской. Но вот беда, белки и лесные мыши, которые повсюду охотно селятся в сосновых пушах, в израильских борах, пуская искусственных, отчего-то не прижились.

По наблюдениям зоологов из Тель-Авивского университета Р.Айзнера и И.Теркели, экологическую нишу, традиционно принадлежащую грызунам, здесь начали занимать черные крысы. Подобно белкам, они кочают с дерева на дерево, строят гнезда-норы, шелушат шишки и редко ступают лапой на землю.

Высококалорийные семена шишек — излюбленное лакомство крыс-верхолазов. Что примечательно, шишки сосны иерусалимской опадают лишь в самые жаркие, сухие дни, причем, едва коснувшись земли, они раскрываются, и семена тут же разносятся по ветру. Но хитроумные крысы нашли выход из положения — припрорывались шелушить шишки еще целыми, до того, как они опадут, ловко отдирая твердую шелуху.

Гастрономические пристрастия местных крыс к шишкам объясняются просто: в злепных краях иной пищи природа предложить им не может. Пришлось полюбить шишки.

МЕКСИКАНСКАЯ ЛА-МАНЧА

Мексиканец Эулалио Феррер не то что почитает незадачливого идальго из Ла-Манчи, всемирно известного героя Сервантеса, а просто боготворит.

С юных лет Феррер начал собирать все, что имеет хоть маломальское касательство к Дон-Кихоту: книги, причем на разных языках, картины и рисунки, статуэтки, почтовые открытки и прочие сувениры. Так что в настоящее время в коллекции Феррера насчитывается несколько сотен предметов. Для размещения своеобразной коллекции понадобился ни мало ни много целый особняк, построенный, к слову, в «колониальном стиле» XVIII века, где все дышит историей, воскрешая в памяти быт средневековых кастильских идальго. Особняк, правда, пришлось масть подстраивать — и ныне здесь работает Музей Дон-Кихота. В день открытия музей удостоил своим посещением мексиканский президент в компании испанского премьера. Но в отличие от Ла-Манчского идальго, который был беден, как церковная мышь, его продолжателю нужны ни в чем не испытывает — музей приносит Ферреру немалый доход. И он обращает его в дело, к вящей славе героя Сервантеса.

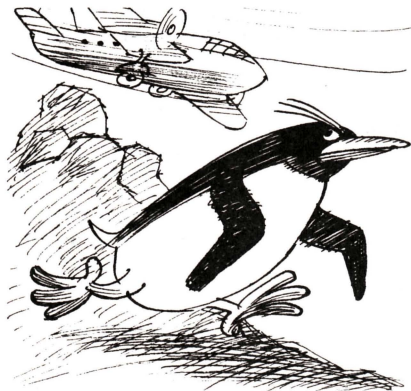
А ПИНГВИНОВ-ТО КУДА?

Не так давно неподалеку от французской полярной станции Дюмон д'Юрвиль, в Антарктиде, построили взлетно-посадочную полосу, рассчитанную на самые крупные транспортные самолеты. Но перед этим долго спорили: ведь место, приглянувшееся людям, издавна облюбовали тысячи пингвинов — для гнездовых и вывода птенцов. Да, но свободные ото льда участки суши на шестом континенте можно по пальцам пересчитать, а как без авиации?

Строили два года. И там, где велось строительство, и по соседству пингвины оставили более трех тысяч гнездовых — около двух тысяч пар птиц были вынуждены переселиться, а остальные попросту исчезли. Примерно половина беженцев так и не смогла вывести потомство.

Чтобы как-то исправить положение, французские орнитологи потребовали запретить посадку тяжелых транспортных самолетов на аэродроме Дюмон д'Юрвиль зимой, когда пингвины высыживают потомство.

Все-таки элемент гуманизма.

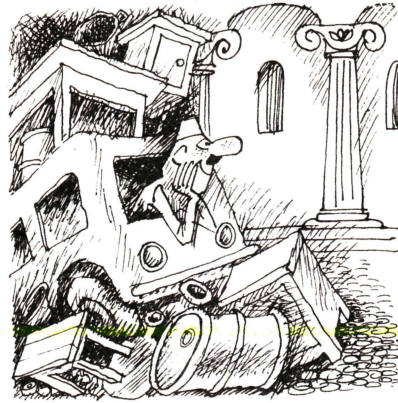
ГЛАВНОЕ — ДЕРЖАТЬ ХВОСТ

Оказывается, ласточки-самцы с длинным и симметричным хвостовым оперением находят себе пару быстрее, нежели их собратья с «неказистым» хвостом. К такому выводу пришел шведский зоолог Андерс Моллер из Упсальского университета. Он отловил сто одного самца этого вида, поколодовал над их хвостами и выпустил в общество самок. И вот результат: самцы с длинными симметричными хвостами обзавелись парами раньше, чем те, у которых хвосты остались длинными, но асимметричными. Что уж говорить о кавалерах-короткохвостах! Чтобы найти себе подругу, им понадобилось времени раз в пять больше.

Таким образом, исследователи считают, что длинный, безупречно симметричный хвост — своего рода показатель превосходных генетических качеств самца и повышенной жизнестойкости.

РАЙ ИЗ ПОДРУЧНЫХ МАТЕРИАЛОВ

Один марокканский старьевщик приобрел участок земли в священном городе Мулай-Идрисс. Что же тут особенного? Приобрел — пусть обустраивается да живет себе на здоровье. Новопопеченный землевладелец так и сделал, но весьма оригинально. Он решил использовать подручный материал, которого

под рукой у него оказалось вдосталь, — старую мебель, строительный хлам и прочую рухлядь... И вскоре перед взором изумленных горожан выросло трехэтажное сооружение. Главное его украшение — салон от автофургона — почти новенький. Из окон фургона открывается дивный вид на развалины античного города Волубилис, резиденцию нумидийского царя Югурты. И умный старьевщик намерен сдать третий этаж своей хибары туристам. Некоторые неудобства будут восполняться оригинальностью сооружения.

Вот как только убедить в этом туристов?

КОГДА ГАСНУТ СВЕЧИ

После праздника рождественскую елку можно выбросить или сжечь — так и поступают во многих странах. Но только не в США. В Америке, где ежегодно продается 35 миллионов елок, выращиванием которых занимаются 15 тысяч человек, с ними поступают по-другому — с помощью нехитрого оборудования перемалывают и делают из них материал для покрытия грунта. Фирмы, перерабатывающие елки, забирают их сами или договариваются с мусорщиками, и те — за определенное вознаграждение, конечно, — охотно доставляют деревца к месту переработки. Кроме того, в сборе елок участвуют и скаутские организации.

Однако отслужившие свой век лесные красавицы перерабатывают не везде. Кое-где из них сооружают заграждения от штормовых ветров, а в иных местах используют для укрепления дюн и даже... для улучшения условий обитания рыб — к примеру, в озерах. Так, в штате Колорадо елки опускают на дно водоемов, где водится форель, что, очевидно, привносит в жизнь рыб праздничное разнообразие и, безусловно, способствует увеличению их потомства.

ВОКРУГ СВЕТА

МЯУ! СКОЛЬКО У МЕНЯ НА СЧЕТЕ?

«Немец обезьяну выдумал», — говорили с уважением наши предки. Японцев они не знали. И так, в Японии в прошлом году банковские счета для четвероногих, крылатых и тех, что с плавниками, в перьях, чешуе и шерсти, — клиентов. Было официально объявлено, что Санта-Банк готов незамедлительно открыть счет любому домашнему животному. Ничего особенного для этого не требуется — питомцы должны всего лишь явиться в банк в сопровождении своих хозяев и получить сберегательные книжки, где указываются кличка, возраст и прочие данные ее владельца, а также карточка для денежных автоматов.

Зоопсихологи банка бьются сейчас над проблемой: как внедрить в умы братьев наших меньших финансовое сознание.

САНТА-БАНК

ЛЕКАРЬ ФИНИКОВ

Неподалеку от испанского города Эльче раскинулась огромная роща финиковых пальм — единственная в Европе: до 200 тысяч деревьев. Но вот незадача, в последнее время пальмы отчего-то стали чахнуть и гибнуть. Наверное, из-за неполадок в действии наследственного механизма — во всяком случае, так предполагают специалисты.

Спасти рощу взялся некий Хосе Орте, обозначив фиников и генетик-любитель. Он разработал хитроумную программу исправления генетического кода растений и собирается опробовать ее в оранжерейных условиях — пока. А уж после, когда результаты будут налицо, Орте думает пересадить генетически устойчивые пальмы в открытый грунт. На осуществление оздоровительной программы потребуется лет пятнадцать. А там, глядишь, зашумят по всей Европе финиковые рощи...

ПЛАМЕННЫЙ МОТОР

Недавно в Израиле была проведена операция на сердце. Необычность ее состояла в том, что на операционном столе оказался более чем пожилой пациент — 110-летний бедуин Ниссим Рэхавия. Однако врачи, обследовав старика, были поражены тем, что сердце у него стучало, как у юнши. Одна беда, последнее время отчего-то влруг распалось...

Как бы то ни было, после недолгого пребывания в клинике бедуин напрочь забыл про свой сердечный недуг и как ни в чем не бывало вернулся к прежнему образу жизни и занялся привычным делом — вновь стал пасти коз.

Раздел ведет Л.МИНЦ
Рисунки В.ЧИЖИКОВА

Прошло более полувека с начала второй мировой войны. Сегодня еще живы свидетели этой всемирной мясорубки, жива память у всех, кого хоть какой-то стороной коснулась она.

Владимир СИДОРЕНКО

ПОСЛЕ ТОРПЕДНОЙ АТАКИ

22-я статья Лондонской морской конвенции, подписанной Германией в 1936 году и Советским Союзом в 1937 году, гласила: «Подводная лодка не имеет права потопить или вывести из строя судно, предварительно не обеспечив безопасность пассажиров, команды и судовых документов. Корабельные шлюпки не могут считаться средством, гарантирующим безопасность, если поблизости нет другого судна»¹.

Поздно вечером 3 сентября 1939 года, меньше чем через 12 часов после объявления войны, немецкая подводная лодка U-30 под командованием обер-лейтенанта Лемпа потопила английский пассажирский лайнер «Атения», идущий в США. Не ведая о Лондонском протоколе, из 1500 человек утонули 112 пассажиров. У Лемпа не было ни ненависти, ни злорады при гибели матерей, прижимавших в ужасе к себе тонувших детей. Просто он аккуратно выполнял приказ. Не было угрызений совести и у Гитлера, который объявил: «Англичане сами потопили свою «Атению», чтобы их пожалели добрые американские дядюшки». Такого заявления, по его мнению, требовали интересы нации.

...— Залп! — скомандовал командир Зегерс.

После взрыва, подняв перископ, Зегерс рассмотрел на уходящем в воду транспорт португальский флаг.

— Черт побери! Засадили в нейтрала. Смешно наблюдать, как они забегали после торпедирования. Абордажную партию с ручными пулеметами и автоматами — наверх! Свидетелей нашей ошибки быть не должно!

Из пушки по тонувшему судну всадили для верности несколько снаря-

дов, а затем принялись за людей. Крики убиваемых прямо в лицо, из пулеметов и автоматов, затихли.

«Забавные» для гитлеровских подводников спектакли продолжались.

...Июль 1942 года... От горевшего и погружавшегося в воду торпедированного американского транспорта из арктического каравана PQ-17, следовавшего в Россию, взмахивая веслами, отходили две переполненные людьми шлюпки.

— Разбейте их! — попивая кофе, приказал командир.

Командоры, как на учении, расстреляли шлюпки. Среди покрытых горячей нефтью волн осталось несколько барахтающихся моряков. Одного для забавы немецкая субмарина подцепила на палубу. Черного от мазута, с обожженным, голым черепом, молодого моряка, почти мальчика, рвало темной маслянистой жидкостью.

Позабавившись, командир оставил выловленного на палубе лодки, захлопнул крышку люка и, приказав подвести лодку на перископную глубину, решил двигаться на самой малой скорости.

— Пусть ухватится за перископ. Понаблюдаем за ним и поразвлечем команду, — улыбнулся офицер.

Экипаж по очереди смотрел в окуляры на перекошенное от ужаса лицо юноши, с неумной жадой жизни державшегося за перископ. Одни разглядывали обреченного с любопытством, другие с ухмылкой, а баптист моторист Зигфрид отказался, заявив: «Не божеское это дело издеваться над человеком».

Жестокость продолжалась, пока лодка не ушла на глубину, а измученный юноша, раскинув руки, как распятый Христос, не погрузился в вечную темноту.

...Январь 1945 года. Теперь все изменилось, повернулось, для Германии на 180 градусов. Толпы немцев бегут на запад впереди стремительно наступающих советских армий. Среди руин бывшего большого польского города Гдыни — тысячи жителей и солдат Данцига, привилегированные немецкие чины, многие с семьями, и прифронтовой сброд, ищут пристанища.

Немцы принимают срочные меры для эвакуации окруженных в Курляндии, Земландском полуострове и районе Данцига войск.

В порту Гдыни для широко разрекламированных в тридцатых годах веселых туристических круизов, организованных фирмой «Сила в радости», стоят несколько больших пассажирских лайнеров. Готовятся к выходу «Ганза», «Гамбург», «Дойчланд» и одно из самых совершенных судов, построенное в Гамбурге в 1938 году, девятипалубный «Вильгельм Густлов» водоизмещением 25 484 тонны. Его рестораны, кафе, танцевальный и физкультурный залы, плавательный бассейн, зимний сад и даже церковь были рассчитаны не только на приятные мирские круизы вокруг Европы, но главное, на показ заботы фирмы «Сила в радости» и правительства о трудящихся нацистской Германии¹.

С 25 января 1945 года по приказу командующего военно-морским флотом Германии, ярого фашиста, адмирала Деница, на «Вильгельм Густлов» в первую очередь началась посадка свыше 1300 человек самых преданных и привилегированных нацистов — личного состава школы подводного плавания².

К подводным пиратам Дениц питал особую привязанность с начала войны, еще в бытность командования субмаринами «третьего рейха».

«Вперед, небритые мальчики! Фюрер верит вам, он следит за каждым вашим шагом!.. Атакуйте, преследуйте, топите их всех!» — восклицал Карл Дениц. Он же отдал приказ: «Расстреливать из пулеметов людей, спасающихся после торпедирования судов!»

В голодной Европе немецкие подводники жили как «сыр в масле». Всех командиров лодок Дениц знал по имени, а матросам разрешил называть себя «папой». Возвращавшиеся с походов субмарины встречали толпы народа, гром оркестров. «Героев» сни-

¹ Рассел Э. Проклятие свастики. «Иностранная литература», 1954, с.72-94.

¹ Ross Y. The Greatest Sea Disaster, Our Navy, 1972, v.67; № 9, p.9-11.

² Одноколенко. Командир С-13, «Красная звезда», 1989, 25 марта.

мали на пленку, их выступления транслировали по радио.

В Лориане — базе подводников прошедшим с моря экипажам адмирал Дениц давал девять дней для работы, девять — для разгула и девять — для поездки домой. Роскошные бордели Лориана диким распутством стряхивали ужасы похода. Англичане не раз бомбили Лориан, надеясь накрыть подводных пиратов ночью, когда они разбредутся по бардакам, но «папа» Дениц предусмотрел и эти варианты и вынес публичные дома за город, а фугасные бомбы не пробивали железобетонные навесы, под которыми скрывались субмарины немцев.

...Но вернемся в Гдыню к судьбе «Вильгельма Густлова».

Преподаватели школы подводного плавания — боевые командиры лодок, многие из которых были режиссерами «спектаклей», подобных описанным выше, следили за посадкой курсантов. Никто не предполагал, какие испытания выпадут на их долю в этом недалеком и, казалось, простом рейсе. Ни у кого не возникало даже отдаленной мысли, что из подводных владык моря очень скоро они превратятся в жалких статистов потрясающей драмы.

После погрузки на «Вильгельм Густлов» подводников, военных и торговцев моряков, офицеров СС и СД толпы обезумевших пассажиров, с билетами и пропусками на посадку, бросились к трапам лайнера. Однако ни огромные деньги, ни даже драгоценности, отданные городским властям в качестве взятки за оформление документов на выезд, не гарантировали возможности попасть на судно. Несмотря на старания полиции навести порядок, многие были сброшены с трапов в ледяную воду. На «Густлов» вместо 1800 по норме посадили 8000 человек. Это не считая пробравшихся без билетов и пропусков. В последний момент на лайнер дополнительно погрузили еще 200 раненых солдат.

В порту полицейские высматривали годных к военной службе мужчин. Некоторые из них, переодетшись в женское платье, пытались проникнуть на одно из судов, готовящихся к отходу. «Ганза», «Гамбург», «Дойчланд» и «Вильгельм Густлов» должны были выйти в море в полночь и, собравшись у оконечности косы Хеле, под охраной минных тральщиков следовать вдоль берега на запад. Главную опасность для каравана представляли не мины, а советские подводные лодки, которых неоднократно замечали у Данцигской бухты.

Едва суда собрались у косы Хеле, как на «Ганзе» произошла авария машины, и нужно было время для исправления поломки. Капитан «Вильгельма Густлова» принял решение следовать самостоятельно, поскольку его судно имело слишком большую осадку, и идти прибрежным фарватером вместе с другими судами он не мог. Капитаны остальных судов убеждали его обождать конвой, но «Вильгельм Густлов», отказавшись от про-

тиволодочного зигзага, устремился в роковой для себя рейс.

За месяц до описываемых событий к преподавателю школы подводного плавания Фрицу Бауэру, бывшему командиру субмарины, приехала жена Эльза. Эльза была на шестом месяце беременности, и Бауэр с трудом удалось подыскать ей мало-мальски пригодное жилье в переполненном беженцами городе. Не меньше хлопот досталось Бауэру, чтобы посадить Эльзу на «Густлов», где ему вместе с другим офицером предоставили двухместную каюту.

Уложив дрожавшую от потрясений Эльзу на свою койку, Бауэр вышел на палубу. Все помещения и даже коридоры судна были заполнены людьми. На море штормило, шел снег. Бауэр был далеко не трусом, на своей субмарине атаковал не только беззащитные транспорты, но и военные корабли противника. Однако тогда он выбирал условия трагических спектаклей, надеясь на внезапность и скрытность. Он никогда не задумывался о страданиях людей на торпедированных судах. Ему и в голову не приходило хотя бы один раз поставить себя на их место. В лучшем случае его одолевало презрение к бестолково метавшимся на палубах и отчаянно кричащим трусливым людям, не умевшим не только защитить себя, но и достойно умереть.

Сопровождавшие «Густлов» корабли охраны шли впереди, прикрывая лайнер со стороны моря, наиболее опасного направления возможной атаки русских подводных лодок. Бауэр со своей женой оказался на судне, которое в любой момент могло подвергнуться торпедному удару. Это вызывало у Бауэра тревогу и даже страх.

... Подводная лодка С-13 под командованием капитана 3-го ранга Александра Ивановича Маринеско 21 января в 15 часов вышла по заданию командира дивизиона, капитана 1-го ранга А.Е. Орла в район Данцига. Скрытно перейдя Балтийское море, С-13 более 10 дней находилась в районе Данцигской бухты.

... «С 30 на 31 января», рассказывал легендарный Маринеско, — ночь была темной, ветер 6 баллов, шел снег, температура минус 17 градусов. На мостике, кроме меня, вахтенный офицер — штурман Н.Я. Редкобородов и командир отделения — сигнальщик А.Н. Виноградов.

Сигнальщик первым заметил силуэты кораблей и слабые проблески затаенных огней. Я стал всматриваться в направлении обнаруженного силуэта, но снежные заряды не давали возможности рассмотреть корабль. Когда снег рассеялся, я увидел огромный океанский лайнер. «Уходят от возмездия, под кем горит земля! Надо топить!» Объявил боевую тревогу и стал обдумывать план атаки.

Притопив лодку, чтобы на поверхности оставалась только рубка, Маринеско, пользуясь темнотой, на полном ходу смело прошел по корме конвоя и вышел на параллельный курс между

берегом и преследуемым лайнером. Атака лодки на охраняемые суда со стороны берега часто бывает более успешной, так как противник ожидает нападения главным образом с моря.

... Пока лодка Маринеско маневрировала для атаки, Бауэр с палубы спустился в тепло своей каюты.

— Фриц, — обратилась к нему отогревающаяся Эльза, — твой товарищ Генрих утверждает, будто эти ужасные русские могут нас потопить! Но разве можно нападать на пассажирский лайнер? Ведь это не военный корабль?! А вы торпедировали гражданские суда? — Не только торпедировали, но и по приказам фюрера и «папы» Деница расстреливали спасавшихся из пулеметов.

— Об этом кошмаре я слышала, но не верила, да и газеты писали опровержения на эту тему.

— Не волнуйся, — вступил в разговор Фриц. — В Балтийском море на наших минах подорвались почти все субмарины русских. К тому же, чтобы потопить охраняемый лайнер, нужны не только быстрые подводные лодки, надежные торпеды, но и бесстрашные классные командиры. Насколько мне известно, ничего подобного у русских нет.

— Давно ли мы говорили, будто русские армии уничтожены, а сейчас их войска уже вошли в Германию, и мы без оглядки драпаем от них, — с сарказмом произнес Генрих. — Кроме того, на «Густлове» 1300 подводников, 32 будущих экипажа подводных лодок, это не считая сотрудников СС и СД. Расправившись с нашим лайнером, русские и их союзники спасут немало своих солдат и моряков, а также десятки транспортов, не считая груза.

... Лодка Маринеско обогнала конвой и легла на боевой курс.

В 23 часа 08 минут С-13 выстрелила четырьмя торпедами по лайнеру. Жить «Вильгельму Густлову», переполненному военными преступниками и ни в чем не повинными пассажирами, оставалось меньше одной минуты — время движения торпед от лодки до лайнера.

«... Из залпа четырьмя торпедами в «Густлов» попали три, — вспоминал Маринеско. — Одна взорвалась у фок-мачты, вторая в районе машинного отделения, третья у грот-мачты. Лайнер с дифферентом на нос и с креном на левый борт стал погружаться в воду».

К тонувшему «Густлову» бросились корабли охраны для спасения людей. С-13 срочно погрузилась и на глубине 30 метров пошла на север.

Теперь, по впечатлениям очевидцев, расскажем, что творилось на «Густлове» после торпедирования¹.

Первая торпеда взорвалась перед мостиком. Удар был очень сильный, но лайнер не потерял хода. Через несколько секунд второй взрыв потряс судно, и «Густлов» остановился. После третьей торпеды всюду погас свет.

¹ R o s s Y. The Greatest Sea Disaster, Our Navy, 1972, v.67, № 9.

Людей охватил панический ужас. Топча друг друга, многие мужчины, бросив семьи, вырвались на верхнюю палубу. Вслед за мужчинами из внутренних помещений пытались выбраться женщины с детьми.

«Густлов» красными ракетами и по радио дал сигнал бедствия. Надо сказать, что радисты «Густлова» не покинули судно до конца.

На верхней палубе часть экипажа лайнера с pistolетами пыталась остановить натиск перепуганных пассажиров, бросившихся к спасательным шлюпкам. Предупредительные выстрелы вверх не дали результата. Тогда стали стрелять в толпу. Несколько человек упало на палубу, но обезумевших людей было не унять.

... Бауэр накинул на дрожащую Эльзу свою шинель и, крепко прижав к себе, не пуская ее в салку. «Времена меняются, — неожиданно подумал Бауэр. — Теперь русские с уважением, а может, и презрением могут смотреть на немцев, не сумевших защитить себя и достойно умереть!»

Между тем крен «Густлова» неумолимо возрастал и достиг 26 градусов на левый борт. Забраться в вываленные шлюпки с этого борта было нельзя. Шлюпки правого борта лежали на корпусе, и спустить их на воду возможности не было. Несмотря на это, бесполезные шлюпки были забиты до отказа обезумевшими пассажирами. Положение осложнялось штормовой морозной погодой, вызвавшей не только обледенение шлюпбалок и талей, но и самих шлюпок. Две переполненные шлюпки левого борта застряли на пути между палубой и поверхностью воды. Боясь, что накренившийся лайнер вот-вот перевернется, люди бросались с этих шлюпок в ледяное море, которое могло сохранить им жизнь всего на несколько минут.

Через полчаса после торпедирования «Густлов» еще был на плаву, но крен увеличился до 40°, кричать и суетиться сил у пассажиров больше не было, и паника улеглась. Кроме того, капитан успокоил их, сообщив, что на помощь «Густлову» идут спасательные суда. Едва к тонувшему гиганту подошла десантная баржа, как на лайнере под напором воды разорвало ослабленные взрывами водонепроницаемые переборки и море свободно хлынуло в нижние помещения. Аварийная команда, работавшая внизу, оказалась в ловушке. Вместе с ней погибло более двух тысяч человек.

Когда крейсер «Адмирал Хиппер» и миноносец приблизились к тонувшему лайнеру, их радиолокационные приборы обнаружили вблизи подводную лодку. Было решено — крейсер «Хиппер» оставит лайнер, а спасением людей займутся миноносец и десантная баржа.

Командир миноносца приказал спустить шлюпки. Однако, как и на «Густлове», снасти шлюпок покрылись льдом, и матросы неистово отбивали с

них лед. Неожиданно на левашем на борту «Густлова» зажегся свет. Пассажиры и моряки продолжали цепляться за обледеневшие выступы судна. Многие срывались в море. Сотни замерзающих людей барахтались у борта лайнера. Ветер и волны все плотнее подгоняли к «Густлову» баржу и миноносец. Когда корабли столкнулись, множество людей, попавших между ними, были раздавлены. Команда баржи отчаянными усилиями, шестами и веслами пыталась оттолкнуться от «Густлова», но пересилить ветер не смогла. В этот момент в трюмах лайнера послышался сильный треск, и, сверкая огнями, он быстро погрузился в воду. Баржа подбирала людей из воды — большинство были мертвыми.

Миноносец тоже спасал людей, пока его командиру не сообщили о приближении русской подводной лодки. Рисковать жизнью команды и 500 спасенных человек командир не мог и на полном ходу отошел от места катастрофы. Во время отхода в его кильватерной струе были обнаружены две торпеды, от которых он с трудом уклонился¹. Миноносец и баржа оставили после себя сотни мертвых и живых, с отчаянием цепляющихся за все, что могло продлить им жизнь.

... Спасательные корабли доставили на остров Рюген и переправили на госпитальное судно около 900 человек. Многие из них сразу же скончались от переохлаждения.

Официальных списков погибших не осталось. На борту «Густлова» было немало безбилетных, однако, по многим данным, утонуло не менее 7000 человек².

... Кто-то из спасшихся видел Бауэра и Эльзу. Они, обнявшись, стояли на палубе до конца. Наверное, все еще надеялись, что спасатели их снимут. Эльза не выдержала бы и трех минут в ледяной воде. Дальше можно делать только предположения. Когда они очутились в обжигающей холодом пелене, Эльза скончалась почти сразу. Плотный Бауэр, к тому же в двойном теплом шерстяном белье подводника и кителе, еще продолжал жить. Но недолго. Вечность истины коснулась Фрица. Сперва он мог подумать, что не напрасно жил, и, будто предчувствуя гибель жены и будущего ребенка, заранее мстил за их смерть. Но потом мог решить, что это — вздор. Разве можно мстить заранее? Мстить вообще. Если война страшна для всех воюющих сторон.

¹ По архивам ВМФ Маринеско больше не атаковал ни «Густлов», ни его спасателей, а других наших лодок там не было.

² За этот поход Маринеско еще потопил военный транспорт «Генерал Штойбен» водоизмещением 14 660 тонн с 3600 солдатами и офицерами.

Сам себе Робинзон

В книге «Старинная русская хозяйка, ключница и стряпуха» есть такой рецепт заготовки впрок такого овоща, как

РЕПА.

«Облупить с репы кожу и искрошить ее в тонкие слойки; потом положить одной слой в кадочку, пересыпать солью с тмином и сие продолжать до тех пор, покамест кадочка не будет полна. После того налить воды столько, чтобы она покрыла верхний слой. Наверх покласть капустных листьев и, накрывши чистой ветошью, положить круг и камень и поставить в погреб». По свидетельству автора, эта заготовка может всю зиму служить отличной овощной заправкой в суп. Да и мясо с ней тушить вполне стоит.

БАКЛАЖАНЫ. На юге их называют «синенькими». Хозяйки знают множество самых разнообразных рецептов, как их засолить и законсервировать. К примеру, синие баклажаны нарезают тонкими ломтиками и солят, чтобы удалить горечь. Через 2—3 часа кусочки пережаривают на растительном масле, складывают в банку, переслаивая петрушкой, лавровым листом, черным перцем и другими пряными кореньями. Баклажаны обычно разбухают, поэтому посудину ими не наполняют доверху. Подготовленные овощи заливают смесью из двух частей уксуса, одной части растительного масла и соли по вкусу.

Иногда же выбирают средней величины молодые баклажаны, нарезают их ломтиками, подсаливают и оставляют на ночь под легким прессом. Наутро хорошо перемывают, процеживают и жарят на подсолнечном масле, пока не покраснеют с обеих сторон. После этого складывают в стеклянную или эмалированную посуду, размещая между слоями тонкие ломтики лимона и петрушку. Сверху заливают подсолнечным или оливковым маслом. Приготовленные таким образом баклажаны имеют вкус сардинок.

Молодые баклажаны рассекают с четырех сторон, опускают в кипящую соленую воду, кипятят 1 — 2 минуты. Затем наполняют начинкой — крупно нарезанным чесноком, петрушкой и морковью. Завязав баклажаны, скажем, веточкой сельдерея, их перекладывают в глиняную посуду, подсаливают, заливают уксусом и оставляют под легким гнетом. Но, наверное, самая вкусная вещь — это баклажанная икра. Баклажаны сначала пекут и разминают или прокручивают на мясорубке. Посыпав солью и черным перцем, добавляют уксус. Затем икру выкладывают в стеклянную посуду и заливают маслом. Хорошо завязанные банки держат в холодном месте. Икру также можно приготовить, пережаривая вместе на растительном масле баклажаны, помидоры, перец и лук. Это будет икра на болгарский лад. Она хорошо хранится, только надо заливать ее сверху небольшим количеством подсолнечного масла и завязывать пергаментной бумагой.

Для приготовления консервов крупные баклажаны перебивают и нарезают кружками. Потом их опускают на 10 минут в кипящую воду, в которую добавлены 1 ложка соды и 1 ложка соли (на 4 л воды). После охлаждения баклажаны складывают в консервные банки и заливают сверху рассолом (20 г соли на 1 л воды). Банки герметически закрывают или завязывают и кипятят в водяной бане 2 часа.

Хорошо получаются и сушеные баклажаны. Их нарезают тонкими ломтиками и подсаливают. Продержав минут двадцать, баклажаны хорошо перебивают и кипятят несколько минут. После этого сцеживают, остужают и сушат.

СЛАДКИЙ ПЕРЕЦ — не менее южный, чем баклажаны, овощ. Однако очень популярен в России, хотя, конечно, меньше, чем у южных огородников. Едва ли можно представить народную кухню наших южан без перца. В виде салатов, различных добавок и приправ к первым и вторым блюдам он круглый год не покидает обеденный стол. Красный перец ценнее, чем зеленый. В некоторых сортах красного перца содержание витамина С в три раза выше, чем даже в лимонах.

Вот простой и надежный способ засолки перца. Стручки разрезают на две части, очищают от плодоножек и семян, промывают и складывают в емкость, пересыпая солью. Сверху кладут гнет. Если сока будет недостаточно, добавляют рассол. В течение зимы перец, который нужен для еды, отмачивают — можно даже оставить в холодной воде на ночь. Некоторый запас отмоченного перца можно какое-то время хранить в холодном месте. Перец также можно засаливать целиком, вкладывая стручки один в другой.

Хотите иметь в зимнее время отличный салат? Воспользуйтесь следующим рецептом. Мясистый перец сначала пекут, потом удаляют плодоножки и семена, складывают в глубокую посуду и заливают уксусом. Через сутки перец вынимают из уксуса, от-

жимают и складывают в банку. Немного посыпая каждый ряд солью, черным перцем, лавровым листом. Когда банка наполнится, залейте ее растительным маслом, плотно завяжите пергаментной бумагой или целлофаном. Держите в прохладном месте.

Еще два рецепта. Перец обжаривают, обильно поливая растительным маслом, и складывают в банку вместе с пряностями. Уложенный перец можно сверху прижать виноградной лозой. Содержимое посуды заливают холодным рассолом, приготовленным из воды и уксуса в таких пропорциях: 4 — 4,5 л уксуса, 8 л воды, 0,5 кг соли. Сверху льют масло, в котором жарился перец.

8 кг мясистого красного перца моют и очищают от семян. Потом перец небольшими порциями опускают в смесь, которая состоит из 2 л уксуса, 1 л воды, 1 стакана растительного масла, 1/4 кг соли. Когда смесь закипит, перец вынимают, остужают и перекладывают в банку, пересыпая кружочками хрена. Сверху кладут гнет и заливают остуженным рассолом. Банку завязывают куском полотна и хранят в холодном месте.

В болгарской народной кулинарии сладкий перец занимает особое место. Вот один из рецептов консервации перца с другими овощами, взятый из болгарской хозяйственной книги, где он упоминает под названием «златицкое квашение»: «Берем перец, синие баклажаны, зеленую фасоль, морковь, сельдерей, мелкие огурцы, арбузы, дыни и красную капусту, которую режем на четвертинки.

Перец перебиваем и оставляем с хвостиками, не накалывая его, синие баклажаны нарезаем дольками; зеленую фасоль, если она старая, парим кипятком, а если очень молодая, парить не следует. Остальные овощи выкладываем рядами до тех пор, пока не наполнится посуда. Рассол готовится из 2/3 воды и 1/3 уксуса, лаврового листа, душистого перца, черного перца и соли по вкусу. Заливаем кипящим рассолом».

Перец можно хранить и сушеным. Для этого его стручки промывают, удаляют семена, нарезают на части. Потом отваривают в течение 3 — 4 минут, охлаждают и сушат на солнце.

ФАСОЛЬ. Обычно нет проблем с хранением и использованием зрелой фасоли. А как быть, если она не успела вызреть? Опытная хозяйка легко управится с заготовкой впрок молодой зеленой фасоли. Очищенную и вымытую зеленую фасоль обваривают кипятком и после просушки выкладывают в банку или глиняную посудину. Охлажденным рассолом (1 кг соли на 4,5 л воды) полностью покрывают фасоль. Сверху размещают вымытые виноградные листья или листья черной смородины, чистую тряпицу и гнет. Зимой при употреблении фасоль предварительно замачивают в холодной воде и тщательно промывают.

А если вы хотите зеленую фасоль высушить, то ее надо парить в кипя-

щей воде в течение 5 минут. Затем вынуть из кипятка и просушить в тени. Храните в сухом и проветриваемом месте.

ГОРОХ. Где фасоль, там и горох. Его собирают в зрелом возрасте, а можно заготавливать и совсем молодым, зеленым, в сладкой питательной оболочке-стручке. Раньше каждая крестьянская семья стремилась создать домашний запас гороха. «Горох та капуста — хата вже не пуста», — говорили в народе. «Сушка зеленого горошка может составить хорошее занятие для работающей семьи», — писал один из авторов наставления для огородников. В книге С.Шарапова «По русским хозяйствам», которая была издана в конце прошлого века, подробно описана технология сушки зеленого горошка, впервые примененная ярославскими огородниками. Свежие неспелые стручки лушили, освобождая семена, после чего горошек в ивовых корзинах помещали в котел с кипящей водой. Там держали корзины минуты четыре, пока горох не всплывал, окруженный желтоватой пеной. Его прополаскивали в свежей воде и рассыпали на лежанке протопленной печи. За ночь он высыхал. Очищенный и освобожденный от шелухи горох промывают, заливают холодной водой и ставят на огонь, добавив на каждый литр воды по пол-ложки сахара. Горох варят в течение получаса, а затем охлаждают, укладывают в банки и заливают тем соком, в котором он варился. Посуду с горохом герметически закупоривают, опускают в кипящую водяную баню и варят около 30 минут. Таким же способом можно законсервировать горох и в бутылках.

КУКУРУЗА — о ней тоже стоит сказать хотя бы два слова. Хоть и не прижилась она так, как хотел один из кремлевских мечтателей. Вот два способа заготовки впрок кукурузных початков.

Совсем молоденькие початки с неформившимися зернами укладывают плотно в емкость, переслаивая кукурузными листьями, и заливают рассолом с добавкой уксуса и пряностей. А китайцы заготавливают на зиму высушенные на солнце вареные кукурузные початки. Очень неплохой способ — главное, вкусно.

В.СУПРУНЕНКО

Рис. А.ШТЫХИНА

Рис. В.ХОМЯКОВА

Пьер БУЛЬ,
французский писатель

ЭНЕРГИЯ ОТЧАЯНИЯ

Главы из романа

Часть пятая

АЛИКС И МАРК

I

Мне так и не удалось узнать, в чем конкретно состоял принцип действия электрошока, необходимый, по утверждению Трувера, для подготовки будущих полтергейстеров. Впрочем, сущность метода представить было несложно. Однако я уже успел потерять всякий интерес к изобретению профессора, хотя сам он, похоже, был готов говорить о нем бесконечно. Подсознательно я отнес изобретение Трувера к категории самых безумных творений человеческого разума, достойных не восхваления, а самого строгого осуждения.

После нашей последней беседы я думал лишь об одном — скорее бежать из этого проклятого места, где правит сумасшедший, злой гений, готовящий неминуемую гибель роду человеческому; бежать, чтобы своим скромным авторитетом журналиста всколыхнуть общественное мнение и во что бы то ни стало помешать осуществлению безумных планов. Единственно, что меня еще удерживало, — это чисто журналистское любопытство, желание получить новые доказательства замысленных злодеяний, тем паче что на другой день профессор сам пришел ко мне и ликующе объявил:

— Итак — завтра. Все готово. Это будет нечто грандиозное. Оба наших уникама в прекрасной форме. Аликс еще раз дала слово быть умницей. Марк — тоже. Я знаю — они сдержат обещание. И техника не должна подкачать. Аппаратура усилена настолько, что теперь станция может принять больше энергии, чем они могут дать.

Энергия, энергия психическая, энергия полезная... мощность, мегаватты — твердил он без умолку, и в его устах это звучало как величайшее достижение человеческого разума. Непомерное тщеславие — вот что заставило Трувера вклю-

Окончание. Начало см. в № 10, 11/93.

чить Аликс и Марка в свою чертову цепь, поместив их друг против друга на последних этажах корпусов Д и М в надежде получить какие-то умопомрачительные результаты.

Умопомрачительные — что правда, то правда! Очередной шаг профессора грозил обернуться последствиями, которые не мог предвидеть даже его неукротимый гений. И я, как невольный свидетель последующих событий, следивший за их развитием сначала с ужасом, а потом с восхищением и посвятивший изучению случившегося не один месяц, увидел в цепи всех событий определенную закономерность, берущую начало в странной, непостижимой и, быть может, даже сверхъестественной логике, существование которой на первый взгляд просто невысказано, но тем не менее существующей. В этой закономерности я разгадал всего лишь несколько составляющих, означавших для меня своего рода вехи в ходе всех прошлых и грядущих событий. Иногда эта абстрактная закономерность представлялась мне в виде вполне конкретного образа — крепкого древа со множеством ответвлений, однако я далек от полного постижения глубокого смысла этого странного, но реального образа, ибо не знаю, можно ли вообще говорить о каком-то смысле и реальности случившегося вскоре.

Перед тем как поставить точку в моих неумелых умозрительных построениях и приступить к подробному описанию событий, ознаменовавших следующий день, я считаю своим долгом сказать следующее. Все, чему я стал свидетелем, произошло наяву. В этом я твердо убежден, особенно после долгих размышлений о случившейся трагедии, показавшейся сначала просто невероятной. Подтверждение тому я получил совсем недавно, в беседе с одним из государственных чиновников, занимающих высокий пост в промышленной сфере. Оказалось, что в свое время он имел прямое отношение к изобретению Трувера. Чиновник принадлежал к ограниченному числу людей, посвященных в этот эксперимент и давших добро на его осуществление.

В разговоре с ним я вскользь упомянул об открытии, сделанном одним моим старым приятелем. После короткого колебания чиновник признался, что знал его лично и считал великим ученым и самым видным советником ЭДФ, чье открытие должно было произвести переворот в промышленности. Поскольку мы беседовали в довольно многолюдном баре, мой новый знакомый поспешно увлек меня в сторону и попросил говорить как можно тише, видимо, не желая быть случайно подслушанным. Впрочем, неудивительно: из его слов я узнал, что профессор Трувер, как выяснилось, действительно стоял на грани преступления, лежащего за всеми мыслимыми пределами человеческой этики. И я был в совершенно здравом уме, называя заступником профессора Трувера чистым безумием.

В тот зимний день туман, как бы стараясь предотвратить недоброе с самого раннего утра, окутал густой промозглой пеленой психиатрическую больницу, растежавшей ее маленьких обитателей, облепивших решетки и просунувших сквозь них руки. Но профессор Трувер все же решил начать эксперимент, призванный, по его расчетам, повысить производительность психонергетической установки. Опасения Марты, настаивавшей на том, чтобы продлить обработку Аликс и Марка, его несколько не убедили, и он распорядился снова вживить их в сердце своего детища — активную зону станции.

После полудня Трувер дал сигнал начинать и занял место на контрольном пункте, расположенном перед входом в блок преобразователя. Оттуда по лишь одному ему понятным показателям расставленных в ряд замысловатых приборов профессор мог следить за ходом эксперимента и даже управлять им, нажимая на кнопки панелей и приводя в действие какие-то ручки и рычажки. Он устроился за пультом перед столом, где попеременно вспыхивали световые схемы и разноцветные сигнальные лампочки.

Когда на электрощите, связанном с оперативным пунктом управления, вспыхнул сигнал, Трувер бросил взгляд на двух сотрудников ЭДФ, сидевших рядом с ним за пультом, начиненным всевозможными хитроумными устройствами, позволяющими следить за поступлением полезной энергии в электроприемник преобразователя.

Помимо всего прочего, на контрольном пункте имелся большой телеэкран, с помощью которого, как и с высоты смотровой площадки, можно было наблюдать за происходящим в обоих корпусах. Были там мониторы и поменьше, показывающие вплоть до мельчайших деталей все, что творилось в палатах и коридорах, куда гурьбой высыпали девочки и мальчики. Каждый пост был оснащен системой звуковой сигнализации, реагирующей на малейший посторонний шум.

Трувер предложил мне составить ему компанию и посмотреть, как будет проходить эксперимент. Он показал мне прибор, позволявший прямо отсюда, из пункта управления, наблюдать за работой и приводить в действие все пружины установки.

— Все будет хорошо,— заявил он, усаживаясь за пульт.

— Да услышат тебя на небесах, экспериментатор чертов,— пробормотал я.

Меня терзали самые мрачные предчувствия. Я предполагал, что новый эксперимент сопряжен с большой опасностью, и слова Марты, с которой я беседовал незадолго до этого, лишний раз подтвердили мои опасения. Препоклонясь перед гением профессора, доктор его уверенности не разделяла и неоднократно предупреждала о преждевременности его действий.

— Он слишком торопится,— призналась она непривычно взволнованным голосом.— Аликс с Марком еще не образумились, хоть и обещали вести себя смиренно. Я поняла это, как только сняла с них электроды,— во взгляде все то же упрямство. К тому же они знают друг друга, а это нечто совершенно новое — такого еще никогда не было. И чем это может закончиться — мы все недавно видели. У Аликс определенно есть дар к ясновидению. Думаю, есть он и у Марка. Они способны общаться и понимать друг друга на расстоянии. И кто знает, что может взбредить им в голову?

Марта даже осмелилась просить Трувера отсрочить эксперимент. Однако в ответ профессор лишь пожал плечами и, снисходительно усмехнувшись, потребовал, чтобы она замолчала.

— Гляди,— обратился ко мне профессор, потирая руки,— еще не вечер, а уже такое напряжение. Это — время «Ч». Вот-вот появится Аликс.

Мы оба смотрели на один из телеэкранов, показывающих происходящее в коридоре на последнем этаже корпуса Д. И тут я заметил Аликс — Марта подвела ее к палате, которую девочка вопреки правилам о перемещении пациентов с этажа на этаж никогда не покидала, и они остановились на том самом месте, где я часто ее видел. Мне показалось, Марта что-то сказала девочке — видимо, дала последние наставления, однако расслышать ее слов я не мог.

Потом психиатр оставила девочку одну. И Аликс, как обычно, встала возле решетки, устремив взгляд прямо перед собой — в сторону корпуса М, где на прошлой неделе во время первого эксперимента находился Марк.

Я был немного разочарован. Ничего особенного не случилось. Стрелки на обоих ваттметрах, разгоравшихся время от времени, чуть заметно вздрогнули, а свет во всех помещениях вдруг слабо замигал, как это иной раз случается во время грозы, но продлилось это секунд пять-шесть, не больше. Однако через несколько минут стрелки ваттметров, подрагивая, медленно, но неумолимо поползли вверх, к отметке двадцать мегаватт, на которой остановились в прошлый раз.

Трувер одобритительно кивнул и слегка нажал на какую-то рукоятку.

— Для начала неплохо,— заметил он.— Мощность потихоньку увеличивается. Я знал. Сейчас она сосредоточивается на электричестве. Послушай: почти никакого шума. Потери самые минимальные. КПД превосходный. Bravo, Аликс, молодчина!

Что правда, то правда. Если утром, быть может, из-за тумана, целиком поглотившего больницу, в корпусах раздавался довольно громкий стук, то теперь, когда Аликс вернули на прежнее место, воцарилась тишина, лишь изредка

нарушаемая редкими, как бы случайными ударами в стены. Стрелки обоих ваттметров показывали все то же значение. Трувер оказался прав. Аликс покорилась. Она полностью сосредоточилась на электричестве. КПД приблизился к ста процентам. «Молодчина, Аликс», — проговорил я следом за профессором, только с горечью и досадой в голосе. И смирилась она, похоже, совершенно добровольно: взглянув на экран, я заметил улыбку на ее лице.

— Это только начало, — пояснил Трувер. — То ли еще будет!

Он снял телефонную трубку и велел Марте проводить Марка в отведенную ему палату. Доктор, очевидно, что-то возразила в ответ, потому как Трувер тут же насыпился.

— Делайте, что говорят, — властным тоном отрезал он.

И немного погодя на одном из экранов я увидел, что Марта повела Марка на последний этаж корпуса М. Потом, как и в случае с Аликс, дала ему последние наставления и ушла. Мальчик замер возле решетки в том же положении, что и Аликс, и устремил взгляд на свою подругу. Лицо его тоже лучилось улыбкой — сейчас я разглядел это довольно четко.

Но и на сей раз, уже после включения Марка в цепь, как и в случае с Аликс, ничего необычного не произошло, только ненадолго замигал свет и стрелки обоих ваттметров, вздрогнув, медленно-медленно отклонились к более высокой отметке. Единственно, что меня поразило, так это тишина, воцарившаяся в обоих корпусах. А Трувер между тем удовлетворенно кивал головой.

— Он тоже сосредоточился на электричестве, — ликующе заметил профессор. — Молодец, Марк! Умница, Аликс! Ты только погляди, только послушай, как они действуют на остальных.

Вслед за тем беспорядочный стук, повторившись раза три или четыре через долгие промежутки времени, вдруг разом прекратился, и теперь в сердце психоэнергетической станции наступила полная тишина. Ни стога, ни вздоха. Мальчики и девочки последовали примеру Марка и Аликс. И все как один замерли у решеток, обратив взоры друг на друга.

— Они все сосредоточились на электричестве, — снова пояснил Трувер. — И мощность растет. Но это только начало — я жду гораздо большего.

Стрелки ваттметров перемещались не так быстро, как отмерявшие минуты и часы. И я, сгоравший от нетерпения увидеть некое грандиозное, впечатляющее зрелище, вместе с тем страшился его и испытывал все большее чувство разочарования и досады.

— Это всего лишь раскрутка, со временем тут такое будет... — я все рассчитал. Терпение, дружище, терпение!

Прождав примерно с час, я обнаружил, что стрелки обоих ваттметров поднялись на два-три мегаватта, однако двигались они так медленно, что постоянно следить за их ходом было нелегко. В конце концов, устав ждать, я вышел из пункта управления и отправился прогуляться в парк. А через час снова вернулся. Сейчас стрелки приборов показывали мощность порядка двадцати пяти мегаватт.

Так, в томительном ожидании, я провел всю вторую половину дня: взглянув ненадолго в пункт управления, я равнодушно смотрел на показания приборов и снова выходил наружу, тут же растворяясь в густом тумане, который и не думал рассеиваться. Когда наступила ночь, я в последний раз зашел в ПУ. И как раз в это время события начали развиваться значительно быстрее.

II

— Мощность растет прямо на глазах! — воскликнул Трувер, увидев меня.

Он не покидал свой пост с самого начала эксперимента. Причину его восторга понять было нетрудно. Ваттметры показывали пятьдесят мегаватт.

— Слышишь — пятьдесят! Я думал, это потолок, хотя

и не был уверен. И есть все основания полагать, что это еще не конец.

В самом деле, до конца было еще далеко. Стрелки немудимо ползли вверх — теперь это можно было заметить без особого труда. Почувствовав, что скоро должно случиться нечто необычайное, я решил остаться в ПУ. Бросив взгляд на большой экран, на котором, когда освещение сделалось ярче, Аликс и Марк показались сразу оба, я отчетливо разглядел, что теперь их лица не просто улыбались, а лучились торжествующей радостью. Они явно что-то задумали, однако, прежде чем приступить к осуществлению задуманного, им понадобилось какое-то время, чтобы зрительно и мысленно настроиться в нужный резонанс.

И еще я заметил, что тысячи рук, просунутых сквозь решетки, больше не извивались в тревоге, как прежде, а застыли, словно в мольбе и надежде. И вместо предчувствия у меня вдруг появилась твердая уверенность, что в сердце этого огромного психоэнергетического организма зарождается какая-то невероятная, непостижимая сила.

— Неслыханно! — возликовал Трувер. — Пятьдесят пять мегаватт. О таком я и не мечтал.

Мы оба не могли оторвать глаз от стрелок чудовищных ваттметров, продолжавших подниматься все выше и выше и с каждой секундой все быстрее и быстрее. Вот они достигли отметки шестьдесят и, похоже, намеревались ползти дальше. От радости Трувер даже вскрикнул, издав звук, похожий на кудахтанье.

В то же время заметно изменился и световой цикл. Теперь он развивался с невероятной скоростью, а сам свет сделался настолько ярким, что уже буквально слепил глаза. Пока все шло, как и неделю назад.

С той лишь разницей, причем весьма существенной, — и Трувер не преминул обратить на это мое внимание, — что сейчас не было страшной какофонии — грохота, взрывов, громовых раскатов. В обоих корпусах по-прежнему стояла непонятная тишина. И единственным признаком, что там, внутри, находились живые души, было непрерывное нарастание мощности электрической энергии. А человек, управлявший этим таинством, сидел как на иголках, взлохмаченный, в рубашке с расстегнутым воротом, и чуть ли не трясся в приступе безудержного восторга. Он то лихорадочно давил на кнопки, то в неистовом упоении потирал руки.

— Семьдесят мегаватт! — проорал он. — Аликс и Марк просто чудо. Ведут себя — лучше не придумаешь. Они сдержали слово — вся их энергия сосредоточена только на электричестве, исключительно на нем одном.

И вдруг царившую в корпусах тишину, будто в подтверждение его слов, нарушил странный гул, докатившийся эхом и до нас. Поначалу я решил, что мне просто послышалось. Но нет, ошибиться я не мог. Окинув взглядом экраны, я увидел, как губы тысячи маленьких обитателей психушки одновременно, словно по команде, зашевелились и дети принялись скандировать магическое слово «Э-ЛЕК-ТРИ-ЧЕС-ТВО» — сначала тихо и нареспев, как рефрен церковного гимна, а потом громко и резко, чеканя каждый слог и издавая при этом звук, похожий на знакомый мне скрежет громкоговорителей, так поразивший меня в изоляторе.

Я посмотрел на Трувера. Профессор немного утомился. Его восторг теперь выражался иначе. Он сидел словно зачарованный, его губы, безмолвно шевелясь, повторили следом за детскими устами заветное заклинание, лицо озарилось блаженной улыбкой, а голова склонилась то влево, то вправо — в такт припеву.

— Какая великолепная слаженность! — пробормотал он. — Они все думают об одном и том же. Это Аликс с Марком их настроили. Молодцы, мальчики! Умницы, девочки!

В это мгновение мне даже показалось, что на глазах профессора выступили слезы умиления.

Однако немного спустя хор стих, и корпуса снова погрузились в тишину.

А мощьность между тем продолжала расти все быстрее и быстрее. Стрелки, перевалив за отметку восемьдесят, поползли вверх, миновали отметку девяносто и наконец замерли на цифре сто, допустимом максимуме обоих циферблатов. Тем не менее двое электриков, находившихся в соседнем помещении, сообщавшемся с блоком преобразователя, явно не разделяли оптимизма своего начальника. Они оба с озабоченным видом склонились над измерительными приборами, в их жестах ощущалось заметное беспокдойство, и они то и дело докладывали профессору о своих опасениях. С места, где я стоял, хорошо было видно, что стрелки измерительных приборов начали себя вести странно.

— Профессор, идет перегрев! — вдруг воскликнул один из них.

У меня также складывалось ощущение, будто творится что-то неладное. Температура постепенно, но заметно возрастала. Следом за тем из пульта Трувера вырвалась струйка дыма, легкого и прозрачного, как пар; в соседних отсеках происходило то же самое. Облако дыма сгустилось и над знаменитым преобразователем — установкой, точно живой организм, не выдержавший чрезмерной нагрузки, задыхалась от перегрева.

И тогда я впервые увидел, как была поколеблена самоуверенность Трувера и его оптимизм уступил место тревоге. Профессор принялся нажимать на кнопки и дергать ручки, сиюсь приостановить неумолимый рост мощьности.

На это у него ушло лишь несколько секунд, однако теперь события развивались с неудержимой быстротой — управлять процессом уже стало невозможно. Из чрева пультов, установленных в ПУ, поочередно повалили клубы дыма, стрелки приборов заходили ходуном, и в помещении станции запахло паленой резиной.

Мой взгляд лихорадочно метнулся в сторону корпусов, где висели ватметры, и я с удивлением обнаружил, что они ведут себя совершенно по-разному. Стрелка одного из них, размерами поменьше, показывающего мощьность психической энергии, достигла крайнего предела шкалы и застыла в полной неподвижности. Она прилипла к внутренней стенке прибора, словно стремясь слиться с нею. И опять, как неделю назад, у меня появилось ощущение, будто приборы ведут себя словно живые существа: стрелка этого ватметра, отчаявшись бороться с возникшим на ее пути препятствием, замерла как бы в бессильном отчаянии.

Я стал наблюдать за поведением более крупного ватметра, показывающего электрическую мощьность, и у меня сложилось точно такое же впечатление — будто передо мной живое чудовище. Но этот прибор, как и в прошлый раз, буквально лихорадило, но только еще более яростно. Достигнув предельной отметки шкалы, его стрелка отскочила назад, словно чтобы взять разбег, после чего снова рванулась вперед и на всем ходу врзалась в металлическую обшивку прибора. Она проделывала это неоднократно, и с каждым разом все более жесточно. Я чувствовал, что долго перед таким натиском не сможет устоять ни один материал, сколь бы прочным он ни был. И предчувствия меня не обманули. После пяти или шести безуспешных попыток стрелки одолеть железную преграду ватметр разлетелся на куски. Он взорвался со страшным грохотом, как бомба, разметая в ночи огромные искры наподобие гигантского фейерверка.

Равномерное чередование света и тени нарушилось — отныне все было озарено ярким сиянием, позволявшим до мельчайших деталей разглядеть происходившее в корпусах. Я увидел, как рядом с Аликс неожиданно возникла Марта — она тщетно пыталась увести ее от зарешеченного окна. Девочка, казалось, вросла в решетку и даже не шелохнулась; она не отрывала своего взора от Марка.

Эту картину я наблюдал всего лишь несколько секунд. Оторвавшись наконец от экранов, я обнаружил, что атмосфера внутри станции также накалилась. Все было окутано пеленой едкого дыма, сквозь которую еще можно

было разглядеть стальной корпус преобразователя. От сильной температуры его обшивка приобрела красноватый оттенок, а шланги и трубки вдруг начали корчиться и извиваться, как клешни чудовищного омара, опущенного в гигантский котел с кипящей водой. И тут я услышал, как Трувер запричитал точно одержимый:

— Какая мощьность! Какая энергия! Разве эдакую силу теперь сдержишь? И кто мог подумать, что случится такое!

Профессор стоял, согнувшись над рычагом прибора, похожего на выключатель, очевидно, связанный с каким-то важным блоком установки. Он давил на рычаг обеими руками, но тот никак не поддавался.

— Помоги! — крикнул он мне.

Я не шелохнулся и остался стоять на месте как вкопанный — не от страха, мне уже не было страшно, а под парализующим действием странного, необъяснимого злорадства, охватившего меня в тот миг, когда я понял, что дьявольский, суливший небывалый успех эксперимент неминуемо должен обернуться катастрофой. Один из помощников Трувера, услышав его крик, бросился на ручку профессору и тоже попытался надавить на рычаг выключателя.

Но не успели его руки коснуться рычага, как случилось то, что я и предвидел. Поскольку профессор с помощником держались за железный предмет, на них внезапно со всех сторон посыпались снопы искр, и следом мощьный электрический заряд прошел по их телам, и оба секунду другую сверкали как бы изнутри. Вслед за тем к потолку взметнулись длинные языки пламени — оно разгоралось с молниеносной быстротой, пожирая все на своем пути. И тогда я увидел профессора Трувера в последний раз: он неподвижно лежал рядом с бездыханным телом своего помощника — их обоим убило током.

Другой помощник бросился наутек. Я последовал его примеру. Жар стал невыносимым. О том, чтобы извлечь тела Трувера и его напарника из этого пекла, не могло быть и речи. Впрочем, и сейчас я не испытывал к профессору ни малейшей жалости. Трагическая смерть создателя пыток была заслуженной карой, низвергнутой на его голову Провидением, чье обостренное чувство справедливости иной раз граничит с желанием потешиться над своей жертвой. Что же касается помощника Трувера, безропотного свидетеля многочисленных преступлений, совершенных у него на глазах, то он понес наказание как их соучастник.

Выйдя из станции, я увидел, что пожар перекинулся за ее пределы. На том месте, где совсем недавно стояла трансформаторная подстанция, дымились бесформенные руины. В тот самый миг, когда я выскочил наружу, раскалившиеся докрасна высоковольтные кабели вдруг побелели и рухнули наземь, превратившись в обрывки, извивающиеся, точно огненные змеи.

Таковы были первые последствия колоссальной энергетической перегрузки, ставшие, по моему твердому убеждению, результатом действия поистине феноменального дара Аликс и Марка; дав обещание своему премудрому учителю сосредоточиться только на электричестве, они выполнили его с лихвой.

III

Я бросился к больничным корпусам, куда пожар, кажется, еще не успел добраться. По дороге я столкнулся с Мартой — доктор выглядела крайне взволнованной.

— Я как в воду глядела, — простонала она. — Они стали неуправляемы. И все из-за Аликс и Марка. Они как будто сговорились. Где же профессор? Почему он не может прекратить это бесчинство?

— Профессор больше ничего не сможет, — вырвалось у меня.

Я в двух словах поведал ей о пожаре на электроустановке и о смерти Трувера. Однако ж, несмотря на всегдашнее благоговение Марты перед профессором, его трагический конец, похоже, не очень огорчил ее. Сейчас

доктором владел слепой страх, оказавшийся сильнее других чувств. Единственное, что, быть может, потрясло Марту не меньше, чем гибель профессора, — это пожар, уничтоживший электрическую установку. Заметив на моем лице недоумение, поскольку я так и не понял причину охватившего ее ужаса, Марта в отчаянии всплеснула руками и воскликнула:

— Неужели вы не догадываетесь, какая опасность нам угрожает? Мощностю растет с каждой минутой — нетрудно предположить, что она уже давно перевалила за сто мегаватт, и мы даже не в состоянии предугадать, до каких пределов она может возрасти! Установка давала ей выход во внешнюю энергосеть. Электролинии тоже больше нет. Из-за отсутствия энергоотвода могут начаться непредсказуемые процессы. Энергозаряды будут выбрасываться в пустоту: больше им некуда деваться.

— Да разве же это трагедия? По-моему, как раз наоборот, — как ни в чем не бывало заметил я, так и не уловив смысла ее слов.

— Неужто вы и впрямь ничего не поняли? Великий Боже, да вы хоть представляете себе, в какой форме, в какой чудовищной форме может проявиться бесконтрольный выброс психической энергии и к каким последствиям приведет?

Не успел я сообразить, что к чему, как вдруг, словно в подтверждение ее страхов и тревог, странную тишину, доселе царившую в больничных корпусах, нарушил гул — слабый, приглушенный стук. Я прислушался, испугавшись, как бы он не перерос в грохот громовых раскатов: ведь неделю назад такое уже было. Но нет, все вроде обошлось: пока ничего страшного не произошло. Стук походил на отдаленный барабанный бой, какой можно услышать на военных парадах. Мы с Мартой стояли у входа в башню, на крыше которой находилась смотровая площадка. В первом этаже башни брезжил слабый свет. С испугу я совершенно не обратил внимания, что после пожара, уничтожившего электроустановку, освещение везде погасло. Однако, несмотря на это, тьма, окружавшая нас, не была кромешной. И вот теперь этот странный свет. Такое впечатление, будто он исходил от стен, от пола, от потолка и обдавал тусклым сиянием все вокруг; его неяркие блики отражались и на перепуганном, мертвенно-бледном лице доктора-психиатра.

— Что теперь будет? — запричитала она. — Что же делать, Венсен? Придумайте хоть что-нибудь, надо остановить этот кошмар, иначе мы оба погибнем!

Когда-то Марта говорила со мной совсем по-другому: рассказывая о полтергейсте и полтергейстерах, она взирала на меня свысока — как преподаватель на нерадивого студента. Теперь же, признавшись в своем полном бессилии, она уповала на то, что я, быть может, сумею найти выход из этой ужасной переделки. Похоже, она так до сих пор и не поняла истинной причины чрезмерного возбуждения ее маленьких пациентов и поэтому совершенно не представляла, как их усмирить. Но откуда мне-то знать, как это сделать! И все же рядом с ее растерянностью и беспомощностью я почувствовал себя много увереннее.

— Как остановить этот кошмар? — сказал я. — Кажется, я знаю, что надо делать.

— Так делайте же, чего вы мешкаете?! — взмолилась она. — Нельзя терять ни минуты.

— Ничего не бойтесь. Я уверен — выход есть. Только ради всего святого, дайте мне подумать — это просто необходимо.

Как ни удивительно, несмотря на все напасти нынешнего вечера, мысли у меня в голове забили ключом. И тут мне пришла в голову одна идея: я вдруг пока еще смутно понял, как остановить этот безумный хаос, грозящий уничтожить нас. Пока я размышлял, стараясь уловить контуры идеи, Марта смотрела на меня так, словно я был ее последней надеждой.

— У меня возникла неплохая мысль, — решил я наконец. — Но, прежде чем взяться за ее осуществление, да-

вайте-ка сначала поглядим — может, полтергейстеры успокоятся сами по себе. Я и правда начинаю верить в неограниченные возможности Марка и Аликс... Пойдемте на смотровую площадку.

— Не хочу, — воспротивилась Марта. — Это чистое безумие!

Я по-прежнему держался спокойно и твердо, и моя уверенность подействовала на нее. К тому же я сказал ей, что считаю ее сообщницей профессора и так же, как и он, она несет ответственность за случившуюся трагедию и просто обязана пережить ее до конца. Марта сдалась и покорно пошла за мной — совсем как ребенок.

О том, чтобы воспользоваться лифтом, не могло быть и речи: обесточенный, он стоял неподвижно на самом дне шахты. Я увлек Марту вверх по лестнице, ведущей на крышу башни. Пока мы поднимались, шум становился все громче, но был вполне выносим, хотя бы потому, что от него не дрожали стены.

Когда же мы, запыхавшись, поднялись на смотровую площадку, мне почудилось, будто шум понемногу стих. Взглянув на Марту, я понял, что столь неожиданный поворот поразил ее не меньше моего. Незримые барабаны словно грохотнули в последний раз — сейчас этот дробный стук у меня действительно ассоциировался с барабанным боем, который когда-то давно служил, к примеру, сигналом к началу военной атаки. Вскоре, после двух или трех одиночных ударов в обоих корпусах снова стало тихо. Теперь из них исходило странное, таинственное свечение, озарявшее бледным мерцанием территорию владений погибшего профессора Трувера. Но столь неожиданным безмолвие не только не успокоило Марту, но, напротив, даже встревожило.

— Что опять задумали эти бесенята? Наверное, решают, куда бы еще направить свою энергию, у них ее хоть отбавляй, — заговорила она уже как психиатр.

Тот же вопрос задал себе и я, но теперь у меня появилось предчувствие, что нам с Мартой действовать не придется.

— Глядите, — вдруг сказал я. — Они вовсе не бесенята, о, нет! И никакие не сумасшедшие! Аликс с Марком поняли, чем может обернуться этот безудержный разгул фантазии, и сами остановили его. Смотрите же, Марта. Неужели вы ничего не видите?

Она наконец открыла глаза — до этого ее веки, казалось, были намертво сомкнуты — и тут же воскликнула: — Безумие! Да вы и сами сошли с ума!

Марта кинулась было бежать, но я силой удержал ее и заставил смотреть на сделанное полтергейстерами. Да, забыл сказать, когда мы поднялись на площадку, мальчики и девочки, просунув руки через решетки, словно тянулись друг к другу, и только Аликс с Марком стояли, как и прежде, неподвижно и безмолвно улыбались друг другу. Когда стих барабанный бой (а он определенно служил каким-то сигналом — в этом я был просто уверен), полтергейстеры, один за другим, зачарованные поведением двух основных героев, решили последовать их примеру. Все руки вдруг разом исчезли. И дети, опять-таки подражая Марку и Аликс, одновременно, как сговорившись, отпрянули от решеток к стенам палат.

Я тотчас сообразил, что это могло означать. Психическая энергия, энергия разума нашла себе новый выход, как бы подтверждая мои тайные надежды, лелеемые совсем недавно. Нет, это был не сон. И подтверждением тому была вскрик Марты. Нам обоим было хорошо видно, как прутья двойных решеток, установленных так, чтобы снаружи нельзя было разглядеть, что происходит внутри, сначала внезапно побурели, потом вдруг раскалились добела и начали медленно плавиться, превращаясь в капли жидкого металла, стекавшие во двор. То же самое произошло и с массивными железными рамами, к которым намертво были приварены прутья решеток. И теперь тысячи пар детских глаз могли смотреть друг на друга из корпусов Д и М, не встречая перед собой никаких препятствий.

Что же было потом? А потом свершилось чудо, непе-

редаваемое словами, но я все же попытаюсь его описать, хотя закоренелые скептики, к числу которых когда-то принадлежал и я, мне просто не поверят, однако людей пытливых, привыкших объективно смотреть на явления, ошибочно называемые сверхъестественными, и кто, как и я теперь, верит в безграничные возможности человеческого разума, тех, думаю, рассказ мой ничуть не удивит.

Безграничные возможности человеческого разума! Иногда я думаю, что какой-то ангел-доброжелатель указал мне путь в эту психиатрическую больницу, дабы я своими собственными глазами увидел диво, не похожее ни на одно из известных чудес, что когда-то совершали полтергейстеры или некие таинственные духи.

Ни один человек из числа заслуживающих доверия людей, на чьи свидетельства я наткнулся в библиотеке: психологи, психиатры, биологи, физики, жандармы, полицейские — не стал бы оспаривать факт, что более или менее тяжелые вещи, от ножей до шкафов, не говоря уже о цветочных горшках и предметах кухонной утвари, могут самопроизвольно перемещаться в пространстве. У них на то имелись все основания, ибо они были свидетелями подобных явлений, и никто не смел упрекнуть их в нечестности, когда они утверждали, что видели «это» собственными глазами. Хотя их опыт сводился всего лишь к одному, вполне обычному примеру проявления полтергейста. Так неужели никто не поверит моим словам, если я скажу, что был свидетелем явления, в котором участвовала сразу тысяча незаурядных полтергейстеров, тщательно отобранных талантливым ученым, профессором Трувером, и спровоцированных к действию его бесчеловечным, так называемым научным методом, а также двумя юными сверстниками, обладавшими поистине невероятным даром?

А теперь послушайте мой чистосердечный рассказ о том, что я видел собственными глазами с высоты смотровой площадки; нет, это были не ножи и даже не тяжеленные шкафы, могущие свободно скользить по столу или по полу... а целые здания — корпус Д, отведенный для девочек, и корпус М, в котором прозорливый профессор Трувер поселил мальчиков. Два железобетонных монолита качнулись, сдвинулись с места и совершенно бесшумно пополнились навстречу друг другу.

— Смотрите, хорошо смотрите, Марта, — твердил я как заведенный. — Ни вам, ни мне больше не видеть такого чуда.

Два огромных здания, высотой в двенадцать этажей и длиной сто тридцать метров, словно подталкиваемые волшебной силой, сближались, точно плывя по воздуху, а их обитатели, девочки и мальчики, протягивали друг другу руки.

Я не отрываясь наблюдал за детьми в течение нескольких минут, пока длилось это сближение. Но в основном взгляд мой был прикован к Аликс и Марку: на их лицах я прочел выражение отчаянной воли и полной, глубокой сосредоточенности, то самое выражение, которое я видел в глазах девочки, когда, сидя на электрическом стуле, она думала только об электричестве, однако на сей раз их несравненный дар был направлен совсем на другую, хоть и труднодостижимую, но исключительно благородную цель. На лицах обоих сияла торжествующая улыбка, хотя их зубы были стиснуты, а на лбу образовались глубокие складки, что говорило об их поистине сверхчеловеческих усилиях, дружно поддерживаемых остальными детьми, — следуя примеру Аликс и Марка, каждый из них вносил свою посильную лепту в общий поток энергии разума, направленной на осуществление одного общего желания.

И вот через каких-нибудь десять-пятнадцать минут оба здания с глухим стуком сблизились и тут же слились в одно, как бы образовав единый корпус ДМ, — все это произошло прямо на моих изумленных глазах и в присутствии ничего не понимающей Марты, доктора-психиатра.

IV

Я был бесконечно горд тем, что Провидение сделало меня зрителем столь невероятного, фантастического дей-

ства, и радовался, что разыгравшаяся было ужасная трагедия получила благополучную развязку. Я догадался об этом по решительному и счастливому виду Аликс и Марка, но откуда мне было знать, что зрелище это будет похоже на чудесную, волшебную сказку! Я нисколько не жалел о том, что не поддался слепому порыву и не бросился освобождать детей из плена. Они сами освободили себя, и это было нечто потрясающее!

Итак, теперь мне оставалось только проверить, подтверждаются ли мои догадки и предположения. Поэтому я решил не покидать площадку, пока все не окончится, и заставил остаться и Марту. Впрочем, она не возражала, хотя никак не могла взять в толк, чего я еще жду. Но то, чего я ждал, казалось, должно было вот-вот случиться, и я нисколько не удивился, увидев, что мои надежды начинают сбываться.

— Глядите же, Марта, — вдруг воскликнул я. — Это еще не конец.

Теперь в обоих корпусах, поглотивших двор и слившихся воедино, мерцал мягкий свет, который мало-помалу становился все более слабым. И детей уже не было видно. Протянув руку вперед, я дрожащим от волнения пальцем указал Марте на ваттметр, определитель мощности психической энергии. В отличие от своего брата, указателя электрической мощности, который разнесло вдребезги, этот остался целехонек и продолжал светиться, в то время как его стрелка по-прежнему заклинило на отметке сто мегаватт.

И вдруг эта стрелка пополнила в обратном направлении. Я следил за ее ходом как зачарованный. Но сейчас она двигалась не плавно, а скачками, наподобие секундной, только с более продолжительными паузами. Расстояние от ста до пятидесяти мегаватт она преодолела за несколько минут — за это время свет почти погас и наступила темнота, вернее — сумерки.

И вот в образовавшемся полумраке случилось последнее из чудес, когда-либо происходивших в психиатрической больнице профессора Трувера. На сей раз оно выразилось в левитации, феномене не новом и довольно хорошо изученном, о котором писали многие: и ученые, и люди, далекие от науки, — те, кто более или менее глубоко проник в тайну так называемых сверхъестественных явлений.

От единого корпуса ДМ вдруг отделились два неясных силуэта, два хрупких детских тела и воспарили в воздухе, подобно ангелам. В последних проблесках света я узнал их: это были Аликс и Марк. Решив, наверно, что роли их сыграны, взявшись за руки, они вырвались наконец из ненавистой психушки. Я видел, как они перелетели через внешнюю ограду и исчезли из глаз, тихо-мирно приземлившись, как я думаю, где-нибудь подальше от этого зловещего места. Следом за тем стрелка ваттметра резко упала до нуля, и психиатрическая больница провалилась в ночь и тишину.

Доктор Марта по-прежнему стояла рядом, она уже немало успокоилась, но по ее потерянному виду я догадался, что она совершенно ничего не понимает в происходящем. Не знаю почему, но растерянность Марты огорчила меня даже больше, чем ее давешняя возбужденность. И я было собрался растолковать ей, что к чему, — мне очень хотелось, чтобы она хоть сейчас могла выслушать меня до конца. Но, поразмыслив немного, я отбросил эту затею. Марта осталась такой же, какой была — о психике детей она продолжала судить только по сведениям, почерпнутым из книг: ведь личного опыта у нее никогда не было. Для Марты весь вопрос заключался в «самопроизвольном выбросе энергетических зарядов», но это непонятное определение она тоже где-то вычитала, а потом зазубрила, так и не постигнув его истинный смысл.

В таком случае к чему было тратить впустую красноречие, хотя бы из самых чистых и возвышенных побуждений? И, отказавшись от роли случайного наставника, я просто решил ее утешить.

— Марта, дорогая Марта, — сказал я, не мудрствуя лукаво, — вам уже нечего бояться полтергейстеров. Они больше неопасны. Теперь они бессильны.

Перевел с французского И.АЛЧЕЕВ

СОДЕРЖАНИЕ ЖУРНАЛА «ВОКРУГ СВЕТА» ЗА 1993 ГОД

РЕДАКЦИОННЫЕ СТАТЬИ, КОНКУРСЫ

Библиотека «Вокруг света».....	3
Блицтур по Индии.....	10
МАРЬИН В.— Встреча с Изабель.....	10
Памяти штурмана.....	2
ПОЛЕЩУК АЛЕКСАНДР — Почему «похудел» этот номер.....	6
ПОЛЕЩУК АЛЕКСАНДР — Неужели нам стало не до писем?.....	10
ПОЛЕЩУК АЛЕКСАНДР — «Русская сторона» хочет, чтобы наш журнал читали везде.....	11

Последняя работа Владимира Неволлина.....	1
Редакция готовит к публикации.....	2,3,4,9,10

ОЧЕРКИ, СТАТЬИ, РЕПОРТАЖИ, ЗАМЕТКИ

1. АДЖИЕВ МУРАД — По дороге на Чермен.....	1
2. АГАФОНОВА ОЛЬГА — По воле ветра.....	2
3. БАБЕНКО НИКИТА — Потаенный потлач.....	7
4. БАДХАНОВ ШАДХАН — Цзиншаньский портрет неизвестного.....	7
5. БАДХАНОВ ШАДХАН — Пятый долг.....	8
6. БАЛЕЗИН АЛЕКСАНДР — Намибийская ферма.....	1
7. БАР-БИРЮКОВ ОКТЯБРЬ — Неизвестный взрыв.....	11
8. БЕЛЯКОВ ВЛАДИМИР — Оранул живет в Сиве.....	9
9. БОРДОНОВ ЖОРЖ — Битва при Гастингсе.....	10
10. БОЧКАРЕВ ЛЭР — В центре мира, или На родине Насреддина-ходжи.....	3
11. БУТАКОВ А.И.— Море Арал.....	10
12. ВИЛЕНСКАЯ ЛАРИСА — Я иду через пламя.....	7
13. ВОИНОВ И.— Там, где бродят чакли.....	11
14. ГАЛЕНКО ВАСИЛИЙ — Через три океана на веслах.....	9
15. ГАЛКИН ЛЕВ — Звезды смеются и плачут.....	6
16. ГОРЫШИН ГЛЕБ — Глядя в окно поезда, идущего из Шанхая в Пекин.....	4
17. ГРЭШЕМ УИЛЬЯМ — Гарри Гудини — покоритель онов.....	7-9
18. ДЕКО АЛЕН — Была ли сожжена Жанна д'Арк?.....	1
19. ДЕКО АЛЕН — Оклеветанный Нерон.....	3
20. ДЕКО АЛЕН — Таинственное исчезновение Лайонелла Крэбба, «человека-лягушки».....	5
21. ДЕКО АЛЕН — Мавританка из Морэ — черноногая дочь Людовика XIV?.....	6
22. ДЕКО АЛЕН — Ее признала вся Европа.....	8
23. ДЕКО АЛЕН — Анастасия.....	11, 12
24. ДМИТРЕНКО ВЛАДИСЛАВ — Чашечку кафезины, сеньор?.....	2
25. ДОБРОВ ВАДИМ — По острову наннибалов.....	11
26. ЖУКОВСКАЯ НАТАЛИЯ — Юрта у дороги.....	9
27. ЗИГУНЕНКО СТАНИСЛАВ — «Ноев ковчег» в Аризонской пустыне.....	12
28. КАБАННИКОВ А.— Под знаком Мерапи.....	7
29. КАРМЕН АЛЕКСАНДР — Русский дом в Асунсьоне.....	1
30. КАРПУХИН ОЛЕГ — Град Китеж на Сунгари-рене.....	8
31. КАТИНА М.— «Красные ангелы» альпийских вершин.....	4
32. КАШИН ВАЛЕРИЙ — Священные змеи Индии.....	10
33. КЛЮЕВ БОРИС — Охотники за головами.....	10
34. КОЛПАКОВ АНДРЕЙ — Схватка в ревущем каньоне.....	8
35. КОРАБЕЛЬНИК НАДЕЖДА — В Пури, у бога Джаганнатха.....	10

36. КОРШУНОВ МИХАИЛ, ТЕРЕХОВА ВИКТОРИЯ — Подземный ход в Кремль.....	4-6
37. КОСТЯНЯН ЛЕВ — Зови меня просто Мано.....	4
38. КОСТЮКОВА ЕКАТЕРИНА — Фенек-солнцепоклонник.....	3
39. КОСТЮКОВА ЕКАТЕРИНА — На ледниковой мельнице.....	11
40. КОЧНЕВ АНАТОЛИЙ — О белом медведе замолвите слово.....	6
41. КРИВЦОВ Н.— У каждого свой Эверест.....	7
42. КУЧИНСКИЙ МАЧЕЙ — Почитатели змея.....	9
43. КУЧИНСКИЙ МАЧЕЙ — Диск из Атлантиды?.....	12
44. ЛАЗАРЕВ А.— Брухо предсказывает будущее.....	11
45. ЛАЛАЯНЦ И.— Динозавров погубили... космические странники.....	8
46. ЛАРИН ОЛЕГ — Взял я ветер и пошел в лето.....	3
47. ЛЕБЕДЕВ В.— Феерия парусов.....	1
48. ЛИСТОПАДОВ НИКОЛАЙ — Музыканты пью.....	8
49. ЛИТАУ НИКОЛАЙ, ГЕРШУНИ АРКАДИЙ — «Англичанна» под российским флагом.....	10
50. ЛОБЫЦЫН ВЛАДИМИР — «Наваринского дыму с пламенем».....	3
51. ЛОПАТЕНКО НИК.— Проклятие фараонов.....	2
52. ЛЬВОВА Э.— Замки древнего Гондара.....	3
53. МАДЕКИН АНДРЕЙ — Липы Рериха в долине Кулу.....	10
54. МАЙЕ ЖАК ДЕ — Серебряные копи тамплиеров.....	4
55. МАЛАШЕНКО АЛЕКСЕЙ — Колгейт, Хамилтон и кусочек Нью-Йорка.....	1
56. МАЛЬХОТРА ИРА — Праздники всегда с нами.....	10
57. МАРГУЛИС Н.— Жизнь на вулкане.....	2
58. МАРГУЛИС Н.— Тайные силы пирамид.....	5
59. МАРГУЛИС Н.— Как выжить легкомысленной Дратси.....	6
60. МАРГУЛИС Н.— Посланцы грозных небес.....	7
61. МАРГУЛИС Н.— Квазимодо морских глубин.....	10
62. МЕДВЕДЕНКО АНАТОЛИЙ — Два Робинзона.....	5
63. МИНЦ ЛЕВ — Не щадя живота своего.....	4
64. МИНЦ ЛЕВ — Баранья голова.....	8
65. МЫШКИНА К.— Остров неспешного успеха.....	12
66. НЕПОМЯЩАЩИЙ Н.— Мои научились ходить.....	11
67. НИКИТИНА С.— Усатые гиганты из страны маори.....	1
68. НИКОЛАЕВ Н.— Вечные охотники.....	9
69. НИКОЛАЕВ Н.— Неуловимый сон дуонг.....	11
70. ОКЛАДНИКОВ НИКОЛАЙ — К морю Студеному.....	7
71. ОРЛОВ В.— Байумба хупи — медвежья смерть.....	1
72. ОРЛОВ В.— Кресты на Ленских островах.....	3
73. ОРЛОВ В.— Петля на тигриной тропе.....	5
74. ОРЛОВ В.— Большие учения на Столбовом.....	8
75. ОРЛОВ В.— Постскриптум к описи Бутанова.....	10
76. ОРЛОВ ВАЛЕРИЙ — Речная тропа Мещеры.....	11
77. ПАЛКЕВИЧ ЯЦЕК — Самая пустынная пустыня.....	9
78. ПАЛКЕВИЧ ЯЦЕК — В Омаи, на реке Эссенибо.....	12
79. ПРЕОБРАЖЕНСКИЙ КОНСТАНТИН — Истинный вкус, насаженный на палочку.....	3
80. ПРОСВИРОВ ЕВГЕНИЙ — Купание в открытом океане.....	8
81. РАЧКОВ АНРИ — Ку-омбоно, или Как искали Монику в джунглях.....	2
82. РОЖНОВ ВЯЧЕСЛАВ — Господин Голу.....	5
83. САЛГАНИК МАРИАМ — Лица и голоса.....	10
84. СИЛКИН Б.— Ниос: озеро-убийца.....	4
85. СКЛОКИН ФЕДОР — Бегом через Сахару.....	10

86. СЛУЧЕВСКИЙ А.— Этци продолжает молчать.....	10
87. СМУРГИС ЕВГЕНИЙ — К старту большого плавания ..	9
88. СОЛДАТКИН Е.— Непотопляемый наутилус	8
89. СОЛНЦЕВ АЛЕКСАНДР — Позывные для пумы	4
90. СОЛНЦЕВ АЛЕКСАНДР — Отважный сенбернар, или Истории альпийских спасателей	7
91. СОЛОВЬЕВА КАТЕРИНА — Здесь орлы всегда в полете	7
92. СОЛОДОВЩИКОВА И.— Неповторимое порто	9
93. СТРЕЛЕЦКИЙ А.— Если хочешь быть богом, стань им!	7
94. СУПРУНЕНКО В.— Сам себе Робинзон	4,5,7-12
95. СУПРУНЕНКО П., СУПРУНЕНКО Ю.— Санаджавеа	2
96. СУПРУНЕНКО Ю.— По заветам Корана и зову сердца	5
97. СУПРУНЕНКО ЮРИЙ — Призран Сиволы	12
98. ТАГЕР М.— Крылатые пленники	2
99. ТАРАСОВ ВИКТОР — Хозяин «Лагеря Львов»	12
100. ТАРУНОВ А.— Аномальный район	1
101. ТОМАС ЭНДРЮ — Тибетская школа	1
102. ФУКС АРВЕД — Кто обогнул мыс Горн	7
103. ФУРНЕ А.— Пещерный монастырь	2
104. ХЕРСОНОВ-УДАЧИН А.— Воля небес?	4
105. ЧЕКУЛАЕВА ЕЛЕНА — Не дарите на свадьбу часы ..	1
106. ЧЕШКОВА Л.— Железный парус-11	9
107. ШАРОВ АНДРЕЙ — Оптимисты с озера Разочарования	11
108. ЭЙВЕЛЬМАНС БЕРНАР — Австралийский буньип	3
109. ЭЙВЕЛЬМАНС БЕРНАР — Гигантские змеи Амазонии	5

Геральдический альбом. КУРАСОВ ЮРИЙ	12
Глобус	4,11
Горячая планета	2,7
Курьер	2,3,4,5,7,8,11,12
Пестрый мир	1-12
Почтовый дилижанс	1,4,7,8,9,10,11
Праздники всегда с нами	5,9,10
Теория невероятности	4,5,8

РОМАНЫ, ПОВЕСТИ, РАССКАЗЫ

БИКСБИ ДЖЕРОМ, ДИН ДЖО — По-братски. Рассказ. Перевел П.Вязников	3
БЛОХ РОБЕРТ — Кунолка. Рассказ. Перевел Владимир Поляков	1
БРОКСОН МИЛДРЕД ДАУНИ — На льду. Фантастический рассказ. Перевел А.Корженевский	1
БУЛЬ ПЬЕР — Энергия отчаяния. Главы из романа. Перевел И.Алчев	10-12
ВОГТ ВАН А.— Второе решение. Фантастический рассказ. Перевел П.Павленко	9
ДЕМЮТ МИШЕЛЬ — Гамма-южная. Фантастический рассказ. Перевел И.Найденов	2
ДЖЕКОБС У.— Обезьянья лапка. Рассказ. Перевел В.Поляков	11
КАТТНЕР ГЕНРИ — Тень на экране. Фантастический рассказ. Перевел Дм.Семенов	7
КИПЛИНГ РЕДЬЯРД — Начертание зверя. Рассказ. Перевел Д.Вознякевич	4
ПАУЭЛЛ ДЖЕЙМС — Альтдорфская примета. Рассказ. Перевел М.Родионов	5
САПКОВСКИЙ АНДЖЕЙ — Ведьман. Рассказ. Перевел Евгений Вайсброт	8
СТРИБЕР УАЙТЛЕЙ — Обратни. Главы из романа. Перевел	

Ю.Семенов	2-6
Суперфантаст-92	2,9
ЧЕКУЛАЕВА ЕЛЕНА — Малиган и Кардила. Повесть ..	7-10

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

АВСТРАЛИЯ — 107, БИРМА — 48, БОЛИВИЯ — 106,
БРАЗИЛИЯ — 24, ВЕЛИКОБРИТАНИЯ — 59, ВЬЕТНАМ — 69,
82, ГАЙАНА — 78, ГЕРМАНИЯ — 38, 98, ГРЕЦИЯ — 50,
ЕГИПЕТ — 8,51, ЗАМБИЯ — 81, ИНДИЯ — 32,33, 35, 53, 56,
83, 93, ИНДОНЕЗИЯ — 25, 28, ИТАЛИЯ — 57, КАМЕРУН —
84, КАНАДА — 3, КЕНИЯ — 99, КИТАЙ — 4,16,30,
МАВРИКИЙ — 65, МАЛАЙЗИЯ — 105, МЕКСИКА — 37,
МОНГОЛИЯ — 26, НАМИБИЯ — 6, ПАПУА — НОВАЯ
ГВИНЕЯ — 25, ПАРАГВАЙ — 29, ПЕРУ — 34, ПОРТУГАЛИЯ—
92, РОССИЯ — 1,13,14,36,46,49,70, 71, 73, 76, 100,
САУДОВСКАЯ АРАВИЯ — 5, США — 27, 55, 91, ТАНЗАНИЯ —
98, ТУРЦИЯ — 10, ЧИЛИ — 82, 77, ЭКВАТОРИАЛЬНАЯ
ГВИНЕЯ — 44, ЭФИОПИЯ — 52, ЯПОНИЯ — 79.
АЛЬПЫ — 31, 86, 90, АРКТИКА — 39, 40, 72, 74, 87,
АТЛАНТИЧЕСКИЙ ОКЕАН — 80, О-В ПАСХИ — 66, САХАРА —
38, 85, СЕВЕРНАЯ АМЕРИКА — 89, 95, 97, ЮЖНАЯ
АМЕРИКА — 102.

В 1993 ГОДУ В ЖУРНАЛЕ «ВОКРУГ СВЕТА» ОПУБЛИКОВАЛИ ФОТОГРАФИИ:

БАЛЕЗИН А., БЕЛЯКОВ В., БОЛОТОВ С.,
БОЧКАРЕВ Л., ГРИНЧЕНКО К., ДМИТРЕНКО В.,
ДОБРОВ В., ЖУКОВСКАЯ Н., ЗАДИКЯН А.,
КАРМЕН А., КАРПУХИН О., КОРАБЕЛЬНИК Н.,
КОСТАНЯН Л., КОЧНЕВ А., ЛАРИН О.,
ЛИСТОПАДОВ Н., ЛОБЫЦЫН В., МАДЕКИН А.,
МАСЛЯЕВ Ю., МЕДВЕДЕНКО А.,
ОКЛАДНИКОВ Н.,
ОРЛОВ В., ОСТАШЕВ В., ПАЛКЕВИЧ Я.,
РАТИНОВ О., РАЧКОВ А., РОЖНОВ В.,
СКЛОКИН Ф., ТАРАСОВ В., ТАРУНОВ А.,
ФЕДОСЕЕВ Л., ФЕДОТОВ Н., ЧЕКУЛАЕВА Е.

В 1993 ГОДУ В ОФОРМЛЕНИИ ЖУРНАЛА «ВОКРУГ СВЕТА» УЧАСТВОВАЛИ ХУДОЖНИКИ:

БАЛЬЖАК Н., МАЛИНОВСКАЯ Н., СЕМЕНОВ
Ю.,
ФЕДОСКИН В., ХОМЯКОВ В., ЧИЖИКОВ В.,
ШВЕЦОВ Л., ШТЫХИН А., ЯНСИТОВ К.,
использованы произведения Босха Иеронима,
Доре Гюстава, Рериха Николая.

Экономические и социальные катаклизмы, политические кризисы, военные перевороты, преступления мафии — эти темы заполнили сегодня печать.

Но есть и другая сторона жизни:

**ПУТЕШЕСТВИЯ И ОТКРЫТИЯ,
ИСТОРИЧЕСКОЕ И КУЛЬТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ НАРОДОВ,
НЕОБЫЧАЙНЫЕ ПРОИСШЕСТВИЯ, СМЕЛЫЕ ПРОЕКТЫ,
ФАНТАСТИЧЕСКИЕ И ПРИКЛЮЧЕНЧЕСКИЕ РОМАНЫ -
ЭТО МИР**

— старейшего российского, научно-художественного журнала
(индекс 70142)

Редакция издает литературное приложение.
Индекс 70424, объем 160 страниц формата 84x108 1/32.

Подписка на «Вокруг света» и «Искатель» принимается с любого месяца по каталогу издательства «Известия», а также в редакции по тел. 285-88-85.

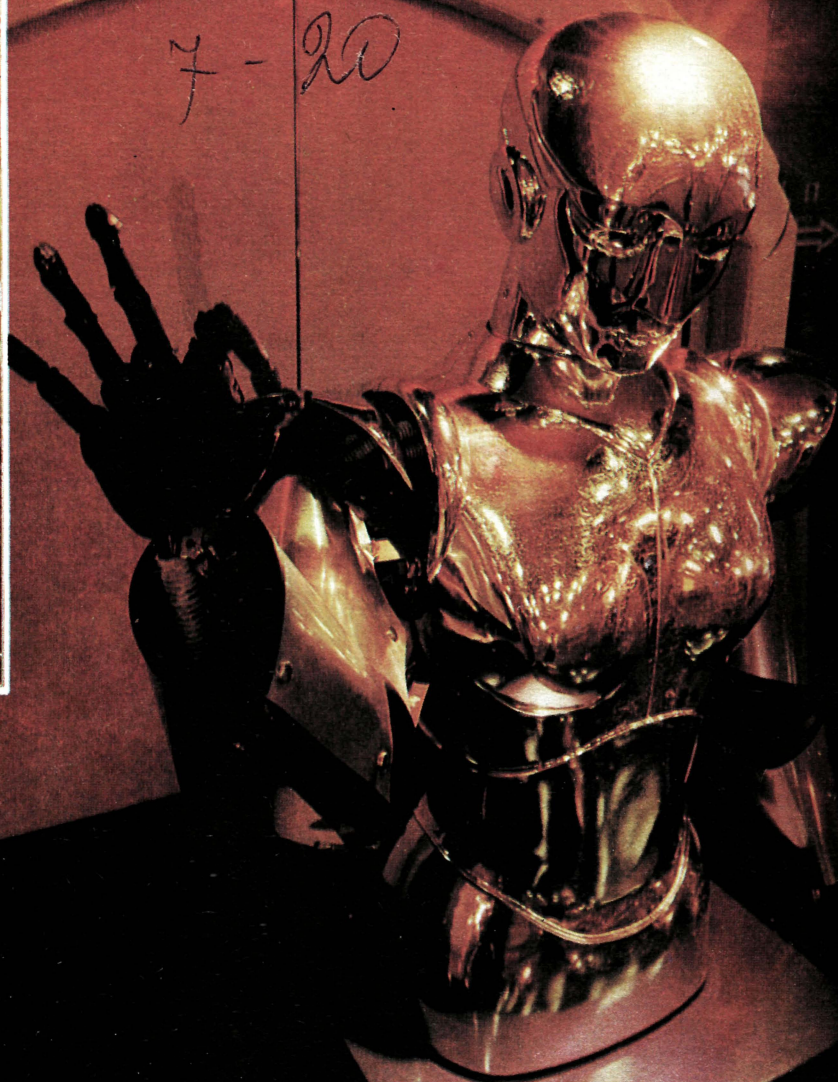
Редакция рассмотрит предложения о совместной деятельности в области книгоиздания, распространения журнальной и книжной продукции.

Взносы в фонд поддержки журнала и для благотворительной подписки инвалидам и воспитанникам детских домов принимаются на наш расчетный счет № 467749 МФО 201092 корсчет 182161200 в коммерческом банке «Колосс», адрес: г. Москва, 107150, ул. Лосиноостровская, 20.
Справки по тел. 285-88-83.

Говорят, в Азии рабочие руки в избытке, но и они стоят денег. А вот хозяин одной из плантаций в Таиланде решил вообще не платить за работу. На большинстве работ его обслуживают обезьяны. Да и кому платить? Обезьянам?
Фото из журнала «Atlante». ►

Hand Signal Robot

Таким вот, чисто человеческим, жестом облаченный в позолоченные доспехи робот дает знать брокерам Токийской фондовой биржи о выборе оптимального варианта при той или иной сделке.

Фото из журнала "National Geographic"